

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

4

1989

А Дома
всё же лучше!

— Я очень люблю писать пейзажи. В крошечных уголках природы стараюсь постичь красоту и нежность земли нашей, которой угрожает экологическая проблема,— так объясняет свою любовь к живописи начальник 24-го отделения милиции города Москвы Геннадий Барциц.

Работы Г. Барцица вы увидите на четвертой странице обложки.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 4 (220) АПРЕЛЬ 1989. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

А. САХАРОВ. Правовое государство и правосудие 3

А. ПАНКОВ. Не рублем единым... Промышленный кооператив: первые шаги 9

21

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. КУЧЕР. Не беда, а вина. Неосторожные преступления — дань общества за социальную беспечность 21

27

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

А. СОБЧАК. В ногу ли со временем? 27

Казнить или помиловать? На письма читателей отвечает С. КЕЛИНА 32

«И не только анонимки...»
Подборка откликов на письмо читателя из Киева В. ТАВАРНОГО 37

Б. ЗЕЛЕНКО. В защиту чести и достоинства 39

МИНИ-ДЕТЕКТИВ
Что рассказали осколки 43

44

СОБЕСЕДНИК

Как это делается у вас? Беседа специального корреспондента журнала с заместителем Генерального прокурора Швеции СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ 44

А. СМИРНОВ. Вспоминая забытый мотив. Курорт Гагра — сегодня и завтра 47

К. ХРОМОВА. Вы чья мама? 58

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «Ч и З» 63

Бегут от «рая в шалаше..» 64

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ 19, 65

66

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Что можно и что нельзя кооператорам? О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР» 66

ЗАКОН. КОММЕНТАРИИ. ПРАКТИКА

С. ЕФИМОВ. Несчастный случай в пути 69

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

В. ИСАКОВ. Красивый обряд 71

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 73, 128

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Юридические факты. Что это такое? На вопросы читателей отвечает И. П. ГРИШИН 73

ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА 77

ОТ А ДО Я

Размер пособий по временной нетрудоспособности 78

80

Л. ЗАХАРОВА, В. СИРЕНКО. Три сонета Шекспира. Роман. Продолжение 80

126

КРОССВОРД

Знаете ли вы право? 126

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ, С. И. БАБОШКО,

Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель
главного редактора),

В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),

Б. В. ЗАБОТИН, И. Н. КУЗНЕЦОВ,

В. Д. ПОВОЛЯЕВ, И. С. САМОЩЕНКО,

П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,

Е. В. СМИРНОВА, А. Я. СУХАРЕВ,

А. А. ТРЕБКОВ, А. М. ФИЛАТОВ.

Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА

Оформление В. А. БУРКИНА

Фото в номере В. С. ЗИМИНА

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

Судебная реформа. В чем ее суть? Об этом идет речь в статье «Правовое государство и правосудие».

Промышленный кооператив. «За» и «против» — размышления в публикации «Не рублем единым...»

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСУДИЕ

Создание правового государства — одна из ведущих идей происходящих в нашей стране процессов перестройки, революционного обновления всех сторон общественной жизни. Суть этой идеи в абсолютном господстве закона, его обязательности как для граждан, так и для государственного аппарата. *Не только граждане ответственны перед государством, но и государство ответственно перед гражданами, ибо они в равной мере ответственны перед Законом.*

Иногда идею правового государства связывают с формулой «разрешено все, что не запрещено». Формула эта неполно выражает суть правового государства: она правильна в отношении граждан, но не приемлема по отношению к госаппарату, который правомочен действовать только в строгих рамках закона. Иное означает на деле произвол, не ограниченное ничем всевластие чиновников. Для них формула правового государства гласит: «Запрещено все, что не разрешено законом».

Естественно поставить вопрос: а до сих пор какое у нас было государство, не правовое? Разве не было у нас законов, регламентирующих поведение граждан и деятельность аппарата? Законы, конечно, были, и не мало: общественная жизнь была, пожалуй, даже чрезмерно заюридизирована. Но правовое государство определяется не количеством законов, а их содержанием и тем, как они исполняются. В правовом государстве законы сами должны быть законными, то есть не расходиться с Конституцией страны, не противоречить важнейшим принципам политической и социальной организации общества.

Идее правового государства особенно противоречит наличие несогласующихся с законом подзаконных нормативных актов — ведомственных инструкций, положений, решений, нарушающих права и

интересы граждан. Такого рода актов у нас было издано очень много, ибо чиновничьи амбиции и нормотворческий зуд, к сожалению, никем не сдерживались. Скажем, закон предусматривает: «Всем рабочим и служащим предоставляются ежегодные отпуска с сохранением места работы (должности) и среднего заработка» (ст. 32 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде). А вопреки этому лицам, работающим по совместительству, отпуск не оплачивают на основании нормативного акта, оказавшегося сильнее закона.

Ведомственные инструкции сделали нас фактически бесправными во взаимоотношениях с представителями торговли, транспорта, медицины и иных сфер обслуживания. Произвольно толкуя интересы государства, противопоставляя их интересам граждан, чиновничий аппарат решительно не приемлет для себя принцип: «запрещено все, что не разрешено» и к тому же не очень соблюдает правило: «разрешено то, что не запрещено».

Правовое государство возможно лишь в условиях подлинной демократии и народовластия. Если законы готовят чиновники, если они принимаются депутатами, которые лишь формально являются избранными народом и к тому же заседают в законодательном органе лишь несколько дней в году, не имея возможности детально обсудить и отработать принимаемые законопроекты, если в стране не существует особой инстанции, надзирающей над конституционностью законов, то о правовом государстве говорить не приходится. А ведь именно так обстояли у нас дела в недавнем прошлом. Даже ведомственное нормотворчество, сплошь и рядом расхлывшееся с законом и ущемляющее права граждан, никем и ничем не ограничивалось. Ибо прокурорский надзор за законностью подобных актов оказался крайне робким, неправомочен был приостанавливать действие противоречащих закону инструкций и положений.

Необходимость создания в стране правового государства была обоснована в решениях XXVII съезда и XIX Всесоюзной конференции КПСС как составная часть реформы политической системы советского общества. Первый значительный шаг в осуществлении этих решений сделан на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (ноябрь 1988 г.), принявшей законы об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов. Эти законы заложили основы создания правового государства. Они реорганизовали на подлинно демократических началах порядок формирования и деятельности высших органов законодательной власти, учредили Комитет конституционного надзора, обеспечили подконтрольность власти на всех ее уровнях, исключающую возможность выхода из-под влияния народа и его представителей какого-либо звена государственного механизма.

Ныне законы будут приниматься народными депутатами постоянно действующего советского парламента. Депутатами, которых выдвинули по месту жительства трудящиеся трудовых коллективов, общественные организации из числа альтернативных кандидатов, представляющих все слои и социальные группы населения. Поскольку Верховный Совет будет функционировать теперь де как раньше — несколько дней в году, а в течение 6—8 месяцев, принятие депутатами законов из чисто формальной акции превращается в истинно законотворческую работу, предполагающую детальное обсуждение законопроектов. К тому же Комитет конституционного надзора в

случае неконституционности закона вправе приостановить его действие.

В условиях радикальных преобразований политической системы советского общества возрастает и активизируется роль органов народного контроля и прокурорского надзора, института судебного обжалования действий должностных лиц. Все эти важные нововведения создают определенные гарантии того, что в стране утвердится подлинная законность, являющаяся основой правового государства.

Создание правового государства требует проведения правовой реформы, в частности обновления действующего законодательства — издания новых законодательных актов, регламентирующих те сферы общественных отношений, которые раньше не подвергались законодательному регулированию или регулировались недостаточно. Такая работа уже проводится: приняты законы о государственном предприятии, о кооперации, об индивидуально-трудовой деятельности. Разрабатываются законы о печати, о гласности, о молодежи, о правах профсоюзов, о добровольных обществах и объединениях, о свободе совести и другие.

Особое, ключевое место в правовом государстве занимает судебная реформа. Будучи главным звеном правоохранительного механизма, правосудие является чутким показателем уровня демократизма и гуманизма общества. Именно суд, его деятельность играют решающую роль в реализации права.

До последнего времени суд воспринимался в глазах населения преимущественно как карающий орган и значительно меньше как орган, охраняющий права советского человека, особенно от их нарушений чиновниками-бюрократами. В правовом государстве, которое мы теперь создаем, эта роль суда должна существенно возрасти, в частности благодаря установлению судебного обжалования незаконных действий должностных лиц. Право такого обжалования было записано в Конституции 1977 года, но 11 лет оставалось «бумажным», нереализованным. И лишь в 1988 году стало действительным, хотя, надо признать, ограниченным, ибо обжаловать, согласно закону, можно лишь единоличное решение должностного лица, но не коллегиального органа.

Велика роль правосудия по уголовным делам, призванного претворить в жизнь гуманистический принцип: каждый, совершивший преступление, должен понести справедливое наказание, и ни один невиновный не должен пострадать. Последовательно реализовать это требование может только суд, избранный демократическим путем, независимый от иных государственных органов и должностных лиц, подчиняющийся только закону.

О независимости судей и их подчинении только закону говорилось и в прежнем законодательстве. Однако то была больше лозунговая, бумажная независимость — словесная декларация, расходившаяся с действительностью. Фактически судьи находились под весьма ощутимым прессом в лице власть предержащих — партийных, советских и даже крупных хозяйственных руководителей. Тех, от кого зависело, будет ли судья избран на следующий срок, продвинут ли его по должности, наделят или обойдут квартирой, санаторной путевкой, местом в детском садике, прочими жизненными благами. Все это порождало судейский конформизм, потерю самостоятельности, боязнь личной ответственности. Законность подменялась «телефонным правом», судейская объективность и беспристрастность — обвинительным уклоном, «двойным стандартом» в отношении к ря-

довым и номенклатурным лицам. Вмешательство в судебную деятельность, давление на судей разрушало правосудие, подчиняло его бюрократическому аппарату, злоупотреблявшему властью.

При разрешении судом конкретных дел никто не вправе требовать от судей вынесения того или иного решения или приговора, воздействовать на них в какой бы то ни было форме, независимо от того, делается это в личных целях или превратно понятых «интересах дела».

Полезно напомнить, с какой последовательностью В. И. Ленин отстаивал независимость судей, решительно возражая против принятия циркуляра, предусматривающего право партийных комитетов давать обязательные для судов предписывающие указания, требуя исключить из партии за малейшую попытку «влиять» на суды.

Реформа судебной системы — центральный пункт обновления нашего правосудия. Первый важный шаг в этом направлении сделан внеочередной (ноябрь 1988 г.) сессией Верховного Совета СССР, внесшей существенные изменения и дополнения в статьи Конституции СССР о суде. Прежде всего это касается порядка образования судов и избрания судей. Отныне судьи районных, городских, областных и краевых судов, составляющие основную, наиболее многочисленную часть судебного механизма, будут избираться не по месту их деятельности, а соответствующими вышестоящими Советами народных депутатов. При этом вдвое увеличен срок их полномочий — с 5 до 10 лет. Такой порядок призван обеспечить большую самостоятельность и независимость судей от влияния и давления местных властей.

Новый текст статьи 155 Конституции СССР не только повторил тезис о том, что судьи независимы и подчиняются только закону, но и предусмотрел правовые гарантии судебской независимости, беспрепятственного и эффективного осуществления судьями и народными заседателями своих полномочий и правомочий. С этой целью в Конституции записано, что «какое-либо вмешательство в деятельность судей и народных заседателей по осуществлению правосудия недопустимо и влечет ответственность по закону». Подобная ответственность должна быть установлена в уголовном законодательстве. В готовящемся проекте нового Уголовного кодекса РСФСР есть специальная статья, предусматривающая строгое наказание за подобные действия. Кроме того, неприкосновенность судей и иные гарантии их независимости будут предусмотрены в Законе о статусе судей в СССР и в других союзных и республиканских законодательных актах, которые сейчас разрабатываются.

Важным и сложным вопросом, во многом определяющим демократизм правосудия, является вопрос о народных заседателях — их положении и роли в судебском механизме, правовом и фактическом статусе. Хотя порядок избрания народных заседателей несколько отличается от избрания профессиональных судей, во всем остальном они полностью равноправны и, как сказано в законе, «при осуществлении правосудия пользуются всеми правами судьи» (ст. 9 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве в СССР). Во всех судах уголовные и гражданские дела по первой инстанции рассматриваются в составе судьи и двух заседателей, а решения принимаются ими большинством голосов. Казалось бы, это обеспечивает приоритет народных заседателей, гарантирует против диктата профессионального судьи, который может быть подвержен влияниям и давлениям «по службе». Однако на

деле, к сожалению, мы видим иное. Народные заседатели в большинстве случаев ведут себя как безмолвные статисты, редко высказывают и, уж того реже, отстаивают свое мнение. За что и получили ироническое прозвище «народные киватели», во всем согласные с судьями. Можно объяснить это отсутствием у заседателей юридических знаний и опыта судебной работы, незнакомленностью с рассматриваемыми делами, наконец, избранием в народные заседатели мало подходящих для этого лиц.

И все же главное, на мой взгляд, — в отношении профессионального судьи к народным заседателям. Не будучи полностью независимым, свободным от «внешних» влияний и давлений, судья видит в заседателе лишь помеху в выполнении своей работы. Отсюда пренебрежение к любой активности заседателей, неудовольствие по поводу их самостоятельности в суждениях. Вот почему ныне обоснованно поставлен вопрос о реформе самого института народных заседателей: изменении их числа, а то и функций при рассмотрении различных судебных дел. Думается, что число народных заседателей при рассмотрении наиболее серьезных и сложных уголовных дел должно быть увеличено. Необходимость этого никем уже не оспаривается. Есть все основания рассчитывать, что такая мера повысит активность народных заседателей, укрепит их самостоятельность, обеспечит большую объективность судебной деятельности.

Меньше сторонников встречает другое предложение: не только увеличить число народных заседателей, но и отделить их от профессионального судьи, предоставить им решение вопросов о фактических обстоятельствах рассматриваемого дела — совершил ли обвиняемый инкриминируемые ему действия и при каких обстоятельствах. А юридическую квалификацию того, что установят народные заседатели, и наказание за содеянное пусть определяет профессиональный судья совместно с заседателями. Против такого решения выдвигается ряд возражений. Но бесспорно одно: именно так в наибольшей мере можно гарантировать независимость и объективность правосудия. Ведь давить на судью уже не будет смысла, ибо он в решении вопроса о виновности не участвует. Повлиять же на заседателей невозможно: они от высокопоставленных чиновников не зависят. Указанные варианты судебной реформы сейчас активно обсуждаются а выбор будет сделан законодателем.

Объективность и справедливость правосудия во многом зависят от положения в нем адвоката. Представляя доказательства в защиту обвиняемого, анализируя под этим углом зрения все обстоятельства дела, адвокат помогает всесторонне разобраться в предъявленном лицу обвинении. Квалифицированная работа адвоката — одна из гарантий законности правосудия.

Эта важная роль адвоката существенно ограничена, если защитник допускается к выполнению своих функций лишь после окончания предварительного следствия, то есть когда собраны все доказательства и дело передается в суд для его окончательного разрешения. Именно такое ограничение установлено действующим законом в отношении основной массы уголовных дел. Только по делам о преступлениях несовершеннолетних и лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свою защиту, адвокат допускается с момента предъявления обвинения. До тех пор обвиняемый лишен квалифицированной помощи, а обвинение — своего противовеса, без которого нет состязательности, столь необходимой для достижения истины. Отрицательные

последствия такого порядка хорошо известны — необъективность, предвзятость, применение незаконных мер производства расследования, фальсификация доказательств и иные нарушения законности. И когда такое дело поступает в суд, выявить допущенные нарушения, разоблачить фальсификацию и установить истину уже не так просто. Обвинение построено, и разрушить это здание трудно даже с помощью адвоката.

При наличии адвоката на предварительном следствии такое было бы невозможно. Вот почему при осуществлении судебной реформы необходимо решить вопрос о допуске адвоката на предварительное следствие с момента предъявления обвинения или даже с момента задержания и ареста подозреваемого. Это не только расширит полномочия защиты, но и существенно повысит престиж адвокатуры. А правовому государству необходима хорошо организованная, сильная, авторитетная адвокатура.

Реформа правосудия не может ограничиться лишь конституционными изменениями, касающимися организации судебного механизма. Новый суд должен действовать на основе новых законов, отражающих демократизацию и гуманизацию нашего общества. В скором времени будут приняты новые Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве, законы о статусе судей, о милиции, о следствии. Предстоит радикально обновить уголовное, гражданское, процессуальное, трудовое, жилищное и иные отрасли законодательства, регулирующие различные сферы жизнедеятельности граждан.

Нельзя забывать и о том, что создание правового государства предполагает глубокую перестройку сознания людей, изменение их отношения к праву, повышение правовой и политической культуры. Знание права, уважительное к нему отношение — основа активной правовой позиции личности, которая так необходима нашему обществу в период его революционного преобразования.

А. САХАРОВ,
доктор юридических наук, профессор,
лауреат Государственной премии СССР

НЕ РУБЛЕМ ЕДИНЫМ...

*ПРОМЫШЛЕННЫЙ КООПЕРАТИВ: ПЕРВЫЕ ШАГИ,
ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ*

РЕПЕТИЦИЯ

...Вспоминаются кадры из телепередачи. С заводских ворот срывается старая вывеска. И диктор с воодушевлением говорит, что с февраля 1988 года нет больше Загорского завода фиброцементных плит. Коллектив решил стать кооперативом. И на проходной появилось новое название, необычное для промышленного предприятия,— «Березка».

«Вот где не на словах, а на деле чувствуется перестройка.

Главный инженер ПО «Янтарь», г. Орел.

«Нас поразила интенсивность труда, заинтересованность рабочих в выполнении поставленных задач. Мы считаем, что это самая выгодная, наилучшая организация труда.

Директор керамического завода.

«Впечатляют перспективные планы развития коллектива и целеустремленные действия руководителей правления.

Заведующий производственным отделом обкома профсоюза.

«Особенно подкупает забота о людях, их нуждах.

Инспектор отдела оргработы ВЦСПС.

«Вы вселили в нас уверенность, что и Балашихинский ДОЗ сможет крепко стать на ноги, из нерентабельного предприятия превратиться в кооператив и приносить прибыль...»

«Опыт кооператива «Березка» приемлем для всех предприятий в нашей стране.

Главный инженер Московского вентиляторного завода».

Эти строки взяты из книги отзывов. «Все только говорят, а вы — делаете», — звучит еще одна из ее записей.

Действительно, здесь перестройка видна не в призывах и лозунгах, а в конкретных результатах. Менее чем за год работы «Березка» добилась больших изменений. Вот только некоторые цифры. В тот момент, когда пишется эта статья, производительность труда выросла на 70 процентов. К концу первого календарного года работы по-новому выпущено продукции на 800—900 тысяч рублей сверх плана. А продукция-то остродефицитная, особенно щитовой паркет.

Но начиналось все не просто, не по мановению волшебной палочки, как порой покажется экскурсантам, которые за час-полтора знакомятся с опытом «Березки». Надо повторить извечную истину: успех дела решает люди, а не только сама система, принцип. Конечно, система должна побуждать людей действовать энергичнее, инициативнее. Однако и новые принципы можно осуществлять по-разному, в соответствии со своими взглядами, умением.

Человеческий фактор... Он может быть со знаком «плюс» и «минус». И в один день, даже если издашь приказ о работе по новому принципу, «минус» на «плюс» не переделаешь. Нужны подготовка, время. И не надо себя тешить надеждой, что все, кто писал восторженные отзывы, завтра сумеют добиться у себя таких же успехов, как «Березка».

Кооперативная заинтересованность загорчан родилась не на пустом месте. Она подготовлена двухлетним опытом работы на коллективном подряде и сотрудничеством с маленьким кооперативом.

Да, если бы завод фиброцементных плит не превратился в кооператив, то уже после первого года работы на полном хозрасчете пришлось бы ставить вопрос о закрытии производства — ведь оно было убыточным. Но нельзя также представлять, будто дела в коллективе шли все хуже и хуже, а вот теперь... Как в сказке. Нет, реальность другая. Дела на заводе в последние годы шли все лучше и лучше. И будучи еще совсем недавно убыточным (до 200 с лишним тысяч рублей брал из государственного кармана на свое существование), он уже подбирался к грани прибыльности. Повторяю, благодаря, в частности, коллективному подряду, который тоже, при всех его недостатках, заставляет искать возможности для сокращения затрат, повышения производительности. Но тут возникло непредвиденное обстоятельство. Понятно каждому, что использование отходов — дело выгодное. Выгодное для государства, но не всегда для данного коллектива. При переходе на подряд паркетный цех «взбунтовался»: если раньше никого не волновало, что из древесных отходов делали паркет, то теперь стали считать и пришли к выводу, что это невыгодно. И тогда решили организовать при заводе кооператив, благо к тому времени уже можно было это делать.

Так появился «Паркетчик», в котором было занято шесть человек. Поработать на него мог и каждый заводчанин. Причем не только после работы, но и в основное время, если справлялся со сменным заданием. И уже тогда произошло то, что и должно было произойти, если у людей есть прямая заинтересованность: они стали интенсивнее работать. И можно с уверенностью сказать, что без опыта «Паркетчика» завод не стал бы так энергично переходить на кооперативную форму. То была репетиция. Конечно, использовался и некоторый опыт первого в стране промышленного кооператива «Строитель», созданного также на базе государственного предприятия в городе Невьянске Свердловской области.

БЕЗ ОТСИДКИ «ОТ» И «ДО»

И все же начало не было гладким. Далеко не всех устраивала новая система работы. Кого-то, возможно, испугал отказ от привычной государственной гарантии на «кусочек хлеба» и сработал инстинкт самосохранения (а вдруг кооператив прогорит?).

...Переходное время (после официального закрытия завода, как полагается по закону, было дано на «поиск» работы) прошло, а крановщик Виктор Мальков так и не решился подать заявление о приеме в «Березку». Все бросил и ушел искать счастья на стороне. Почему?

— Зачем я буду вкалывать по двенадцать часов? — недоумевал он.

Ушла целая бригада рабочих. Прельстили их большим и гарантированным кушем в соседнем городе.

Да, двенадцатичасовой рабочий день кого хочешь напугает. К тому же и трудовая неделя шестидневная. Но, с другой стороны, этот распорядок утвержден общим собранием, записан в Уставе кооператива. Не согласен — не работай, выходи из кооператива. И все же не дает покоя странное раздвоение в нашей жизни: был завод — Конституция и КЗоТ стояли на страже прав рабочих, стал кооператив — и вроде на них Основной Закон и кодекс уже и не распространяются... Непривычно как-то. Вот это, согласитесь, настораживает нас, привыкших гордиться завоеваниями социализма.

Но подойдем к этой проблеме с другой стороны. Как кооперативу сегодня стать прибыльным (а иным он быть не может), если по сравнению со вчерашним днем, когда здесь был завод, ровным счетом ничегошеньки не изменилось: те же примитивные станки, та же устаревшая технология. За один день это не перестроишь. А ждуть, когда сюда придет технический прогресс, не хочется, да и не очень-то верят в это люди. Годы застоя убили веру в «пятилетки качества» и прочие надуманные и никакой реальностью не подкрепленные кампании. Надоело слова, которые убивают дело. Надоело ждать счастья, материального благополучия в отдаленной перспективе. Надоело работать кое-как и получать соответственно... И можно ли осуждать бывших заводчан, что, поверив своему руководству, экономическим расчетам, они решили работать больше, чтобы лучше жить?

Более того, и сменное задание стало напряженнее.

— Давайте говорить откровенно: разве заводской рабочий использует смену на все сто процентов? В лучшем случае процентов на шестьдесят, а то и наполовину. Я более двух десятков лет был директором предприятий и хорошо знаю, сколько времени теряется впустую. И когда кто-то попытался защитить старые нормы, я напомнил: вы же справлялись с заданием быстрее, когда хотели подработать в «Паркетчике».

Эту твердую линию председателя правления «Березки» Вячеслава Васильевича Могилевцева кооператоры поддержали. И за привычные восемь часов новое задание сначала почти никто не выполнял. Но постепенно все больше рабочих стали справляться раньше, и смена сокращалась. И надо это подчеркнуть: двенадцатичасовой рабочий день — мера весьма условная. Дольше работать, да, запрещено, а меньше — пожалуйста. Только выполни норму, и можешь быть свободным. И сейчас многие рабочие уже не только в восемь, а в семь и даже шесть часов укладываются. Чему я был свидетелем в цехе паркета. И какой это стимул — закончить работу раньше. Особенно для женщин, а их в том же паркетном большинстве. Оттого-то и дисциплина стала еще крепче. И работают споро, трудятся изо дня в день. Никто никого не подгоняет. Всячески стараются сэкономить минуту. Это заметно даже по тому, как рабочие разговаривали со мной — практически не отрываясь от дела.

Конечно, пожилым и новичкам труднее всего, им чаще приходится работать сверх восьми часов. Зато они могут выполнять задание не в таком быстром темпе, а в меру своих сил и способностей.

Ну, а как быть, если рабочий все же не выполняет сменное задание? Трудодень оплачивается по сниженному КТУ (коэффициенту трудового участия). Уставом предусмотрены и другие материальные ограничения за недисциплинированность. Опоздал — минус половина трудодня. За прогул, появление под «газом» можно лишиться полумесечной зарплаты. Еще раз допустил подобное нарушение —

исключают из кооператива. Впрочем, все это не самоцель, а необходимость для оздоровления коллективного организма. Не секрет, что на предприятиях стройиндустрии из-за низких заработков и полного пренебрежения к социальным запросам самая неквалифицированная рабочая сила. И без повышения требовательности порядка не вести.

Еще одна особенность «Березки» — здесь каждый занимается тем делом, которому обучен. Но когда у дежурного слесаря нет своих прямых забот, он изготавливает основную продукцию: ведь и его заработок зависит не от формального сидения на рабочем месте «от» и «до», а от конечного результата цеха. Ну, а если все же по привычке попытается отсидеться в курилке, то по итогам месяца коллектив снизит КТУ.

Привычного для нас соцсоревнования в кооперативе нет. Никто никаких «повышенных» сообязательств не принимает. Люди и без того работают в повышенном ритме. Да и не соревноваться друг с другом, то есть соперничать, они должны, а помогать. Потому-то и за «неоказание помощи» здесь также снижают КТУ по итогам месяца.

Но вот кооператив занял призовое место среди предприятий стройиндустрии Московской области. Пришла телеграмма: «Главк разрешает использовать на премирование 2 тысячи рублей». Прямо-таки анекдот: главк «разрешает» истратить собственные деньги кооператива... Однако правление выделило на премию четыре тысячи рублей. И опять-таки не было уравниловки, учли реальный труд каждого. То есть соревнование все равно идет, но без формальной атрибутики, по существу.

ОБЕД В... ТЕХОТДЕЛЕ

Половины роста производительности труда кооператив добился за счет интенсификации, увеличения затрат сил, другой — за счет сокращения штата. Работников в кооперативе стало на треть меньше, чем было на заводе. Только благодаря этому за год экономится около 200 тысяч рублей. В конторе осталось только девять человек. Как же они справляются с потоком бумаг? А нет этого потока. Если раньше представляли 155 различных отчетов, то теперь лишь четыре. Вот и вся разгадка.

Контторские работники — на окладах, причем некоторые не члены кооператива, оформлены по договору. Зарботок у них тоже повысился, меньше 180 рублей нет (у заведующего складом, например, раньше был оклад только 90 рублей).

Итээровцы в цехах — все на хозрасчете. Их трудодень зависит от выполнения дневного задания вверенными им подразделениями.

— И вы даже представить не можете, насколько легче стало управлять цехами. То есть я почти не занимаюсь их внутренними делами, все решают сами, — признается Могилевцев. — Но зато на мне больше теперь забот по снабжению сырьем, налаживанию деловых контактов, по перспективным вопросам развития...

Да, теперь забота номер один — сырье. И вот почему.

Когда я сказал, что кооператив быстро стал прибыльным, «проницательный» читатель сразу же сообразил: ясно — цены на свою продукцию вздул, вот и весь хозрасчет. Не совсем так. У кооператива — госзаказ. Весь щитовой паркет, а это 80 процентов общего объема производства, «Березка» обязана передавать в распоряжение

главка по государственной оптовой цене. И только то, что сверх госзаказа, можно реализовать по договорной.

А где же взять дополнительное сырье? У главка ведь все лимитировано. Приходится искать отходы, излишки, требовать материалы с новых заказчиков. Кооператив готов даже открыть где-нибудь в отдаленных местах свое лесодобывающее производство. Вот как подталкивает к предприимчивости настоящая заинтересованность.

Могилевцев понимает: даже высокие заработки при более напряженной работе людей не удержат на этом весьма неприглядном производстве. Да и заработки, надо полагать, возрастут и на государственных предприятиях в связи с переходом на вторую модель хозрасчета. Так что конкуренция вновь обострится. И путь один — быстрее решать социальные вопросы.

...Мы взяли тарелки с супом и бифштексом в... отделе кадров и устроились за дальним столиком в... техотделе. Могилевцев вопросительно посмотрел на меня: ну, как, мол? Что ж, и еда вкусная, и интерьер уютный — не как в общепитовской столовой.

— А она не общепитовская, а наша собственная,— не без гордости подчеркнул Вячеслав Васильевич.— И повар — член нашего кооператива.

Кстати, кормят бесплатно. Пока бесплатно — потому что все зависит от прибыли кооператива. Но, судя по всему, взимать за питание не будут.

За свои деньги построили овощехранилище, склад. Запаслись на зиму всем необходимым. Дело в том, что общепит отказывался снабжать столовую «Березки» продуктами по оптовым ценам. На рынке покупать дорого. Пока приобретали у совхозов. Но уже откармливают бычков. В подшефном совхозе купили дом с участком, где откроют небольшое подсобное хозяйство, обеспечат себя (и столовую, и семью) зеленью.

Еще несколько освободившихся в конторе комнат занял здравпункт. Раньше на заводе была лишь одна медсестра. Могилевцев несколько лет, пока был директором, пробивал хотя бы полставки врача — не удалось. Теперь у них свой терапевт, очень квалифицированный, кандидат наук. Скоро появятся стоматолог-протезист, специалист по иглоукалыванию, массажистка...

В дальнем конце конторы открылся свой продуктовый магазин. Есть теперь и приемный пункт бытового обслуживания.

А как с решением другой серьезнейшей социальной проблемы — жилищной? Раньше заводу в год выделяли по одной-две квартиры. Для трехсот работников это, конечно, было мало. Сейчас все ускорится. Совместно с соседними предприятиями своей же отрасли — комбинатом стройматериалов и заводом железобетонных изделий, а также городским отделением Жилсоцбанка СССР — создано государственно-кооперативное товарищество «Загорчанин». Будут строить два крупных жилых дома.

Сейчас стройгруппа «Березки» уже начала возводить двухэтажные коттеджи, причем участок выделен в черте города. Такой дом стоит 30 тысяч. Но если член кооператива будет работать здесь до пенсии, то ему он обойдется в два раза дешевле. Причем можно платить в рассрочку. Кроме того, хочешь — займи деньги в ссудной кассе кооператива. Под сравнительно небольшой процент — 0,5 за каждый месяц. Для справки: в очереди на коттеджи уже полтора десятка заявлений, ссуд на разные цели взято 30 тысяч рублей.

Один из аргументов некоторых представителей старой экономической гвардии против кооперативов: они не будут вкладывать средства в развитие производственной базы. Зачем, мол, человеку раскошелиться из собственного кармана на строительство цехов, покупку автоматических линий, когда заработок и так большой? Ему выгоднее сорвать сиюминутный куш и не заглядывать в далекую и весьма туманную перспективу: что будет через три года, после окончания договора, неясно, да и неизвестно, останется ли он сам в этом кооперативе. Доля правды в этом, безусловно, есть. И все тут пока зависит не от отработанной системы, а от экономической зрелости, деловитости руководителей кооперативов.

В «Березке» предпринимают шаги по развитию производства. В частности, собираются покупать автоматические линии для выпуска новых, прогрессивных, а следовательно, и очень выгодных строительных материалов — погонажных изделий из полимеров.

При мне Могилевцеву позвонили: некоторые соцстраны предлагают сотрудничество по изготовлению так называемых европейских поддонов для автопогрузчиков. Так что не исключено, что в ближайшее время кооператив выйдет и на мировой рынок. Мог ли об этом мечтать завод? Нет, конечно. Все заботы сводились к тому, чтобы свести концы с концами. Валюту кооператив использовать будет также для технического перевооружения, улучшения условий труда.

На закрепление кадров рассчитана и система оплаты, вообще финансовые взаимоотношения с членами кооператива. В течение календарного года все работники получают ежемесячный аванс. Из расчета по 10 рублей на трудодень. Это немного выше прежнего заводского заработка. По итогам года, при благополучном его окончании, каждому начисляется еще по десятке на трудодень, то есть человек сразу получит около трех тысяч рублей. Существенная прибавка. Если работник уволился раньше, то ему выдадут соответствующую часть.

При «Березке» совместно с Жилсоцбанком открыта своя сберкасса. Каждый член кооператива может туда вложить любую сумму под шесть процентов годовых. Процент в два раза выше, чем в обычных сберкассах. Это привлекает вкладчиков и еще больше их заинтересовывает в конечном результате работы кооператива. Ну, а кооперативу выгодны эти вклады даже под повышенный процент, поскольку получает дополнительные средства, которые можно пустить в оборот.

Вообще-то каждый, вступая в кооператив, платил паевой взнос по сто рублей. Но эти деньги так и лежат неиспользованными, отложены на «черный день». В «фонд риска» вложили и часть прибыли. Сейчас в нем около сорока тысяч. Кроме того, 300 тысяч рублей вложил в кооператив при его создании и Жилсоцбанк. Так что и он участвует и в распределении прибыли, и даже в управлении делами. То есть он не просто контролер со стороны. Подобное взаимодействие банка и предприятия в нашей стране только начинает складываться. Банк перестает быть просто хранилищем денег, а активно влияет на экономику.

СЛИШКОМ БОЛЬШОЙ ЗАРАБОТОК?

Опыт «Березки» заставляет призадуматься и над такой проблемой. Многие финансисты очень опасались и до сих пор опасаются,

что чересчур быстрый рост зарплаты породит нездоровую экономическую ситуацию в стране.

У нас издавна существовало жесткое правило: темпы зарплаты не должны превышать темпов роста производительности. И вот в 1988 году впервые за последние десятилетия это «железное» правило было нарушено на многих предприятиях. А как в «Березке»? Только прямая зарплата — не считая всяких льгот, косвенных доплат, бесплатного питания и прочего — увеличилась вдвое, а производительность труда «только» на 70 процентов. Явное нарушение нормального экономического развития!

Симптом, на первый взгляд прямо-таки катастрофический: денег в карманах у населения прибавилось гораздо больше, чем товаров. Но давайте внимательно разберемся в ситуации на примере «Березки». А случай с ней характерен для всей нынешней хозрасчетной ситуации в стране. С 1 января 1988 года 60 процентов предприятий перешли на новую систему хозяйствования. Даже при относительной, и пока еще весьма слабой, самостоятельности, коллективы государственных предприятий использовали заработанные еще в прошлом году средства для усиления материального стимулирования. Кроме того, повысились оклады у инженеров и управленцев. Кстати, в связи с переходом в 1989 году остальных производственных предприятий на полный хозрасчет неблагоприятная тенденция соотношения производительности и зарплаты сохранится и, может быть, усилится. Но это еще не катастрофа. Катастрофа может возникнуть, если эта тенденция сохранится два-три года. А сохранится она в том случае, когда заработанные средства пойдут «в чулок», а не в денежный оборот страны, не в «добывание» других денег, не в производство.

Напомню, куда пошли увеличившиеся доходы членов кооператива «Березка». Строят коттеджи, дачи, кооперативные квартиры, расширяются услуги. Личные сбережения вкладываются в сберкассу, чтобы их использовали на развитие производства и соцкультбыта. То есть деньги превращаются в «материю», которая тоже зарабатывает деньги (плата за жилье, за бытовые и коммунальные услуги). Значит, беда не в том, что на данный конкретный момент зарплата опередила производительность, а в том, что нечего было раньше предложить на эти деньги. Самостоятельность кооператива позволяет это сделать.

— Миллион на расчетном счету — не бог весть какая сумма, но мы в отличие от завода можем распорядиться этими средствами по своему усмотрению, — подчеркивает Могилевцев.

Вот кооператив решил купить в собственное пользование автобус. Но ведь всем известно, что служебный автотранспорт эксплуатируется неэффективно, больше простаивает. Кооператив видит выгоду в том, что может пустить его на городскую линию для перевозки пассажиров.... Невыгодно иметь свой здравпункт — одни расходы. Но там будут оказывать и платные услуги для населения... А на очереди — открытие большого магазина стройматериалов... У кооператива есть своя стройгруппа, которая будет возводить для своих работников не только коттеджи, но и дачи, в том числе и не членам кооператива. В «Березку» приезжают сотни делегаций для изучения опыта. Но почему надо полдня тратить (бесплатно!) на гостей, когда в конторе людей — минимум, и у них каждая минута на счету? Кооператив организовал недельные курсы для изучения работы промышленного кооператива. Плати и приезжай в Загорск. Хозяева не только сами уделяют внимание, но и пригласят ведущих экономистов,

ученых, устроят на ночлег, покажут достопримечательности своего города...

Словом, предприимчивость находит самые неожиданные варианты получения прибыли, о которых раньше заводские специалисты никогда и помыслить не собирались.

КАК ЗАЩИТИТЬ КООПЕРАТОРА

Рассуждая о развитии кооперативов, следует задуматься и о правовой и социальной защите кооператора. В уставе «Березки» я натолкнулся на такую фразу: «На членов кооператива законодательство о труде рабочих и служащих не распространяется». Вот тебе раз!

...В июле 1988 года в кооперативе «Маяк», который создан при Управлении производственно-технологической комплектации треста «Брянскоблгражданстрой», произошел несчастный случай. В результате тридцатилетний рабочий, отец троих детей, П. Шакуло погиб. Непосредственно во время выполнения задания. Руководители кооператива были настолько напуганы этим, что отказались составлять акт о случившемся — в такой ситуации по всем канонам трудовой деятельности обязательный документ. По акту принимаются все последующие решения. Я приехал в Брянск через четыре месяца, а председатель правления Ю. Грибуль по-прежнему упорствовал. Наконец, он поставил вопрос на голосование в правлении, и все высказались против составления акта.

Технический инспектор обкома профсоюза рабочих строительства и промышленности стройматериалов А. Андросов с удивлением и растерянностью заметил: за двадцать шесть лет работы он впервые столкнулся с подобным отказом, он помыслить не мог, чтобы так поступили на госпредприятии. Если бы вдруг и не послушались, то вышестоящая организация поправит. Да, кооперативы преподносят сюрпризы. И если прежде безотказно действовал окрик, команда «сверху», то кооператив может и поспорить, у него, кстати, и нет вышестоящей организации в прежнем понимании. Тут командно-административные методы начинают давать сбой. Это само по себе не страшно. Против незаконных действий надо бороться законным путем. На любую организацию можно подать в суд, и на кооператив тоже.

Техническая инспекция, не дождавшись от «Маяка» акта, передала документы в прокуратуру Володарского района. Но та отказала в возбуждении уголовного дела «ввиду отсутствия события (?) преступления». Спрашиваю районного прокурора В. Червякова: «Можно ли представить такую ситуацию, чтобы в государственной организации во время работы погиб человек и никто за это не понес наказание, хотя бы самое минимальное». «Нет, — ответил, не задумываясь, прокурор, — наказание практически неотвратимо». Так почему же с кооператива нельзя спросить? Ну, ладно, не было в день несчастного случая председателя правления, но был же мастер. Да и вообще кто-то должен ответить за то, что погибший работал (и не один день) на сварочном аппарате, не имея на то прав, что у него не было при этом элементарных средств индивидуальной защиты, что «Маяк» в погоне за заработком не имел даже инженера по технике безопасности (и это при трех десятках объектов, разбросанных по области)?

— Первый случай... До сих пор, казалось, кооперативы от нас далеко... И потом, знаете,— признается Червяков,— вокруг кооператоров создали такое общественное мнение, что и подступиться к ним не так-то просто...

Но дело в конце концов не столько в уголовном наказании, никто, как говорится, крови не жаждет. А как же быть с семьей погибшего? Остались неработавшая жена и трое малолетних детей (старший только в школу пошел, а младшему полтора года). Четыре месяца семье не платили за потерю кормильца. Правда, теперь назначили государственную пенсию, но она меньше, чем должен был бы платить кооператив.

Правление «Маяка» на словах готово заплатить семье хоть всю сумму до совершеннолетия детей, но пусть вдова подаст в суд... Чего же испугались? По судам затаскают, если, мол, согласимся на составление акта. И еще одна закавыка, которую подбросили руководители УПТК и треста: на их организации запишут этот несчастный случай, и прощай премия. Почему должны «записать» на них? Почему, допустим, должны работники УПТК отвечать за разгильдяйство в кооперативе?

— А как же? — спрашивает технический инспектор. — Ведь УПТК — гарант.

Такую точку зрения высказал потом мне и председатель ЦК профсоюза строителей А. Яковлев. Но при чем тут гарант?

Работники прокуратуры и профсоюзных органов, с кем довелось беседовать о проблемах социальной защищенности кооператоров и их семей, отмечали, что тут законодательство явно «хромает».

Есть тут и другая сторона дела. Встревоженный брянской трагедией, ЦК профсоюза строителей провел совещание руководителей некоторых кооперативов. И вот что выяснилось: длинный рубль застигает глаза иным руководителям (в первую очередь). Конечно, режим работы — дело внутреннее. Но когда люди вкалывают, как в новгородском кооперативе «Волхов», по двенадцать часов ежедневно и без выходных в течение полутора месяцев, то тут работа на износ, даже если и учесть, что потом дается двухнедельный отпуск. Но это еще не самое страшное, и здесь дело добровольное: хочешь нажиться, укоротив свою жизнь,— пеняй на себя (да к тому же, на какой работе мы не укорачиваем свою жизнь?!). Гораздо хуже другое.

По закону, кооперативы должны перечислять определенный процент в фонд социального страхования, ведь взять тот же случай с семьей Шакуло — уже назначенные 120 рублей на осиротевших детей платит государство, а не кооператив. На соцстрах деньги идут со всех предприятий и организаций. Так почему же, как выяснилось, некоторые кооперативы не выплачивают или выплачивают гораздо меньше установленного размера? Откуда такое своеволие, совершенно немислимое для госпредприятий? Из-за полной бесконтрольности. Да, над кооперативами нет «вышестоящих» организаций. Но разве это означает, что никто не должен следить за их финансовой деятельностью, за соблюдением правил техники безопасности?

Все отдано на откуп самим кооперативам. Но они же совершенно разные. Одно дело «Березка», где сложившийся за многие годы коллектив, уже устоявшиеся требования (пусть и не в полной мере отвечающие нынешнему процессу ускорения), где 12-часовой рабочий день, я уверен, мера временная, где есть материальная база и соцкультбыт, которые привязывают человека к месту работы.

И совсем иное дело — «Маяк», созданный на пустом месте, из случайных людей, объединенных лишь одной целью, которую они не скрывают, — побольше, извините, хапнуть (хотя справедливости ради надо отметить, что делают они очень нужное дело — ремонт крыши и фасада). В них главенствуют разные моральные принципы и разный уровень ответственности. При, казалось бы, одинаковой заинтересованности — материальной.

Кто же должен контролировать работу кооперативов? Предприятие-гарант? Но об этом в Законе о кооперации ничего не сказано. Техническая инспекция профсоюза? Но в кооперативе «Маяк» и некоторых других даже не было на момент знакомства с ними профсоюзной организации. Райисполком, который утверждал создание кооператива? Но он полностью самоустранился. Да и есть ли, откровенно говоря, у него силы и умение, чтобы контролировать кооператоров — людей хватких и изворотливых?

И сейчас никто не интересуется, откуда и как, например, добывает кооператив материалы и инструмент, каким способом зарабатывает бешеные деньги (а тут появились свои приемы, чтобы обойти налоги), как соблюдается законодательство. Это вовсе не призыв «прижать» кооперативы, что, к сожалению, пока еще делается. Нет, речь идет о другом. Каким бы ни был кооператив, уровень ответственности и сознательности в нем, кто бы ни возглавлял его — доктор наук, юрист или малограмотный слесарь, работающим там советским людям и членам их семей должны быть гарантированы правовая и социальная защищенность, нормальное духовное развитие. Не рублем единым жив человек... Случай же в Брянске показал, что полных гарантий пока нет. Требуется доводка законодательства, отработка способов его эффективного применения на практике. И вообще — неравнодушное отношение к жизни кооперативов, — они часть нашей советской действительности.

...Крановщик В. Мальков все-таки вернулся на родное производство, стал членом кооператива «Березка».

— Я сначала не понял, что это такое — кооператив, — объяснял он мне свое поведение.

Выходит, теперь понял. Понял, что и заработок тут будет больше, и социальные вопросы стали решаться лучше (а ведь он уже стоял здесь очередником на жилье, и его теперь восстановили в этой очереди).

Попросилась было обратно в «Березку» и ушедшая на сторону бригада рабочих. Но правление решило их не принимать, «в воспитательных целях». Да и не особенно уже нуждались в них. Кадровик хвалилась мне, что теперь — не то что раньше, она и беды не знает с набором рабочей силы, более семидесяти человек записались в очередь на переход сюда. И это несмотря на всем известный напряженный рабочий день. Да, не боятся люди поработать больше. Лишь бы лучше жилось.

Анатолий ПАНКОВ

Московская область

«ПО ЖИВОМУ... СКВОЗЬ КАВКАЗ»

Так называлась публикация М. Албогачиева из Чечено-Ингушской АССР («ЧиЗ» № 11—88). В ней говорилось о вреде, который наносит строительство Кавказской перевальной железной дороги окружающей среде, и о пагубном влиянии строительства на памятники истории ингушского народа.

Вот что сообщил нам начальник Главного управления проектирования и капитального строительства Минтрансстроя СССР В. И. Сбитнев: «Проблемы экологических последствий строительства Кавказской перевальной железной дороги (КПЖД) обсуждены на состоявшемся совещании в Совете Министров РСФСР с участием Советов Министров Грузинской ССР, Чечено-Ингушской АССР, Северо-Осетинской АССР, Академии наук СССР, Министерства путей сообщения СССР и Минтрансстроя СССР.

На совещании принято решение согласиться с мнением общественности о приостановке строительных работ на КПЖД для увязки проекта строительства с требованиями по охране окружающей среды...»

На публикацию откликнулось и правительство автономной республики. Ответ Председателя Совета Министров ЧИ АССР М. Керимова заслуживает того, чтобы с ним познакомить читателей:

«Как показали анализы, проведенные экспертными группами Совета Министров РСФСР и Совета Министров Грузинской ССР, разработанный проект по строительству Кавказской перевальной железной дороги (КПЖД) не отвечает требованиям по охране окружающей среды и не содержит оценки экологических последствий от строительства и эксплуатации объекта.

В целях обеспечения сохранности памятников истории и архитектуры Таргимского природного музея-заповедника на территории Чечено-Ингушской АССР считаем необходимым: тщательно доработать проект перед его утверждением; разработать и утвердить на правительственном уровне научно обоснованную концепцию строительства КПЖД.

Наряду с чисто техническими вопросами в концепции следует отразить требования к прохождению железной дороги в заповедных зонах, сохранению уникальных природных ландшафтов, памятников истории и архитектуры, охране водных ресурсов и воздушного бассейна от шума и другие меры экологического обеспечения.

До разработки и утверждения проекта с изложенными требованиями считаем необходимым приостановить строительство объектов КПЖД».

Как видим, глас общественности услышан, ее пожелания совпали с конкретными действиями должностных лиц. Остается надеяться, что победит здравый смысл.

ПРЕДЛАГАЕТ «ЮРИЗДАТ»

Какие новые книги готовит к выпуску издательство «Юридическая литература» в 1990 году? Вот некоторые из них, рассчитанные на массового читателя.

«Самоуправление. Юридический справочник». Подобное издание подготовлено впервые. В нем рассказывается о формах и принципах социалистического самоуправления народа, его соотношении с государственной властью, о формах и методах самоуправления трудовых коллективов и общественных организаций, а также органов общественной самостоятельности, общих собраний, съездов граждан по месту жительства.

Волнующим всех проблемам посвящена работа В. М. Курицына **«Права и свободы человека в СССР. История и современность»**. В ней показана борьба двух противоположных тенденций в развитии советской политической системы — демократизации, вытекающей из самой природы социализма, и бюрократизации, крайним и уродливым выражением которой явилась сталинская. На документальном материале, в том числе малоизвестном, рассказывается как о завоеваниях в этой области, так и о деформациях, породивших злоупотребления властью и массовые репрессии. Этой же теме посвящена книга Б. А.

Викторова **«Реабилитация. Записки военного прокурора»**.

Важнейшей задачей издательство считает обеспечение населения нормативно-справочной литературой. Массовыми тиражами выйдут новые издания кодексов и комментариев к ним, сборников по всем отраслям законодательства. Среди них — **«Комментарий к законодательству о труде»**, **«Настольная книга хозяйственного руководителя по законодательству»**. Под редакцией Б. И. Пугинского. 3-е издание. **«Юридический справочник работника кадровой службы»**, **«Кооперация в СССР. Сборник нормативных актов»**, **«Индивидуальная трудовая деятельность. Комментарий»**, **«Экология и право»**, **«Юридический справочник для населения. 3-е издание»**.

Думается, что известный интерес для читателей представят книги: Ключев А. А., Прудинский А. Н. **Мастеру и начальнику цеха о трудовом законодательстве**; Петренко Л. Ф. **Труд научных работников. Правовые вопросы**; Ребро К. **Латинские юридические выражения и изречения**.

Если вас заинтересовали эти издания, рекомендуем оформить на них предварительные заказы в книжном магазине. От количества читательских заявок зависят тиражи названных книг.

Человек не хотел совершать преступление — виной тому стечение обстоятельств. Однако по закону он должен нести ответственность. Почему? Об этом рассказывает кандидат юридических наук В. КУЧЕР.

НЕ БЕДА, А ВИНА

Неосторожные преступления — дань общества за социальную беспечность

З

аинтересовавшись журнальной статьей или предстоящей публичной лекцией о проблемах борьбы с правонарушениями, мы обычно заранее считаем, что речь пойдет о преступлениях умышленных. Действительно, злостные хулиганские действия, хищения, взяточничество, а в последнее время и организованная преступность вызывают всеобщее возмущение, поэтому они чаще всего и служат предметом анализа юристов и журналистов.

Такое смещение акцента, в общем-то вполне объяснимое, как бы оставляет в тени другого рода преступления — совершенные по неосторожности. Между тем они заслуживают не меньшего внимания, хотя бы уже потому, что их удельный вес в общем массиве преступности весьма ощутим. Поистине огромную дань приходится платить обществу за неосторожные преступления, которые сами по себе, казалось бы, не столь уж опасны. Вот лишь некоторые цифры и факты.

Только в автомобильных авариях за 1987 год в нашей стране погибли 40 тысяч и получили увечья 250 тысяч человек, материальный ущерб составил при этом 7 миллиардов рублей. Около 75 процентов аварий произошло по вине водителей. 50—60 крушений случается ежегодно на железных дорогах. Причина их, как правило, — халатность должностных лиц железной дороги, грубое нарушение правил безопасности движения.

В ряду неосторожных преступлений стоят трагедия Чернобыля и столкновение морских судов на выходе из порта Новороссийск. Скорбный этот перечень можно продолжить...

И тем не менее неосторожные преступления — что греха таить — в известном смысле не укладываются в рамки наших обыч-

ных представлений о преступности и преступниках. Отношение к ним многих людей строится по такой схеме: «Конечно, случившееся ужасно, но ведь виновник этого не хотел. Он не собирался причинять никому зла (нередко даже руководствовался самыми благими намерениями). Так справедливо ли судить его как преступника? За что? Виной всему — стечение обстоятельств!»

Примем во внимание и то, что сами виновники — чаще всего люди вполне добропорядочные, ничем не напоминающие обитателей «зон» в расхожих о них представлениях. И станет понятным, откуда идет сочувственное отношение к тем, кто «всего лишь» проявил преступную неосторожность.

Согласиться с такой позицией нельзя по многим причинам морального и юридического порядка. Перестройка, давшая широкий простор процессам гуманизации и демократизации общественной жизни, создающая предпосылки для дальнейшего сужения сферы применения уголовного наказания, в то же время властно диктует необходимость укрепления сознательной общественной дисциплины и организованности, повышения социальной ответственности граждан.

Так что же представляет собой преступная неосторожность, если рассматривать ее именно с этих позиций? Чья-то непростительная ошибка? Вина? Или наша общая беда? А может, то и другое вместе?

Единственно надежным ориентиром при анализе и юридической оценке любого, даже самого сложного хитросплетения фактов и событий, может служить только закон. Ему мы и предоставляем слово.

Согласно статье 9 Уголовного кодекса РСФСР (аналогичные по содержанию статьи имеются в уголовных кодексах всех союзных республик) преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть.

Формула закона при первом знакомстве может показаться сухой, абстрактной и тяжеловесной. Закон выбирает лишь самое общее, наиболее значимое и характерное из того, что составляет сущность каждого конкретного случая. А живым содержанием его наполняет сама жизнь. Поэтому, чтобы детально проанализировать данную формулу, обратимся к практике.

Довольно распространенным среди граждан является мнение о существовании некоего неписаного правила, чуть ли не юридической аксиомы, согласно которой если уж что-то случилось, то кто-то непременно должен за это ответить. Имеют ли подобные рассуждения под собой почву?

Далеко не всякое неосмотрительное, неправильное обращение с техникой, иными источниками опасности и другие неосторожные действия считаются преступными. Таковыми признаются лишь те из них, которые характеризуются виной в точном соответствии с формулой закона.

Поясним сказанное примером. Колхозный механизатор Комаров любил править лошадьми не меньше, чем трактором. В морозный вечер он охотно согласился подбросить свою родственницу Трухину в соседнее село. Молодая лошадь резво везла по улице сани, в

которых сидели Комаров с женой и Трухина. У въезда на мост через реку лошадь была ослеплена светом фар встречной машины, испугалась и резко рванула вперед. Комаров, как ни старался, удержать ее не смог. Развязка наступила в считанные секунды: сани раскатились, боком пошли влево к середине дороги и ударились о переднюю часть другой встречной машины, съезжавшей с моста. Попав под колеса, Трухина погибла.

Виновен ли Комаров в гибели Трухиной? Суд оправдал его. Свой вывод о невиновности суд мотивировал тем, что Комаров не предполагал, что лошадь испугается, не предвидел появления в этот момент на мосту другой автомашины, наехавшей на сани, и по обстоятельствам дела не мог и не должен был этого предвидеть. Непосредственной причиной происшествия в данном случае явилось поведение животного в экстремальных условиях. Именно это, а не действия Комарова, и привело к наступлению тяжких последствий.

Закон предусматривает в качестве наказуемых только два вида криминальной неосторожности: преступную самонадеянность и преступную небрежность.

Схема преступной самонадеянности такова: человек предвидит, что совершаемые им нарушения могут привести к опасным последствиям, но легкомысленно рассчитывает их предотвратить. То есть виновный вовсе не преследует цели причинить вред государству или своим согражданам, но тем не менее сам создает все необходимые предпосылки общественно опасных последствий. И эти последствия наступают. Нетрудно видеть, что в основе преступной небрежности лежат недисциплинированность, сознательное отступление от предписаний, обеспечивающих безопасность людей и сохранность материальных ценностей, легковесность в оценке ситуации, безответственность и пренебрежение к законным интересам окружающих. В результате за грубые ошибки одного приходится расплачиваться другим.

Вот лишь один характерный пример.

Рабочие оптовой торговой базы Самарин и Саков были приятелями и традиционную бутылку вина после окончания трудового дня, как обычно, распили вместе. Разговор оживился. Стали обсуждать возможность разыграть шутку, инсценировав нападение на сослуживца — сторожа Васина. Изображая эти действия в деталях, Самарин для наглядности взял в руки заряженное ружье, а Саков схватил нож и заявил, что зарежет Самарина прежде, чем тот выстрелит. Затем он бросил нож на пол и сказал: «Стреляй». В этот момент и грохнул выстрел, оказавшийся для Сакова роковым.

Самарина обвинили в умышленном убийстве, однако суд пришел к заключению, что убийство совершено им по неосторожности. В самом деле, Самарин и Саков были друзьями и не ссорились ни накануне, ни во время разговора, оба находились в нетрезвом состоянии и вели себя возбужденно. Вот в этой-то обстановке Самарин и пренебрег общеизвестным правилом, что огнестрельное оружие направлять на людей нельзя. Наводя ствол в сторону приятеля, Самарин рассчитывал, что выстрела не будет, так как спусковой крючок нажимать не собирался, да и прицеливался, как ему казалось, немного в сторону. Но он ошибся: Саков оказался на мушке, выстрел из ружья ввиду технической неисправности произошел самопроизвольно, без нажатия на спуск, от одного лишь встряхивания.

Кое у кого может возникнуть вопрос, стоит ли вообще придавать серьезное правовое значение тому факту, что преступление совершено по неосторожности, то есть виновный хотел и надеялся предотвратить тяжелые последствия. Ведь ни потерпевшим, ни государству от его благих намерений ничуть не легче?

Очевидно, все-таки стоит.

Если человек специально направляет усилия к достижению общественно опасного результата либо сознательно допускает такие последствия, это придает иную окраску и его поведению, и самой личности виновного. Именно поэтому наказание за умышленное преступление назначается более строгое. Неосторожные же преступления, по общему правилу, расцениваются как менее тяжкие. По данным одного из исследований, лишь немногим более половины неосторожных убийств и телесных повреждений характеризуются «отрицательными» мотивами (лихачество, озорство и тому подобное), в то время как 26,3 процента из них совершаются по «положительным» и 21,1 процента — по «нейтральным» мотивам (любопытство, забывчивость и тому подобное).

Переходя к рассмотрению другого вида неосторожности — преступной небрежности, прежде всего подчеркнем, что виновный и в этом случае нарушает те или иные правила безопасности. Однако возможность причинения вреда он не предвидит, хотя должен был и мог предвидеть. Должен был — в силу избранной профессии (подъемник на проходке тоннеля, заправщик бензоколонки), служебного положения (прораб на стройке, мастер взрывоопасного производства) или добровольно принятых на себя обязательств (водитель личного автомобиля). Мог — с учетом полученного образования, профессиональных знаний, жизненного опыта, состояния здоровья и так далее. Вина в виде преступной небрежности налицо в том случае, если совпадают оба эти критерия — общий, применимый к определенной категории лиц (должен был), и персональный, относящийся к конкретному человеку (мог).

Чтобы яснее представить, каким содержанием наполняются эти юридические абстракции в реальной жизни, снова обратимся к примерам.

В один из горячих дней сенокосной поры трое рабочих совхоза прямо на лугу распивали спиртное. После этого шофер Сазонов, находившийся в сильном подпитии, пытался выехать на машине в город. Видя это, его собутыльники Коровин и Залесный решили сделать «доброе дело» — помочь Сазонову побыстрее протрезветь и, так сказать, обрести форму, прежде чем сесть за руль. Чтобы искупать Сазонова в реке, Коровин и Залесный столкнули его с деревянного мостика в воду. Немного побарахтавшись, тот вскоре утонул. Суд признал Коровина и Залесного виновными в неосторожном убийстве, указав в приговоре, что осужденные не преследовали цели утопить Сазонова и, сталкивая в воду, не предвидели его гибели, хотя должны были и могли это предвидеть.

Из приведенных примеров видно, что неосторожные преступления разнятся по своему характеру и последствиям, различны их мотивы, непохожи «герои» и сюжеты. Что же в таком случае их объединяет?

Общим для всех этих деяний является одно: неосторожная форма вины, выступающая из таких человеческих качеств, как неорганизованность, расхлябанность, безответственность, равнодушие, недисциплинированность. Именно эти пороки и дают начало цепочке

событий, последним звеном которой является преступление. Какое конкретно — зависит от целого ряда обстоятельств.

Нелегко даже приблизительно обрисовать возможные варианты неосторожных преступлений. Но в числе наиболее распространенных — нарушения правил безопасности труда на заводах, шахтах, стройках, в лабораториях, правил движения и эксплуатации различных видов транспорта, правил обращения с оружием, а также взрывчатыми, воспламеняющимися, ядовитыми, радиоактивными и другими опасными для человека веществами.

Для некоторых нарушений, чреватых особенно тяжелым исходом, закон предусматривает привлечение к уголовной ответственности уже за сам факт создания угрожающей ситуации, даже если трагические последствия и не наступили. Примерами могут служить нарушения правил движения и эксплуатации железнодорожного, водного или воздушного транспорта, нарушение правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами, нарушение должностным лицом правил безопасности труда и промышленной санитарии и др.

Чтобы лучше осмыслить пути и средства предупреждения неосторожных преступлений, надо прежде всего понять их причины. Схематично причину любого неосторожного преступления можно представить как результат взаимодействия потенциально опасной ситуации и личности с асоциальной установкой. Это требует некоторых пояснений.

Потенциальная опасность ситуации определяется тем, насколько велика вероятность выхода ее из-под контроля человека, и зависит от реальных условий, в которых он действует, а также от применяемых им орудий и средств. Опасные условия могут создаваться в результате действия сил природы (наводнение, туман, гололед), зависеть от характера технологических процессов, свойств используемых в них веществ и источников энергии (взрывоопасное производство, химический реактор с применением токсичных компонентов, выплавка и разливка жидкого металла, полет пассажирского лайнера в сложных метеоусловиях).

К «опасным» орудиям и средствам относятся не только станки, машины, аппараты, приборы, транспортные средства, технические приспособления и т. п., но и предметы быта (ножи, бритвы, садовый инвентарь) и даже... обыкновенный кулак, который тоже нередко фигурирует в уголовных делах в качестве «орудия» неосторожного причинения телесных повреждений или смерти.

Во время ссоры со своим знакомым Онежко Крылов, не сдержавшись, нанес ему два удара кулаком в грудь. Онежко стал медленно и как-то боком оседать, а затем рухнул на землю и, не приходя в сознание, скончался. Суд квалифицировал действия Крылова как неосторожное убийство. Нанося потерпевшему сильные удары кулаком в грудь, в область сердца, он, исходя из интеллектуального развития и жизненного опыта, должен был предвидеть возможность причинения тяжелых повреждений, опасных для жизни, и вполне мог предусмотреть такое развитие событий, которое приведет к смерти. В то же время характер взаимоотношений Крылова и Онежко и все поведение виновного до и после происшествия исключили умышленное убийство. Но вот опасности «кулачного» способа доказывания собственной правоты (а к нему, увы, многие прибегают, не задумываясь), да и разрушительной силы самого ку-

лака Крылов явно недооценил, что и привело его на скамью подсудимых.

Даже краткий анализ первой составляющей причины неосторожных преступлений — опасной ситуации, включая орудия и средства деятельности человека, ясно показывает необходимость проведения такой технической политики, которая всюду, где это возможно, устраняла бы элементы риска и снижала потенциальную опасность различных жизненных ситуаций, делая их нейтральными. Это направление работы по предупреждению неосторожных преступлений становится особенно актуальным в условиях научно-технической революции. В частности, проверка, проведенная ВЦСПС и Госстандартом СССР, показала, что из 2000 моделей серийно выпускаемых машин и механизмов лишь 8 процентов отвечает требованиям безопасности труда. Только в 1985—1986 годах на предприятиях Минстанкопрома СССР сняты с производства 350 типов машин и оборудования, приводивших к травмам.

Вторая составляющая общей причины неосторожного преступления — асоциальная установка личности. Это — отсутствие у виновного необходимых положительных взглядов, принципов и привычек, способных удерживать его от антиобщественного поведения в опасной ситуации. Иначе говоря, такой человек не считает для себя интересы общества настолько значимыми, а меры предосторожности настолько необходимыми, чтобы отнестись к ним со всем вниманием и серьезностью.

Асоциальная установка формируется в процессе воспитания человека под воздействием широкого спектра социальных причин и условий. Устранить ее можно лишь кропотливой, целенаправленной работой с людьми. Нужны строгая профессиональная ориентация и более тщательный отбор работников, постоянное повышение их квалификации, обязательное обучение правилам безопасности и умению правильно действовать в наиболее типичных опасных ситуациях, усиление контроля за состоянием здоровья работающих, повышение их ответственности за соблюдение норм безопасности и т. п. Все это — в сфере производственной деятельности. А в сфере быта и досуга должна решаться не менее важная и трудная задача — повышение социальной ответственности и самодисциплины граждан.

Не правда ли, кажется все так просто и ясно, более того, давно знакомо? Отчего же тогда неосторожные преступления совершаются настолько чаще, чем хотелось бы?

Но в том-то и дело, что за этой кажущейся на первый взгляд простотой стоят целые направления, программы сложной и длительной работы. Переориентация нашей психологии, правового сознания, быть может, самое трудное в перестройке жизни общества. Она требует немалых усилий. Думается, во многом будет этому способствовать разворачивающийся в стране юридический всеобщ.

В. КУЧЕР,
кандидат юридических наук

Правовая реформа заставила обратиться к проблеме качества наших законов.

Является ли система законодательства стройной и непротиворечивой?

Отвечает ли содержание закона требованиям гуманности?

Насколько способствуют законодательные акты улучшению морального самочувствия человека, обеспечивают ли защиту его чести и достоинства, ставят заслон доносу, клевете и оскорблению, хамству и распущенности?

Сегодня об этом размышляют на страницах журнала ученые-юристы и наши читатели.

В НОГУ ЛИ СО ВРЕМЕНЕМ?

Сейчас перед нашей страной, перед всем народом стоят задачи коренной перестройки экономики, проведения политической реформы, создания социалистического правового государства. И здесь важную роль должно сыграть законодательство, которое, к сожалению, во многом несовершенно, устарело, закостенело. Четкость, жизненность законодательства теперь целиком и полностью будут зависеть от нового депутатского корпуса, от того, насколько компетентно и ответственно депутаты высшего эшелона будут подходить к обсуждению и принятию законов.

О путях дальнейшего совершенствования законодательства размышляет заведующий кафедрой Ленинградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор А. СОБЧАК.

Наверное, каждому приходилось испытывать досаду, порой недоумение, а подчас и возмущение, столкнувшись с противоречащими здравому смыслу, труднообъяснимыми либо порой просто нелепыми запретами или требованиями. Например, попросили присоединить к очередному отпуску отгулы за переработку, а вам отвечают: «Не положено!» Или, скажем, многодетная мать пришла получать пособие на детей, а от нее требуют представить множество справок.

И мы начинаем ругать... законодательство. Потому что в самом широком, обиходном смысле под ним понимается вся совокупность действующих нормативно-правовых актов. Хотя в строго юридическом смысле **закон** — это нормативный акт, принятый в особом порядке высшим органом государственной власти страны или республики, а также всенародным голосованием. Под **законодательством** же официально понимается совокупность действующих нормативных актов, регулирующих общественные отношения и отдельные их области. Но, как правило, несуразности содержатся не в самом законодательстве, а в практике его применения, в подзаконных актах, принимаемых нижестоящими органами.

Мы начали с примеров из повседневной жизни. Но еще более усложнены процедуры решения различных вопросов с участием предприятий и организаций. Возьмем, скажем, промышленное предприятие. Чтобы ему начать строительство какого-нибудь объекта, это необходимо согласовать с десятками инстанций. Подобного рода требованиями, запретами и другими формальностями обставляется решение почти любого вопроса деятельности предприятий. Буквально лавина положений, инструкций, правил, методических указаний и иных нормативных актов была порождена бюрократизацией управления экономикой, которая сопровождалась ростом управленческого аппарата и усложнением организационных структур. А ведь, как известно, бюрократический аппарат не может существовать, не усложняя процедуры решения любых вопросов. И для этого он обставляется формальностями, которые закрепляются во всевозможных актах — правилах, положениях, инструкциях и являются необходимым условием существования и основным материальным продуктом жизнедеятельности этого аппарата.

На XIX Всесоюзной конференции КПСС в числе других вопросов, посвященных совершенствованию юридической надстройки, говорилось о необходимости улучшать качество советских законов.

Понять, уяснить, проанализировать основные ошибки в законодательстве важно для всех нас: ведь все мы в той или иной мере участвуем в создании наших законов, нормативных документов. И научный подход к улучшению качества и, следовательно, эффективности советского законодательства особенно необходим в наши дни, так как все это неразрывно связано с совершенствованием управления экономикой, с активным участием трудящихся в управлении государством.

ИЗБЫТОК ПРИ ДЕФИЦИТЕ

Избыток нормативных актов никогда не свидетельствовал о благополучии и прогрессе. Напротив, многочисленность нормативных актов всегда говорит о чрезмерной юридизации, зарегулированности общественных отношений и малой эффективности законодательства. Каковы же причины роста количества законодательного материала? Прежде всего надо отметить, что из-за отсутствия продуманной системы развития законодательства те или иные акты принимались по мере возникающей в них потребности, так сказать, по случаю. Так накапливался законодательный материал.

Характерно, что избыток подзаконного, особенно ведомственного, нормативного материала сосуществует с острой нехваткой законов в точном смысле этого слова, то есть актов высшей юридической силы. Казалось бы, парадокс: избыток при дефиците?! На самом же

деле взаимосвязь здесь прямая. Поскольку отсутствовала законодательная регламентация таких важнейших областей государственного управления народным хозяйством, как планирование, материально-техническое снабжение, финансы, капитальное строительство и ряд других, это как раз и привело к засилью ведомственных инструкций и методических указаний по линии Госплана, Госснаба, Министерства финансов, Госстроя и других ведомств. Именно они нередко тормозили принятие законов по важнейшим вопросам хозяйственной деятельности. Почему? Да потому, что законодательная регламентация их деятельности неизбежно ограничила бы названные органы в нормотворчестве, обнажила бы излишнюю усложненность и ненужность многих процедур, многих подразделений, существующих в названных министерствах и ведомствах.

Более того, положение усугубляется тем, что, принимая решения по конкретным хозяйственным вопросам, руководители предприятий и иные должностные лица вынуждены действовать в рамках и в соответствии с инструкциями, положениями, методическими указаниями и тому подобными документами, регламентирующими порядок решения того или иного вопроса. Если же они забудут или умышленно «не заметят» их, то им немедленно напоминают об их существовании главные бухгалтеры, начальники планово-экономических отделов и отделов труда и зарплаты, которые, как говорится, «сидят» на этих документах и призваны их скрупулезно выполнять.

Есть, наконец, и еще одна важная сторона этого вопроса. Как известно, центр тяжести перестройки и ускорения лежит в активизации человеческого фактора. Увы! Ведомственные нормативные акты ориентируют исполнителей как раз... на обратное: на пассивное выполнение предписаний сверху. Вот и получается, что избыток нормативного материала объективно тормозит и психологическую перестройку трудовых коллективов, подрывает их инициативу и самостоятельность.

НУЖНА ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Термином «законодатель» в юридической литературе принято называть тот государственный орган, который издает соответствующие нормативные акты. Качество любого такого акта зависит от того, как он написан, соблюдены ли при принятии его требования юридической техники, вписывается ли он в систему действующего законодательства.

К сожалению, все чаще приходится сталкиваться с недостаточной осведомленностью в правилах юридической техники. Проявляется она по-разному. В частности, в нормативные акты порой включается множество общих положений: деклараций, призывов, констатаций, рекомендаций, пожеланий, реализация которых в качестве юридических норм не может быть подкреплена или проверена ни соответствующим контролем, ни применением мер государственного принуждения за их нарушение. А это означает, что подобные акты с момента их принятия обречены на невыполнение. Наиболее яркий пример — Закон о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями, утвержденный Верховным Советом СССР 17 июня 1983 года. В нем права трудовых коллективов обозначены по преимуществу в неопределенных выражениях: трудовой коллектив «участвует», «обсуждает», «рассматривает», «рекомендует», «осуществляет меры», «на рассмот-

рение трудового коллектива вносится» и т. д. Неудивительно, что с реализацией положений этого Закона возникли трудности, он не оправдал возлагаемых на него ожиданий.

Формальная определенность, нормативность, точное указание мер ответственности за нарушение соответствующих предписаний закона — именно этим юридический акт должен отличаться от всех иных документов.

Другой достаточно распространенный недостаток выражается в том, что в новых нормативных актах дублируются, повторяются положения, которые уже содержатся в действующем законодательстве.

Если подобное происходит в актах одного уровня, то это полбеды. Хотя оно и увеличивает объем нормативного материала, однако не наносит ущерба его содержанию. Хуже, когда предписания закона или постановления правительства дублируются в ведомственных актах, различного рода инструкциях и методических указаниях и сопровождаются, как правило, оговорками и разъяснениями, ограничивающими сферу их применения или прямо их искажающими.

В деятельности министерств стало общим правилом доводить до сведения подведомственных организаций новые законы или постановления правительства, издавая приказы, в которых воспроизводится текст соответствующего акта, а после этого разъясняется, как нужно понимать или что следует иметь в виду, применяя то или иное правило, содержащееся в данном законе или постановлении правительства. Это сплошь и рядом приводит к искажению подлинного смысла основополагающих актов законодательства.

Часто с принятием новых актов одновременно не отменяются или не изменяются ранее установленные нормы. В результате многие акты и отдельные нормы, потерявшие свое значение и фактически не подлежащие применению, формально не отменяются.

Одна из главных причин снижения качества нормативных актов заключается в том, что квалифицированные юристы обычно привлекаются к составлению или экспертизе лишь первичных проектов, которые затем подвергаются существенной переработке в процессе согласования их с различными ведомствами. В итоге с текстом окончательной редакции знакомятся только должностные лица различного ранга, а не специалисты.

Выход очевиден: перед утверждением любого нормативного акта его целесообразно было бы направлять на государственную экспертизу, подобно тому, как это делается с проектами в строительстве.

ЮРИДИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО

Юридическими мифами, на мой взгляд, являются отдельные правовые положения или нормативные акты, которые, будучи принятыми, остались бездействующими, так и не были воплощены в жизнь. К сожалению, это явления достаточно распространенные, особенно в хозяйственном законодательстве. Причем речь идет не только о каких-то второстепенных частных предписаниях закона, а подчас и об основополагающих нормах, которые устанавливают принципиальные правила для данной области законодательства.

Причины, в силу которых принятые различными государственными органами нормативные акты фактически не действуют, разнообразны. Возьмем, к примеру, очень важное правило о недопустимости сдачи-приемки законченных строительством объектов с недо-

делками. Оно приобрело мифический характер из-за того, что прямо нарушается местными партийными и государственными органами с молчаливого одобрения вышестоящих инстанций, то есть путем подмены закона «деловыми обыкновениями», прямо его игнорирующими.

Распространенность юридического мифотворчества отрицательно сказывается на режиме законности, так как вызывает к жизни негативное или избирательное отношение к предписаниям закона. Так называемая «теневая» экономика, о существовании которой много написано в экономической литературе,— одно из наиболее наглядных и опасных для общества состояний систематического (точнее сказать, хронического), привычного и массового нарушения режима законности. Сейчас многое делается для устранения сложившегося положения и в организационном и в воспитательном плане. Необходимо дополнить эти усилия серьезной перестройкой законодательной и правоприменительной деятельности.

ПЛАНИРОВАНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТНЫХ РАБОТ

Переход от накопления законодательных актов, издаваемых по мере надобности, к планированию законопроектных работ представляет собой качественно новый подход к развитию правотворчества. В нашей стране такое планирование ведется с декабря 1977 года. В соответствии с ним разработано и принято более сотни актов на уровне законов и постановлений правительства. Последний план законопроектных работ на 1986—1990 гг. содержит 38 позиций, по которым должны быть подготовлены проекты нормативных актов. Он был утвержден постановлением Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 28 августа 1986 года.

Однако неудовлетворенность состоянием действующего законодательства в полной мере относится и к планированию законопроектных работ. К сожалению, принятые до сих пор планы не отличаются целенаправленностью. В них включаются подчас акты, принимать которые нет острой необходимости. Например, в плане законопроектных работ на 1986—1990 гг. была предусмотрена подготовка проектов таких документов, как новый Устав связи. А ведь вполне можно было бы ограничиться внесением необходимых изменений в действующий аналогичный акт. И вместе с тем не предусматривается, как это не может не показаться удивительным, подготовка проектов Закона об управлении народным хозяйством, Закона о планировании хозяйственной деятельности, Закона о государственных финансах СССР и т. д., без которых перестройка хозяйственного механизма просто немыслима.

Думается, в основу планирования законопроектных работ должны быть положены генеральные схемы отраслей законодательства, составляемые в соответствии с Конституцией СССР и соответствующими Основами законодательства, общесоюзными и республиканскими кодексами.

Генеральная схема каждой отрасли законодательства должна включать основные нормативные акты союзного и республиканского значения, вплоть до ведомственных актов. Утверждаться генеральные схемы должны Правительством СССР.

Подготовка предлагаемых схем позволит наглядно определить место каждого акта в системе законодательства, выявить излишний

нормативный материал и определить пробелы в законодательстве, существенно ограничить ведомственное нормотворчество.

К разработке генеральных схем отраслей законодательства должны быть обязательно привлечены ученые. Для успеха этой работы важно, чтобы она не осуществлялась кабинетным путем, а была поручена группам специалистов по каждой отрасли законодательства. Все необходимые теоретические основы для проведения такой работы по каждой отрасли законодательства у нас имеются.

А. СОБЧАК,
доктор юридических наук,
профессор

г. Ленинград

От редакции. Итак, ученый-юрист высказал свое мнение. Но ведь наверняка и у многих читателей нашего журнала есть немало мыслей по улучшению качества советского законодательства, в том числе и хозяйственного. У руководителей предприятий и организаций накопилось немало наболевших вопросов в этой области. Не бездумным исполнителем инструкций и приказов должен выступать советский человек в условиях перестройки, а прежде всего творцом, участником создания новых правовых норм, коренной перedelки многих существующих. Есть правило: пока закон существует — он должен исполняться. Но в то же время мы все должны постоянно думать и о его совершенствовании.

Ждем ваших мнений, уважаемые читатели!

КАЗНИТЬ ИЛИ ПОМИЛОВАТЬ?

«Давно назрела пора пересмотреть ряд наших законов в сторону их усиления. А то слишком уж они у нас гуманны. Поэтому никто их не боится, в результате число преступлений увеличивается.

Ведь что сейчас получается: за крупные хищения и злоупотребления — до 15 лет, за убийство — до 15 лет, за измену Родине — до 15 лет. И никакой разницы. К тому же положенный срок редко кто отбывает. Это не дело. Нужно нам за эти преступления ужесточить ответственность.

Так, за первое убийство сразу же приговаривать к расстрелу. Ведь в последнее время ничего не стоит убить человека, так как убийца знает, что ему в этом случае грозит только тюремное заключение. Я считаю, что убийцы — это люди, как правило, неполноценные, не способные приносить пользу Родине. И получается, что убийца жив, а человека-то (в большинстве случаев честного, тру-

женика) нет. Это не дело. Убийца должен понести заслуженную кару — расстрел. Такой закон обязательно нужен. С гуманными законами мы далеко не уйдем.

К. И. Иванова, Свердловская обл.,
г. Полевской».

«Уважаемая редакция!

К Вам обращается коллектив отделения профилактики городской больницы № 24 города Донецка. Мы с возмущением прочитали статью в газете «Вечерний Донецк». В ней описывался случай, как рецидивист, ранее трижды судимый (за злостное хулиганство, изнасилование и за хищение государственного имущества), среди бела дня в транспорте приставал к девушке. И двум мужчинам, осмелившимся заступиться за нее, нанес ножевые ранения. Так пострадали два ни в чем не повинных человека. Один из них на больничном листе находился месяц, другой три месяца, а могло все кончиться еще хуже. И таких примеров немало.

Возникает вопрос: какую пользу может принести обществу трижды судимый человек? Нормальный, думающий исправляться человек, побывав раз за решеткой, второй и третий раз ни за что бы не стал совершать преступления.

Наше мнение: если человек дважды, трижды и более судим, его не нужно выпускать на свободу ни по какой статье, а приговаривать к высшей мере наказания — смерти. От этого станет чище общество и легче будет жить окружающим, тем, кто хочет добросовестно трудиться и жить.

Сотрудники: Никитина М. В., Петрова А. И., Марченко Р. В., Тарасов Т. Н., Ровенченко Т. Д., Гранкина А.».

«Хочу принять участие в обсуждении проекта Основ уголовного законодательства. И высказать свое мнение по вопросу о высшей мере наказания. Об этом много говорят и пишут, и я, видимо, только присоединю свое мнение ко многим другим — смертной казни не должно быть вовсе!

Если человек совершил тягчайшее преступление в здравом уме, то для того, чтобы он осознал и искупил свою вину, вполне достаточно 10—15 лет тюремного заключения.

Неприятно читать у Гюго в «Последнем дне приговоренного к смертной казни» предисловие, где автор, живший более ста лет назад, предлагает ликвидировать гильотину во Франции и отправить ее куда-нибудь подальше от цивилизации: не в Турцию, нет. Там уже решается вопрос об отмене смертной казни, и не к дикарям, — на острове Таити ее уже отменили, а куда-нибудь подальше.. в Россию. Стыдно становится за свою Родину в таком сравнении. Но автор, видимо, не ошибся, и спустя более сотни лет у нас в России, в Советской, Социалистической России, смертная казнь существует. Не варварство ли это?

Владимир Яковлевич Черкасов,
военнослужащий, член КПСС, Амурская область».

Это письма читателей. А вот что думает по этому поводу специалист, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник ИГП АН СССР С. Г. КЕЛИНА.

Быть или не быть смертной казни? Более двух столетий пытается человечество ответить на этот вопрос. Но до сих пор не может прийти к однозначному решению. Одна из причин, думается, заключается в том, что проблема смертной казни — многоаспектная. К ее решению можно подходить с различных точек зрения: политической, нравственной, религиозной либо правовой. А они порой взаимно исключают друг друга. Давайте рассмотрим эту проблему с позиции юриста, с точки зрения логики уголовного законодательства.

Что такое смертная казнь? Это один из видов уголовного наказания. Поэтому эта мера должна соответствовать общим целям наказания и быть не только карой за совершенное преступление, но и в соответствии со статьей 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик иметь целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными (так называемое частное предупреждение), так и иными лицами (общее предупреждение).

Понятно, что в случае применения к преступнику смертной казни исправлять его и перевоспитывать с тем, чтобы в дальнейшем он не совершал новых преступлений, уже не надо. Человека просто больше нет. Следовательно, в данной ситуации цель частного предупреждения не ставится.

Теперь рассмотрим, соответствует ли смертная казнь цели общего предупреждения.

Социологические исследования отдельных авторов свидетельствуют о том, что страх наказания удерживает от совершения преступлений от 14 до 24 процентов совершеннолетних граждан. Как видим, цифра не такая уж и большая. Здесь мне бы хотелось обратить внимание читателей вот на какой момент. Вообще говорить о том, что при совершении преступления факт грозящего наказания учитывается некоторыми людьми, можно, видимо, только применительно к тем преступлениям, совершению которых предшествует определенный расчет, взвешивание «за» и «против», то есть борьба мотивов. Это может касаться государственных преступлений, хищений и других имущественных преступлений, злоупотреблений по службе, хозяйственных преступлений и т. п. Но хотя действующий закон и предусматривает за совершение наиболее тяжелых из них (хищение в особо крупных размерах, валютные злоупотребления, взяточничество) смертную казнь, эта санкция не оказывает особого предупредительного воздействия на граждан. Об этом свидетельствует статистика. Так, количество осужденных за совершение хищений в крупных и особо крупных размерах в 1975—1980 гг. увеличилось на 55,8 процента по сравнению с предыдущим пятилетием.

Что касается убийства, наиболее тяжкие случаи которого караются смертной казнью, то борьба мотивов до совершения этого преступления встречается довольно редко. По данным многолетних криминологических наблюдений, доля заранее обдуманного убийств колеблется в пределах 5—10 процентов от общего числа совершаемых деяний. Если к этому добавить, что 75 процентов убийств совершается в состоянии опьянения, то можно сказать, что для этого преступления скорее характерна ситуативность, чем холодное обдумывание грозящих последствий своего преступного поведения. Поэтому и в данном случае как наличие, так и отсутствие смертной казни не

оказывают воздействия на уровень убийств. И прав был К. Маркс, написав: «...История и такая наука, как статистика, с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утешить наказанием».

Мне бы хотелось привести еще два, с моей точки зрения, очень серьезных довода против смертной казни. Первый заключается в следующем: казненного человека не вернешь. А у нас, к сожалению, еще случаются судебные ошибки. И это нельзя сбрасывать со счетов. Вспомним так называемое «витебское дело». Приговор уже был приведен в исполнение, когда был найден истинный насильник и убийца Михасевич, которого 14 лет не могли разоблачить следственные органы. И второй довод: задумайтесь, справедливо ли применять эту меру к виновному не только для того, чтобы покарать его лично за содеянное, но чтобы сделать наказание «примерным», в назидание другим.

Таким образом, для юриста с профессиональной точки зрения тезис о том, что смертная казнь внутренне противоречит логике советского уголовного законодательства, очевиден. Несоответствие этой меры общим целям наказания, определенным в законе, объясняет тот факт, что смертная казнь признается исключительной мерой и находится вне системы наказаний, предусмотренной законом.

И тем не менее опрос практических работников показывает, что число сторонников этой меры среди них едва ли не больше, чем среди непрофессионалов.

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что проблема смертной казни не столько правовая, сколько социальная, а точнее, политико-правовая. Ее решение заложено в анализе общих идей и положений государственной политики, отраженной в праве и продиктованной многими факторами политической, экономической, общественной жизни, в том числе и уровнем массового сознания, правовыми традициями. Так, например, в СССР смертная казнь отменялась трижды — в 1917, 1920 и 1947 годах. По-видимому, нужно признать, что первые две акции были явным «забеганием вперед», исключение этой меры в тот период явно не соответствовало жестким объективным условиям классовой борьбы и интервенции. Но они отражали общее состояние революционного сознания того периода, ожидания вот-вот начинающейся мировой революции, прихода всемирной справедливости и всеобщего счастья. В тот период популярности теорий отмирания государственной машины, а с ней и права, смертная казнь как мера наказания, видимо, представлялась лишенной смысла.

Но состояние «революционной эйфории» было опрокинуто ходом подлинных исторических событий. Первый расстрел по закону был применен в феврале 1918 года в отношении бандитов, которые проводили обыски и грабежи под видом сотрудников ВЧК. Однако и после этого смертная казнь как мера наказания применялась довольно редко. Так, в 1919 году к высшей мере приговаривалось 14 процентов всех осужденных трибуналами, в 1921 году — 5 процентов, в 1922 году — лишь 1 процент, при этом половина приговоров не приводилась в исполнение. Отмена смертной казни в 1947 году — следствие триумфального окончания Великой Отечественной войны. А восстановление в 1950 году — свидетельство нового витка репрессий, беззаконий, продолжение довоенной политики уничтожения цвета нации.

При решении вопроса, существовать ли смертная казнь, нужно учитывать и общественное мнение. А результаты его изучения свиде-

тельствуют о том, что население нашей страны в массе своей существенно переоценивает возможности уголовного закона и его влияния на состояние преступности, имеет ошибочное представление, будто чем жестче наказание, тем успешнее будет борьба с преступностью. В связи с этим хорошо известны слова В. И. Ленина, что «предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жесткостью, а его неотвратимостью». У К. Маркса на этот счет мы читаем: «Жестокость характерна для законов, продиктованных трусостью, ибо трусость может быть энергична, только будучи жестокой».

Тем не менее общественное мнение необходимо изучать и с любой общественной оценкой следует считаться, если мы стремимся к тому, чтобы законодательство в социалистическом правовом государстве было наиболее полным отражением воли народа. Практически это означает, что сегодня полный отказ законодателя от смертной казни как меры наказания за наиболее тяжкие преступления не соответствовал бы представлениям о справедливости, сложившимся в массовом общественном сознании. Однако общее направление гуманизации, последовательно проводимое в законодательстве и практике правосудия, позволяет постепенно сужать как число преступлений, так и круг лиц, в отношении которых может применяться эта мера. С этих позиций представляются обоснованными те шаги, которые предприняты в проекте Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик по ограничению смертной казни, в частности ее исключение из санкций за преступления экономического характера, а также неприменение высшей меры не только к несовершеннолетним, но и ко всем женщинам и мужчинам в возрасте старше 60 лет (ст. 41 проекта).

В настоящее время справедливым представляется сохранение этой меры в качестве кары за некоторые государственные преступления, а также за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

Со временем может быть поставлен вопрос об исключении применения высшей меры наказания к лицам, совершившим преступление в возрасте до 21 года. Что касается круга преступлений, наказуемых смертной казнью, то судебная практика и данные статистики подсказывают, что уже в настоящее время не все 11 видов умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, предусмотренные статьей 102 УК РСФСР, заслуживают ее применения. Для некоторых из них может быть достаточным и 15-летний срок лишения свободы. Есть основания также обсудить вопрос о целесообразности применения смертной казни за шпионаж. Ведь шпионаж, совершенный советским гражданином, наказывается смертной казнью как форма государственной измены.

В качестве же конечной, вполне достижимой цели можно ставить полную отмену смертной казни как меры наказания. Однако к ее достижению нужно пройти большой путь. И не следует особенно спешить.

«И НЕ ТОЛЬКО АНОНИМКИ...»

Так называется письмо председателя совета трудового коллектива В. Табарного из Киева (№ 9, 1988 г.), который предлагает дополнить Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» положениями об ответственности должностных лиц и граждан за клеветнические, надуманные жалобы.

В редакцию поступило много откликов. Публикуем некоторые из них.

Я согласна с предложениями В. Табарного. Не только от анонимок надо избавляться, но и от всякого рода писем клеветнического или надуманного характера. Таких жалобщиков следует наказывать материально либо увольнять с работы.

А еще надо подумать о подобных жалобщиках из числа неработающих пенсионеров. В нашем доме появилась гражданка Л. Пенсионерка, 65 лет. Она строчит жалобы и письма на любого. На кого ей вздумается и сколько хочет. Рассмотрели ее заявления на собрании жильцов, обсудили. А она и там сказала: писала и буду писать.

Вот это прошу учесть при внесении возможных дополнений в Указ.

В. МАСЛОВА

г. Ташкент

Прочитал письмо В. Табарного и возмутился. В период гласности и демократизации от подобных предложений разит духом чиновничества, бюрократизма, зажима критики.

Лишить всех граждан права на критику? Завести в тупик рассмотрение предложений, заявлений, жалоб? Этого хочет Табарный?

По-моему, надо шире развивать гласность, а не тормозить ее. Нужно только, чтобы эти указы не на бумаге были, а в жизни, чтобы народ поверил и убедился, что право на критику, право на жалобу введено в действие и выполняется неукоснительно. Это и есть главнейшее оружие против клеветников и зажимщиков критики.

Б. ЕВТЕХОВ, слесарь-сантехник

Ленинградская область,
г. Каменногорск

Хочу высказать свое мнение по поводу письма В. Табарного. Своими предложениями он пытается ввести в удобные для него рамки гласность. Судя по всему, он является одним из руководителей предприятия — администратор. Всем известно, что в большинстве трудовых коллективов во главе СТК находятся директора. Они-то и поддержат предложения В. Табарного. Судите сами: если их примут, не будет не только анонимных, но и подписанных жалоб, ибо тот, кто захочет их написать, подумает, а вдруг администрация вывернется и виновным окажется... «жалобщик».

Перестройка дала нам гласность, право на правду, на свои суждения, а Табарный предлагает ввести гласность, так сказать, с разре-

шения свыше. Это подорвет морально-психологическую обстановку в коллективах, так как поставит барьер критике. Табарный предлагает не расширение защиты прав человека, а ограничение их.

А. КАН, рабочий

г. Саратов

Я убежден, попади Табарный в ситуацию, когда не будут реагировать на его справедливые требования да еще накажут как жалобщика, вот тогда, сегодня ретивый, он другую «песню запоет». Мне пришлось выдвигать резкую изменчивость поведения людей типа Табарного.

Под разумным воздействием опытных журналистов, их предупреждений об осторожности, воздержании, дабы не наносить удар по анонимкам (ибо в них много правды можно погубить), Указ против анонимщиков долго не появлялся на свет. Но «Табарные» добились и узаконили запрет неправый, породили тяжкую борьбу между злом и добром.

Я, пишущий эти строки, сильно пострадал от ложных анонимных причуд и даже от злопыхательских заявлений с подписями, но я категорически против выпущенного Указа против анонимов. Против потому, что Указом нанесен ущерб борьбе с организованной преступностью, которая не терпит честных, открытых способов борьбы — мстит жестоко.

Анонимка сильнее мафии. И я считаю, что надо сохранить анонимную силу тех борцов за справедливость, которые под страхом мести вынуждены прибегать к такому способу разоблачения организованной преступности и махинаций.

Все дело в том, что для выяснения истины надо любую бумагу осмыслить, проверить. В этом суть работы по письмам-жалобам. И если кто-то хочет отвергнуть эту работу, изжить писания в поисках правды и справедливости, значит, он хочет жить в обществе насилия, произвола и подлых наглостей сильного над слабым. И это — страшно!

Кто же нам дал право диктовать Указом человеку-гражданину способ его действия в борьбе за правое дело? Неужели правоохранительные органы справятся с мафией без информации общественности? Это с одной стороны. Ну, а с другой, действительно, зачем попустительствовать, прощать клевету, не реагируя на нее? Тут Табарный, по-моему, прав. Но о дополнениях к Указу надо думать.

И. СЛОБОДИН

Нижний Тагил

От редакции. Публикуя подборку откликов на письмо В. Табарного, мы надеемся услышать мнения и других наших читателей.

В ЗАЩИТУ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

Что толкает человека на те или иные поступки и является внутренним ориентиром и регулятором поведения, заставляет соизмерять каждый шаг с внутренним голосом собственного «Я»? Безусловно, честь и достоинство.

Честь — это прежде всего моральная репутация человека. Люди стремятся к хорошей репутации, опасаются общественного осуждения, чувство чести ориентирует их поступать в соответствии с общественными нормами. **Достоинство** человека означает определенную оценку моральных качеств, которыми он обладает. Чем сильнее развиты в человеке чувство уважения к окружающим, доброжелательность, порядочность, тем большую ценность он представляет для общества.

Ни для кого не секрет, что в застойное время честь и достоинство людей испытывали на себе и прямое, и косвенное давление. Людей унижало все: атмосфера коррупции почти на всех этажах власти, борборы и вымогательство, махровый бюрократизм, отсутствие гласности. Дефицит демократизма порождал дефицит элементарного уважения к личности. Поэтому в обществе, в трудовых коллективах происходила утрата чувства милосердия, товарищества. Отсутствие простой человеческой отзывчивости усиливало взаимную обособленность, толкало некоторых искать самоуспокоения в религии, алкоголизме, наркомании. Причем происходило все это под демагогические призывы обратиться к личности человека, его чаяниям и заботам.

Оздоровление общественной атмосферы в стране предполагает укрепление законности. Правовая реформа, программа которой определена XIX партконференцией, коснется, безусловно, и совершенствования реальных способов защиты чести и достоинства личности.

Что сейчас может закон, а, следовательно, и суд в случаях ущемления чести и достоинства гражданина?

В этих случаях закон предусматривает уголовную ответственность за клевету (статья 130 УК РСФСР) и оскорбление (статья 131 УК РСФСР).

Статья 130 УК РСФСР определяет клевету как распространение (в устной или печатной форме) заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений. Один из народных судов признал позорящими сведения, приведенные студенткой мединститута в письме на имя ректора. Она обвиняла ассистента кафедры биохимии в том, что он надоедает ей своим повышенным вниманием, мешает устроить личную жизнь. Созданная администрацией института комиссия надлежащей проверки не провела, а своими необоснованными выводами ввела в заблуждение профком, который дал согласие на увольнение преподавателя. Суд установил, что эти сведения не соответствуют действительности. Студентка злобно оклеветала преподавателя. Признав распространенные сведения позорящими, суд привлек виновную к уголовной ответственности.

В соответствии со статьей 131 УК РСФСР оскорблением признается унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной

форме. Один из сотрудников Дома культуры обругал нецензурными словами уборщицу за то, что она не вынесла мусор из его кабинета. В присутствии других работников оскорбил главного бухгалтера. Суд вынес обвинительный приговор, установив неприличную форму обращения с товарищами по работе.

Существуют и гражданско-правовые способы защиты чести и достоинства. Если уголовно-правовой предусматривает осуждение виновного от имени государства, то гражданское законодательство говорит только об обязанности обидчика опровергнуть распространенные им порочащие сведения. Речь идет о восстановлении нарушенных прав гражданина. С помощью норм гражданского законодательства может быть защищена и репутация того или иного предприятия, учреждения, организации.

Уголовную ответственность несет только гражданин, или, как говорят юристы, физическое лицо. По гражданскому законодательству ответчиками могут быть и организации (редакции газет, журналов и др.).

Уголовный закон, защищающий честь и достоинство граждан, имеет дело с преступлением, в основе которого содержится прямая умысел оклеветать или унижить человека. Гражданское законодательство обязывает опровергнуть ложные сведения не только при наличии умысла, но и при добросовестном заблуждении виновного.

Если не соответствующие действительности, порочащие честь и достоинство гражданина сведения распространены в печати, они должны быть опровергнуты также в печати. Если аналогичные сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене. В иных случаях способ опровержения избирает суд.

Достаточно ли имеющихся правовых средств защиты чести и достоинства?

Обратимся к практике. В жизни возникают самые разные ситуации.

Вот жалоба шофера, в которой он пишет, что его незаконно уволили за появление на работе в нетрезвом состоянии. «Я — человек принципиально непьющий, не имел ни выговоров, ни взысканий. В материалах дела нигде не указано, что я был в нетрезвом виде. Таким образом, оклеветав меня, мне на всю жизнь в трудовой книжке прилепили ярлык алкоголика».

Или другой случай. Профком необоснованно обвинил служащего в нарушении больничного режима и лишил выплаты пособия по временной нетрудоспособности. О решении профкома узнал весь коллектив. Вышестоящий профсоюз вынес решение о признании действий профкома неправильными. Право работника на оплату по больничному листу восстановлено. А его репутация? Обращаясь в редакцию, он пишет: «Поймите меня правильно, не за деньги я бился все это время. Я просил тех, кто громко обвинил, хотя бы громко извиниться».

Как быть в таких случаях? Приведенные выше статьи уголовного и гражданского законодательства здесь «не работают». Судебная практика трактует эти случаи так: данные конфликты относятся к области трудового права; если человек восстановлен на работе, следовательно, восстановлена и его трудовая репутация. Однако, как видно из приведенных примеров, это далеко не всегда так.

Напрашивается вывод: трудовая честь и достоинство работника порой оказываются вне юридической защиты. Незаконные увольне-

ния, переводы на нижеоплачиваемую работу в качестве меры дисциплинарного взыскания непосредственно ущемляют материальные интересы работника и, что не менее важно, наносят урон его трудовой репутации.

Думается, было бы логично принять в трудовом законодательстве ряд специальных норм о защите трудовой чести и достоинства работника. Предположительно эти нормы могут предусматривать:

— судебную защиту от действий, нарушающих трудовую честь и достоинство работника;

— отмену незаконного акта администрации или общественного органа, содержащего сведения, порочащие трудовую репутацию работника;

— опровержение сведений, порочащих трудовую репутацию пострадавшего работника, администрацией, общественным органом, членами трудового коллектива;

— принесение публичного извинения пострадавшему работнику со стороны администрации, представителя общественного органа, других рабочих и служащих.

Необходимо усилить и защиту работника от оскорбительного обращения в процессе труда. Что имеется в виду? Прежде всего поведение человека в трудовом коллективе во время работы. На производстве, внутри коллектива нередки грубость, сплетни, интриги, унижение друг друга. Если обратиться к Типовым правилам внутреннего трудового распорядка, то увидим, что они содержат лишь общее упоминание об обязанности вести себя достойно, соблюдать правила социалистического общежития, воздерживаться от действий, мешающих товарищам по работе выполнять их трудовые обязанности. Думается, что нарушение этой обязанности, выразившееся в действиях, ущемляющих честь и достоинство других работников и отразившихся на нормальном ходе трудового процесса, следует рассматривать как нарушения внутреннего трудового распорядка.

В. И. Ленин обращал особое внимание на соблюдение рабочими и служащими тех общих правил поведения, которые обеспечивают нормальную работу. Еще в 1921 году В. И. Ленин подписал Положение о дисциплинарных товарищеских судах, в котором наряду с прогулами и опозданиями как нарушение трудовых обязанностей рассматривалось непристойное поведение и грубость на предприятии. В Примерных правилах внутреннего трудового распорядка на строительных работах от 31 августа 1928 года также воспрещалось грубое обращение со стороны администрации и рабочих: за оскорбление словами администрации или администрацией рабочих и служащих в первый раз предусматривался выговор с объявлением по организации и предупреждением об увольнении, во второй раз — увольнение.

Стоит внимательнее присмотреться к подобной (теперь уже исторической) практике.

Маляр обратилась в суд с иском к ремонтно-строительному управлению о восстановлении в должности бригадира. Суд установил, что она перестала пользоваться у членов своей бригады авторитетом, вела себя недостойно. Ругань и склоки с ее стороны создали нездоровую обстановку, что послужило причиной ухода из бригады нескольких человек. Суд признал, что при таких обстоятельствах администрация РСУ вправе была освободить работницу от руководства бригадой. И ее требования о восстановлении на работе бригадиром удовлетворению не подлежат.

Трудовая репутация работника и его моральные качества часто отражаются в характеристиках. Закон вообще-то не предусматривает выдачу или посылку характеристик. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 февраля 1960 года «О мерах по устранению канцелярско-бюрократических извращений при оформлении трудящихся на работу и разрешении бытовых нужд граждан» запрещено требовать от граждан разного рода справки, характеристики и иные документы, представление которых не вызывается необходимостью. И все же есть случаи, когда характеристика необходима. Поэтому вполне понятно желание людей обжаловать в суд содержание характеристик, искажающих их социально-трудовой портрет.

Матрос был обвинен администрацией судна в воровстве, что было отражено и в его характеристике. Народный суд, рассмотрев дело по его иску к администрации, признал не соответствующими действительности сведения о краже судового имущества и личных вещей экипажа и обязал администрацию выдать ему иную характеристику, не содержащую указанных сведений.

На практике суды иногда испытывали затруднения и в том, кого считать виновным в выдаче предвзятой характеристики и, следовательно, кого привлекать в качестве ответчика. Ведь данный документ выдается и подписывается не только администрацией, но и представителями общественных организаций. Так, по заявлению инженера об опровержении сведений, изложенных в характеристике, которая была подписана заместителем директора, заместителями секретаря парткома и председателя профкома одного из НИИ, народным судом в качестве виновного был привлечен институт. В другом случае при оспаривании характеристики, подписанной директором и председателем профкома комбината бытового обслуживания, в качестве ответчика суд привлек директора комбината, а председателя профкома допросил как свидетеля.

В 1979 году Пленум Верховного суда СССР, анализируя практику рассмотрения в судах дел о защите чести и достоинства, коснулся вопросов обжалования сведений, содержащихся в характеристиках. Исходя из того, что в соответствии со статьей 7 ГК РСФСР обязанность опровергнуть порочащие честь и достоинство сведения возлагается на распространившего их, Пленум определил, что ответчиками по этим делам являются лица, подписавшие характеристику, и организация, ее выдавшая.

Примечательно, что еще в первые месяцы Советской власти В. И. Ленин обращал внимание на необходимость расширения судебной защиты чести и достоинства. В декабре 1917 года в проекте постановления ЦК РСДРП(б) «Об ответственности за голословные обвинения» он писал:

«по всем склочным делам и личным обвинениям те, кто выдвигает такие обвинения, не предъявляя точных обвинений перед судом, считается клеветником;

— те, кто считает себя задетым подобными обвинениями, приглашается обратиться в суд» (Полн. собр. соч., т. 35, с. 127).

Б. ЗЕЛЕНКО,
кандидат юридических наук

ЧТО РАССКАЗАЛИ ОСКОЛКИ

Над автомагистралью, ведущей на юг, навис плотный осенний туман. Редкие машины шли словно на ощупь. Вдруг одна из них резко затормозила и остановилась у обочины дороги. Сидевший за рулем «Москвича» водитель заметил лежащего у дороги мужчину без признаков жизни. На его одежде были видны следы протектора автомобильных колес.

Следователю районного отдела внутренних дел при осмотре места происшествия ничего, кроме мелких стеклянных осколков, обнаружить не удалось. Похоже, что это — частицы разбившейся фары. Поэтому все расположенные по магистрали органы ГАИ ориентировали на розыск автомашины, имеющей разбитое или только что замененное стекло правой фары.

В семидесяти километрах от места происшествия инспектор дорожного надзора заметил «Волгу». Ее водитель как раз собирался вставить в правую фару новое стекло. Сидя на корточках, он выбирал из ободка оставшиеся осколки. Автомашину в присутствии понятых осмотрели. Из ободка фары извлекли мельчайшие чешуйки стекла толщиной от 0,5 до 0,8 мм. Подобрали с земли и более крупные осколки. По ним и тем, которые оказались в складках одежды потерпевшего, предстояло определить: лжет владелец «Волги», утверждая, что не был на месте происшествия, или говорит правду.

Эксперт-трасолог установил, что крупные осколки идеально совмещаются друг с другом по линиям разлома и элементам рельефного геометрического рисунка. Потом по микронеровностям торцов с помощью сравнительного микроскопа удалось определить, от каких крупных осколков откололись мелкие. В ходе экспертизы были учтены и признаки внутреннего строения фарного стекла, оптическая неоднородность его различных участков. Все указывало на то, что осколки образовались от рассеивателя автомобильной фары, разбившегося при наезде на потерпевшего.

Внимательно прочитав заключение, подозреваемый рассказал, что ехал на недопустимо высокой для туманной погоды скорости и сбил пешехода, неожиданно появившегося на краю дороги. Испугавшись ответственности, он скрылся с места происшествия. Однако скрыть правду ему не позволили осколки.

Наш собеседник — Сольвейг Рибердаль, заместитель Генерального прокурора Швеции.

На что имеет право город-курорт?

О будущем Гагры, социальных проблемах широко известной здравницы размышляет журналист А. Смирнов.

При живых родителях... в детдом?

Полемиические заметки К. Хромовой.

Редакции отвечают.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ У ВАС?

**Заместитель Генерального прокурора
Швеции СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ
отвечает на вопросы нашего
специального корреспондента
ВЛАДИМИРА СИРЕНКО**

П

равовая реформа вызывает пристальный интерес и жаркие дискуссии юристов всего мира. Это объяснимо. Законодательства почти всех государств вышли из одной колыбели — классического Римского права. Поэтому, когда законодательство изменяется либо проводится судебно-правовая реформа, это расценивается как результат серьезных сдвигов в общественном сознании народа и социально-политической жизни страны.

Многообразие мнений, предложений, высказываний на этот счет заставляет осмотреться, выяснить, как решены некоторые проблемы у наших соседей. Или не решены? Именно в таком ключе шел обмен мнениями с заместителем Генерального прокурора Швеции, президентом движения «Юристы Швеции — за мир» Сольвейг Рибердаль. Наша встреча состоялась в Стокгольме во время моей поездки по Скандинавскому королевству в составе делегации Советского комитета защиты мира.

Сольвейг Рибердаль доброжелательна, немногословна, весьма прагматична, что и старается демонстрировать каждой своей фразой.

Мы начали наш разговор с событий, которые широко комментировались западной прессой. Это инциденты, произошедшие в Москве на Пушкинской площади и в Минске в День поминовения предков, когда милиция, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР», применила силу. Сегодня немало людей считает этот Указ недостаточно совершенным.

— Каков порядок проведения манифестаций в Швеции?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: В соответствии с нашей конституцией, каждый гражданин имеет право организовать демонстрацию и принять в ней участие. Митинги, собрания, шествия разрешены законом. Однако полиция (у нас разрешение на манифестацию дает именно она) может вмешаться в двух случаях. Если демонстрация нарушает уличное движение или становится очевидным, что выяснение позиций между демонстрантами полярных взглядов может закончиться дракой, другими эксцессами. В этих случаях полиция делает все возможное, чтобы люди не причинили друг другу вреда.

— Какие же меры принимала полиция?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Это чисто полицейские меры, прокуратура к ним отношения не имеет.

— Мы не раз видели на экранах телевизоров, что значит «чисто полицейские меры...» Прокуратура, надо полагать, занимается более серьезными вопросами. Каковы же наиболее типичные уголовные преступления в Швеции?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Преступления против частной собственности — кражи. Драки. Хулиганство. Экономические преступления. Преступления, связанные с наркотиками.

— Откуда чаще крадут в Швеции: из квартир или из магазинов?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: В магазинах воруют чаще.

— У нас в СССР в последнее время много говорят об организованной преступности, о так называемой мафии.

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: И у нас она есть. Цель мафии — получить как можно больше денег. Средства годятся любые — от вооруженных грабежей банков до контрабанды наркотиков.

— Какое из громких дел последних лет вам запомнилось?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Процесс по делу двух врачей, которых подозревали в убийстве девушки. Против них собралось много улик. Например, свидетели видели девушку в обществе этих врачей. Однако подозреваемые отвергали все доводы обвинения. Прокуратура протестовала, но местный судья освободил молодых врачей. Прокуратура внесла протест, дело начали рассматривать вторично, и опять обвинение оказалось несостоятельным. Прокуратура на этом процессе провалилась.

— Вероятно, защита оказалась сильнее.

В ходе правовой реформы мы обсуждаем вопрос о том, когда адвокат может быть допущен к следствию. В частности, одни утверждают, что защитник должен отстаивать интересы подозреваемого с момента предъявления обвинения, другие считают, что только после ареста. Как решается этот вопрос в Швеции?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Любой человек у нас вправе нанять адвоката, если чувствует, что его могут обвинить в незаконных действиях. Если дело пустяковое, то суд порой рекомендует обойтись без адвоката, однако если подозреваемый или обвиняемый настаивают на приглашении адвоката, защитник предоставляется обязательно.

— Если в шведском судопроизводстве возможно рассмотрение

дел без участия адвоката, каков же уровень компетентности судей? Как стать судьей в Швеции?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Прежде всего необходимо закончить университет и получить степень бакалавра. После достижения 25 лет молодой юрист должен два, два с половиной года проработать помощником судьи. И только тогда он может претендовать на судейское кресло. В Швеции судьи не избираются, а назначаются на должность из нескольких претендентов. Правительство назначает судью в каждую из провинций страны, судья провинции назначает судей в местные суды.

— Наиболее острым в ходе обсуждения советской правовой реформы стал вопрос о сроках пребывания на судейском посту. Предложения были разными, вплоть до пожизненного назначения судьи. Как долго работает шведский судья?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Срок его деятельности не лимитирован. Судья может оставаться на своем месте до ухода на пенсию. Однако, если он нарушает закон, его немедленно освобождают от должности.

— Существует ли в Швеции суд присяжных?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: У нас своя система. Она связана со старыми традициями. Судье ассистирует несколько человек. А сколько их будет — трое или пятеро — зависит от сложности дела.

— Кто оплачивает работу в суде этих людей?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Государство.

— Рассматривает ли судья единолично какие-либо уголовные дела?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Нет.

— Как котируется должность судьи среди других, юридических профессий?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Молодые юристы чаще стремятся стать адвокатами, чтобы больше зарабатывать. Государство, назначающее судью, не может платить ему так много, как частные лица или фирмы, приглашающие адвокатов.

— Разъясняют ли средства массовой информации законы?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Нет. У нас нет издания, подобного советскому журналу «Человек и закон».

— В советских школах есть специальный предмет — основы советского законодательства. Проблем с его преподаванием немало. Как обстоит дело с юридическим просвещением школьников у вас?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: В наших школах введены уроки, где объясняется организация общества и вопросы права. Представители прокуратуры, полиции ведут разъяснительную работу среди школьников.

— Как складывалась Ваша карьера? Как возник у Вас интерес к праву?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Я считаю свою профессию интересной. Родилась же я в самой обычной семье. Мой отец — таксист. Училась в обычной шведской школе. Окончила университет, была помощником судьи, работала в местной прокуратуре, затем несколько лет в министерстве юстиции. У меня трое детей.

— Кто-то из них пошел по Вашим стопам?

СОЛЬВЕЙГ РИБЕРДАЛЬ: Да, одна из дочерей сейчас изучает право в университете. Надеюсь, как и я, она будет увлечена своей профессиональной жизнью.

— Благодарю за беседу.

ВСПОМИНАЯ ЗАБЫТЫЙ МОТИВ

Размышления о путях развития городов-курортов, или Еще раз о социальной справедливости

В

отпуск лучше всего ездить поездом. Разумеется, если вы живете не на Дальнем Востоке, а отдыхать собираетесь на Черном море. Но если дорога забирает у вас не больше полутора суток, садитесь в поезд. Постепенно от вас отлетят будничные заботы, производственные проблемы, забудется предотъездная суматоха, и вы начинаете ждать встречи с морем. И вот наконец рано утром оно дает о себе знать — сначала едва уловимым солоноватым запахом, потом развернувшейся из окна вагона необъятной ширью сливающейся с небом водной глади. Завидую самому себе, выскакиваете из вагона, готовые немедленно бежать на ближайший пляж и купаться, нырять, кувыряться, загорать и снова купаться, напевая изрядно подзабытую песенку: «О, море в Гаграх...»

Езжайте в отпуск именно поездом, и всего лишь полутора-, двухсуточное ожидание этого чуда поможет вам по крайней мере первую неделю не замечать пятен даже на самом солнце, не говоря уже о гримасах курортного сервиса... Но наш разговор не только о сервисе.

НЕПРЕСТИЖНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ

«В последнее время на некоторых курортах страны стало опасно отдыхать: можно не поправить, а потерять здоровье. Установлено, что, например, в ряде районов Большой Ялты уровень загрязнения воздуха, воды и почвенного покрова превысил аналогичные показатели многих крупных промышленных центров. На Сочинском и Ялтинском курортах биогенное и бактериальное загрязнение прибрежных вод на всех городских и некоторых ведомственных пляжах больше допустимых норм восемь месяцев в году. Крайне неблагоприятна и все более ухудшается экологическая обстановка в Юрмале, в районе Кавминвод и на многих других курортах...» Это мнение академика А. Яншина, члена-корреспондента АН СССР Н. Петракова и доктора географических наук В. Преображенского, высказанное в середине минувшего года на страницах газеты «Известия», разделяют многие специалисты в области экологии, хотя бы чуть-чуть знакомые с проблемами наших курортов.

Причин такого бедственного положения две: «промышленное наступление» на курортные территории (химические производства на Сакско-Евпаторийском побережье Крыма, целлюлозно-бумажный завод в Юрмале, промышленный узел в Пятигорске, леспромпхозы в Карпатах и т. п. уже заметно уменьшили потенциал рекреационной

сферы страны) и неравномерность загрузки курортных территорий отдыхающими (на основных курортах страны в сезон «пик» число отдыхающих превышает допустимые нормы в 5—9 раз, но в то же время в некоторых ведомственных здравницах эти показатели в 10—30 раз меньше нормы).

Претензии предъявлять некому. Курорты принадлежат всем и никому. В Юрмале, например, свои учреждения отдыха имеют 50 министерств и ведомств, в Ялте — 70, в Сочи — более 80. Каждое ведомство, получив кусочек курортной территории, застраивает ее корпусами или домишками, вне зависимости от того, допустимо ли это строительство именно в данном месте (например, непосредственно на морском берегу), сооружает свою котельную и свой гаражик, другие подсобные службы, подсоединяет свои сточные трубы к общегородским сетям, совершенно не интересуясь, выдержат ли дополнительную нагрузку и сети, и очистные сооружения. Отгородившись забором от окружающей жизни, ведомственные здравницы устраивают свое натуральное хозяйство, стараясь ничего не просить у местных властей (что, мол, они могут дать?) и сами ничего местным властям не давая.

В течение многих лет и даже десятилетий такое положение дел не то чтобы всех устраивало, но считалось нормальным. В результате на сегодняшний день мы имеем ненамного больше освоенных курортных территорий, чем до революции, а уж по части соблюдения принципов социальной справедливости далеко отошли от ее целей (я имею в виду лишь организацию летнего отдыха трудящихся на наиболее известных курортах). Вот всего несколько цифр. В учреждениях отдыха различной ведомственной принадлежности стоимость места в год может составлять и 4,5 тысячи рублей, и 45 тысяч; стоимость питания от 1 рубля 60 копеек до 6—8 рублей в день. Культурно-спортивная база может представлять собой развалившуюся эстраду и асфальтированный пятачок с двумя ржавыми баскетбольными кольцами, а может — новейший киноконцертный комплекс вкупе со спортивно-восстановительным комбинатом. Причем в условиях затратной экономики богатство или бедность той или иной здравницы зависит не от результатов хозяйственной деятельности ее владельца, а от статуса того или иного ведомства, способности хозяев выколачивать деньги из госбюджета.

В результате стало притчей во языцех поистине бедственное положение санаториев, принадлежащих минздравам союзных республик, в особенности детских специализированных. Да и профсоюзные здравницы, путевки в которые получают в основном работники так называемых «непроизводственных» отраслей либо просто «непрестижных», тоже зачастую влачат поистине жалкое существование.

Тем не менее за редким исключением стоимость путевок в самые богатые и самые бедные санатории и дома отдыха поддерживается практически на одинаковых уровнях.

Однако «организованные» отдыхающие выглядят просто-таки «королями» в сравнении со своими собратьями-«дикарями».

Хорошо, если кто-то имеет возможность регулярно, из года в год ездить на один и тот же курорт. В конце концов он обзаводится там друзьями и знакомыми, имеет джентльменскую договоренность с кем-то из квартиросдатчиков, то есть заранее знает условия, в которых ему придется пребывать, и уже умеет к этим условиям приспосабливаться. Но таких курортников меньшинство.

Основная масса приезжающих на теплое море в сезон — «одно-разовые путешественники», весьма отважные люди, которые кидаются в отпуск, как в омут, с закрытыми глазами, заранее соглашаясь и с растущими ценами за «койко-ночь», с переполненными, доведенными до антисанитарного состояния городскими пляжами, бесконечными очередями в кафе и столовых, почти полной недоступностью квалифицированной медицинской помощи и культурно-развлекательных учреждений.

Именно эти люди, «дикари», составляют 70—90 процентов всех приезжающих на курорты в благодатные летние месяцы. Именно они, не получающие ни профсоюзной скидки за путевку (потому что и самой путевки нет) и никаких гарантий более-менее нормального отдыха, полсрока теряющие в очередях за билетами на обратную дорогу, и заслуживают в первую очередь нашего внимания и нашей заботы. Хотя бы потому, что за счет этих «дикарей» живет в основном если не сам курорт, то по крайней мере его постоянное население (судя по росту вкладов в сберегательные кассы, только население приморской зоны Крыма «зарабатывает» на отдыхающих около 40—50 миллионов рублей в год). А что этот «дикарь» получает взамен?

«О, ПАЛЬМЫ В ГАГРАХ...»

Первостроитель «Русской Ниццы», член царствующего дома Романовых принц Ольденбургский, надо признать, выбрал очень удачное место для освоения нового курорта мирового класса. Военно-санитарная карта Кавказского края, выпущенная в 1869 году, охарактеризовала это место как самую здоровую часть Черноморского побережья Кавказа, где «природа величественна и роскошна, солнце светит щедро, воздух богат озоном, есть источники минеральной воды». И в 1902 году здесь началось сооружение первого отеля, изготовленного целиком из дерева в Швейцарии по образцу тех, что рекламировались на Всемирной выставке в Париже в павильоне «Курортное дело».

Отель назвали «Временный», и уже потом специальным распоряжением принца переименовали в «Гагрипш» — по имени ущелья, в створе которого он был построен. Вот как представлял «Гагрипш» путеводитель Кавказа за 1912 год: «Первоклассный отель, ставший эмблемой курортной Гагры, имеет 70 номеров по цене от трех до двенадцати рублей в сутки. В гостинице 27 выходов, электрическое освещение, телефон, автоматические аппараты, регулирующие температуру, сигнализационные приборы, предупреждающие о пожаре. Комнаты обставлены роскошной мебелью, привезенной из Вены. В каждом номере балкон и ванна...»

И еще в гостинице была богатая библиотека и музыкальный салон. Стекланная галерея соединяла отель с рестораном, где были установлены бильярд и рулетка. В зале ресторана была устроена сцена с декорациями петербургского художника Л. Воробьева, и на этой сцене ставились оперы, драматические спектакли, устраивались концерты. Для зрителей в ресторанном зале устанавливались 12 рядов кресел, а открытый балкон служил своеобразной «галеркой» на 200 человек.

Сам курорт Гагра был открыт в 1903 году, и вскоре рядом с «Гагрипшем» появились другие отели и личные дачи, а по берегу

моря был устроен Приморский парк — своего рода дендрологический музей под открытым небом абхазских субтропиков.

Два принципа заложил в основание Гагры член царской фамилии: во-первых, запретил сооружение каких-либо зданий на морском берегу — только на близлежащих горных склонах; во-вторых, сделал Приморский парк «общедоступным местом» гулянья всех курортников. Понятно, что «общедоступность» была весьма относительной: на столь фешенебельный курорт не могли попасть ни рабочие, ни крестьяне. Для них принц выделил другую зону, поодаль от курортной, далее по берегу, где работники тогдашней «сферы обслуживания» могли строить свои дома идомишки, как-то обустроившись, обживать, разводить сады и виноградники. Там же принц основал школу, где местное население могло приобретать специальности швейцаров и горничных, поваров и официантов...

Гагра и сегодня условно делится на «старую» и «новую». Первая — зона здравниц, вторая — жилой город с населением от 50 тысяч зимой до 200—250 тысяч летом.

Что же изменилось? Увы, многое. Конечно, построены новые корпуса санаториев и домов отдыха в «старой» Гагре. Но часть ее территории, включая парковую зону, разгорожена ведомственными заборами. «Подобное положение не только уродует лицо нашего гостеприимного города, но и оскорбляет чувство человеческого достоинства многих тысяч советских людей, приезжающих к нам в Гагру со всех концов Советского Союза и не имеющих почему-то права загорать и гулять по пляжу там, где им хочется», — написал в городскую газету «Авангард» житель Гагры М. Лунев. — Характерно, что таких заборов, разделяющих людей на «два мира», не так уж и мало. Жемчужиной-здравницей Гагра должны владеть и наслаждаться все — как местные жители, так и гости со всех концов страны. Это будет в духе нашего демократического времени, это будет в духе перестройки.

Проблема? Конечно. Ну почему, скажите, до революции члены императорской фамилии, отдохнувшие в Гагре, считали для себя нормальным гулять по дорожкам и аллеям общедоступного (для своего класса) парка, а нынче, ликвидировав эксплуататорские классы, мы начали делиться на группы и отгораживаться друг от друга заборами?

Получив в монопольное владение немалые территории, ведомства нарушили и второй запрет принца: прямо в парковой зоне, на морском побережье, выросли новые корпуса все тех же «полузакрытых» здравниц.

В «новой» Гагре положение и того хуже. Вместо того чтобы продлить сюда общедоступный Приморский парк, здесь тоже начали перегораживать берег, отдавая чудесные места различным организациям: дому отдыха Союза писателей Грузии и правительственной даче (бывший пляж персональной дачи Берин), а то и вообще разным городским службам — конторе «Горводоканал», хлебозаводу, типографии... Практически на морском берегу выросли здания отдела культуры горисполкома, милиции, КГБ. Есть там, в прибрежной зоне, и личные дома.

Здесь дело даже не в нарушении принципов социальной справедливости. Элементарный коммерческий расчет показывает полную невыгодность такой ведомственности. Потому что основная часть «дикарей» селится именно здесь, в «новой» Гагре — до моря рукой подать. Но если хочется чего-нибудь, кроме морских и солнечных

ванн, нужно садиться в автобус и отправляться в «старую» Гагру, в дальний ее конец, где все же сохранился заведенный принцем порядок и в парк пускают всех желающих.

Добавлю, что и городской пляж, расположенный в «новой» Гагре, далек от совершенства: разновеликая галька заставляет постоянно помнить о необходимости ходить в тапочках, нет ни волейбольной, ни прочих спортивных площадок, ни каких-либо детских городков. Три, четыре, пять дней отдыхающий «дикарь» мирится с этой скудостью, наслаждаясь данными природой морем и солнцем, на шестой-седьмой день идет к ближайшему киоску за колодой карт: скучно! Дети ведут себя по-разному: малыши принимаются за сооружение замков и пещер, подростки сбегают в расположенное неподалеку кафе-стекляшку, где в тесноте и духоте смотрят по два-три супербоевика на экране видеомагнитофона (два рубля сеанс со стаканом сока, чашкой «горячего шоколада» и простейшим пирожным).

Может быть, поэтому Гагра с ее прекрасным климатом, томными магнолиями и великанами-эвкалиптами, пальмами и секвойями так и не приобрела (или не сохранила?) славу модного курорта? «Приезжающим к нам в сезон нужны не только море и пляж,— совершенно справедливо считает первый секретарь Гагрского горкома Компартии Грузии В. Пилия.— Они справедливо хотят получить здесь отличное обслуживание и достаточное количество развлечений. Первые два компонента предоставляет сама природа, об остальном должны позаботиться люди. Но у города нет средств на развитие курортной инфраструктуры, строительство необходимых учреждений отдыха и развлечений. Если, например, болгары на своих курортах оказывают более 500 видов услуг и зарабатывают на каждом приезжем до 30—40 рублей в день, то в Гагре этот «показатель» равен всего одному рублю в день на отдыхающего — за лежак, пляжный зонтик, стакан лимонада... Вот и все».

Результат такой бедности проявился минувшим летом. Вспомним, что начиная с июня центральная печать стала сообщать тревожные сведения о состоянии пляжей и воды на многих известных курортах страны. Выбросы нечистот и промышленных отходов, загрязнение прибрежных зон были зафиксированы в Одессе и Сочи, на Азовском море и на Балтике. Гагру эти катаклизмы практически не затронули. В течение всего сезона загрязненность воды здесь была вдвое ниже предельно допустимых норм, загрязненность воздуха ни разу не превысила норму. Но даже в благодатнейшем августе на многих заборах сиротливо белели листочки с короткой надписью: «Сдается комната». В то время как в Крыму цены за койку подскочили до 5—6 рублей за сутки, в Гагре они в своей массе не превышали трояка. Но комнаты и койки продолжали пустовать.

Правда, этот парадокс можно объяснить и плохой информацией населения, отсутствием должной рекламы. Но, положив руку на сердце, городские власти были даже рады этому обстоятельству: увеличение наплыва отдыхающих создало бы неразрешимые проблемы для всех служб города-курорта.

«КТО ПОБЫВАЛ — ТОТ НЕ ЗАБУДЕТ НИКОГДА...»

Беседуя в городской санэпидемстанции и выясняя: в Гагре острейшая проблема пресной воды. Требуется хотя бы 300—400 литров на человека в день, имеется 80. Гагра нуждается в реконструкции канализационной системы (построена в начале века). Нет,

например, резервного электропитания: сгорит один двигатель — начинаются аварийные сбросы. Не отвечает санитарным требованиям городская свалка, а ее в курортной зоне не должно быть вообще — нужен мусороперерабатывающий завод. Каждая здравница курорта имеет свою котельную — это дорого и плохо: загрязняется воздушный бассейн, котельные работают на твердом и жидком топливе. Нужно переходить на электробойлерные — у здравниц нет средств, желаний, оборудования, рабочей силы и так далее.

Разговариваю с отдыхающими-«дикарями» — жалуются на очереди в столовых. Хотя все отмечают: в последний год появилось много маленьких кафе, где можно без проблем выпить чашку кофе, стакан сока. Правда, качество «кофе», как говорится, оставляет желать...

Об «индустрии развлечений» разговаривать с кем-то просто бессмысленно: нет такой индустрии. Каждый санаторий, правда, имеет свои кинозалы и концертные площадки, кое-где открыты видеобары и дискотеки. Есть в Гагре и бильярдные, и теннисные корты... Сколько? Никто не знает — да это и неважно. Достаточно? Всем понятно, что нет. Не хватает даже для «путевочников», но перспективы развития, цели обеспечить всех и каждого нет. Зачем? Все «ведомственные» развлечения устраиваются за счет дотаций ведомств, отчет идет не от потребности, а от возможностей. Финансовая заинтересованность здесь обратная: чем больше вложишь, тем меньше получишь. Массовая благотворительность играет роль крепчайшего тормоза.

А что же сам город? Или ему не нужны деньги?

В горфинотделе узнаю: бюджет города составляет почти 10 миллионов рублей. Больше половины этих денег идет на финансирование народного образования, два с лишним миллиона рублей — на здравоохранение, около двух миллионов — жилищно-коммунальному хозяйству. Остальное расходуется «по мелочам». А как же развитие городской инфраструктуры? Она к городскому бюджету не имеет никакого отношения. Что же это за бюджет такой?

Во всем мире, как мы знаем, развитие курортного дела приносит миллионные прибыли. За счет наплыва отдыхающих, туристов существуют целые страны. Владельцы отелей, баров, казино, пляжных аттракционов, как известно, гребут лопатой доллары и франки, марки и гульдены. Правда, там частная собственность. Но ведь собственность! У нас основной собственник — государство. Почему же оно не имеет дохода от того, что имеет? Из-за боязни нарушить «социальную справедливость»? Но приезжающий на курорт в сезон уже не хочет всех примиряющей бедности. Он, может быть, против того, чтобы платить несусветную плату за тот же просмотр видеофильма, но согласен оставить эти же несусветные деньги в том же видеосалоне за три, четыре просмотра. Он, может быть, не пойдет каждый день в недешевый ресторан-варьете, но один-два раза сходит. И на водных лыжах прокатится всего раз-два, и виндсерфинг опробует лишь единожды, и скоростной глиссер ему потребуется не более одного раза... Но потребуется!

И вообще почему за курортника все решили заранее — что ему ничего не нужно? Посмотрите на наших туристов, все чаще выезжающих за рубеж. Далеко не все они уже тратят обменную валюту на ширпотреб, повергая в тихий ужас таможенные службы. Все чаще валюта тратится туристом по прямому назначению — на отдых, на развлечения. Но почему «там» эти развлечения есть, а «здесь» днем с огнем не сыщешь?

Правда, с недавних пор в Гагре появилась хозрасчетная фирма «Отдых». Ее функции — обслужить «дикаря»: встретить и поселить его в частном секторе, обслужить на пляже, помочь приобрести билеты на экскурсии, снабдить фотографией на память, обратным билетом и проводить домой. Это программа-минимум. В будущем же, по замыслу городских властей, фирма «Отдых» должна дать отдыхающему в Гагре все, что он, отдыхающий, пожелает.

За три года существования фирма уже оказала услуг почти на восемь миллионов рублей, получив около трех миллионов рублей доходов. Благодаря фирме появились уже в Гагре, например, платные автостоянки, организован на городском пляже прокат водных велосипедов, виндсерфингов и всякой мелочи — лежаки, зонтики, пляжные туфли и купальные шапочки. Фирма открыла свой салон звукозаписи и несколько «быстро», поставила на берегу несколько парковых аттракционов — качели-карусели... В общем, работа движется. Но...

С заведующим одним из бюро фирмы Зурабом Чургулия объезжаем несколько квартир, где живут беспутевочные курортники. Мне уже объяснили, что квартиросдатчики обязаны предварительно заключить договор с «Отдыхом» и принимать гостей только по направлениям фирмы, беря с каждого курортника 2.50 за койку без дополнительных удобств и три — с оными. Курортник-«дикарь», воспользовавшийся услугами фирмы, платит ей комиссионный рубль (и еще два рубля курортного сбора в горбюджет) плюс 35 копеек за «информационное обслуживание». Квартиросдатчик тоже платит фирме рубль «с головы» за то, что фирма обеспечивает ему поставку курортников.

Сразу же выясняется, что все эти установки не соблюдаются. Во-первых, цены везде одинаковые: трояк за койку (с «дополнительными удобствами» и без таковых). Во-вторых, большинство встретившихся нам курортников в фирму «Отдых» не обращались, а были подобраны непосредственно квартиросдатчиками на вокзале, в аэропорту, на улице, привезены знакомыми таксистами или пользовались указаниями своих друзей или знакомых. Тем не менее фирма берет свой рубль с курортника и рубль с хозяина. Плюс 35 копеек «за информационные услуги». Почему?

— Без нашего разрешения курортник не имеет права поселяться к квартиросдатчику, а квартиросдатчик не может принять курортника, — объясняет Зураб.

— Но ведь поселяются?

— Да, — отвечает Чургулия. — Народ у нас не очень дисциплинирован.

— За что же фирма берет свои 2.35? Какую услугу она оказывает двум людям, нашедшим друг друга без ее посредничества?

Зураб отмалчивается. Видимо, понимает, что это грабеж среди бела дня. Дополнительный налог, введенный местными властями. Деньги, взимаемые буквально ни за что.

Нужно учесть, что и квартиросдатчик, и курортник имеют некоторые финансовые обязательства перед местной властью: курортник обязан платить курортный сбор — 2 рубля, квартиросдатчик — налог с полученных доходов. «Комиссионные», взимаемые фирмой «Отдых», — это «сверх того». Но обязательные «сверх». Хотя и полностью незаконные.

Дополнительный «налог» взимает фирма, открыв свои киоски по продаже билетов на экскурсии. Забирая часть билетов у местного

бюро путешествий и экскурсий, фирма не доставляет их на дом желающим, а продает на улице. С соответствующей наценкой. Учтывается, что курортник — человек приезжий, он не знает, что через две автобусные остановки может купить те же билеты значительно дешевле.

Правда, в бюро билетов может не оказаться — фирма скупает значительное количество билетов на наиболее интересные экскурсии.

Аналогичную операцию «Отдых» пытается провести с железнодорожными и авиационными билетами: договор с кассами дает фирме в руки весьма дефицитные билеты, и курортник лишается выбора: купить самому или с наценкой через фирму.

Честно говоря, такая «коммерция» мне совсем не понравилась, о чем я и сказал работникам «Отдыха». В ответ услышал: «Конечно, если бы мы могли чем-то помочь квартиросдатчикам, они бы с большой охотой заключали с нами договоры. И автотранспорт нам нужен — тогда те же билеты мы доставляли бы на дом. И свои столовые нужно строить (сегодня «Отдых» продает курортникам талоны на внеочередное обслуживание в городских столовых — «внеочередников» пока не бьют...), и разное оборудование нужно покупать, чтобы народ развлекался. Но мы лишь сейчас только-только становимся на ноги...»

Далее пошли жалобы на трудности. Жалобы вполне обоснованные — фирма пока почти ничего не имеет. Зарабатывая сотни тысяч рублей и даже миллионы, не может их потратить. Нужна оптовая торговля, свободная продажа нужного оборудования, материалов, механизмов. Пока все приходится «доставать»: водные велосипеды — в Прибалтике, конструкции для пляжных навесов — в Тбилиси, стройматериалы — где придется... Пока у работников фирмы еще не угас пыл, они взялись за новое дело, очень нужное и интересное. Но... при существующих возможностях «взимания» незаработанных денег слишком велик соблазн увеличивать свои доходы не за счет расширения деятельности, а за счет перепродажи уже имеющегося сервиса либо взимания налогов с чужого труда. Каким путем пойдет фирма? Поживем — увидим.

А каким путем пойдет весь город?

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ... ЭКОНОМИКОЙ

Зачем Гагрский горсовет создал фирму «Отдых»? Во-первых, чтобы улучшить обслуживание «дикарей» и снизить количество жалоб на местные власти. Во-вторых, чтобы заработать деньги. Доходы, получаемые «Отдыхом», не включаются в местный бюджет, но это лишь потому, что само понятие «местный бюджет» к сегодняшнему дню устарело. Тем не менее «фирменные деньги» уже позволили городу отказаться от дотации из республиканского бюджета, солидно подкормить городское здравоохранение, выделить некоторые средства на содержание коммунального хозяйства. В дальнейшем город очень бы хотел не просто жить на собственные средства, но жить хорошо, богато и уютно.

Даст ли «Отдых» эти средства Гагре? В будущем — возможно, в настоящем — навряд ли.

— Практически за все годы существования города в его развитие не вкладывалось сколько-нибудь серьезных средств,— говорит первый секретарь горкома партии В. Пилия.— Что в итоге? Обеспеченность предприятиями общественного питания — 55 процентов. В го-

роде нет театра, допотопные кинотеатры. Нужно капитально реконструировать, а не латать коммунальное хозяйство. В городе, по существу, нет даже городского центра. Не соответствует курортному месту архитектура строящихся сегодня жилых домов. Перечисление можно продолжать до бесконечности. Словом, Гагру нужно буквально возрождать, а на это требуются деньги...

Теперь посмотрим, откуда город может эти деньги получить. Фирма «Отдых» — лишь один из источников. Второй, не менее мощный, — налоги с квартиросдатчиков. Это в теории. На практике в 1987 году квартиросдатчики внесли в городскую кассу около 600 тысяч рублей, в 1988 году — около 800 тысяч. Мизер!

— Скрывают доходы! — жалуется заведующий горфинотделом А. Надаршвили. — В нынешнем году снизили налоговые ставки, но регулярно проверяем — каждый раз находим «левых» жильцов.

Мы посмотрели, какие налоги платят квартиросдатчики: 150, 100, 120 рублей в год... Это означало, что годовой доход налогоплательщиков не превышал тысячи рублей. Сделали краткий подсчет: такой доход получают от одной комнаты с тремя койками за месяц с небольшим. Но большинство сдают по пять, десять коек, и не на месяц, а на весь сезон.

— Скрывают доходы! — жалуется главный финансист города.

Я посочувствовал ему и пошел разговаривать... с одним из тех, кто скрывает (естественно, обещав не называть фамилию собеседника). Привожу его монолог почти без поправок:

— Ты меня стыдить будешь, да? Нехороший человек, не плачу налогов? Я плачу, я в год четыре сотни плачу, пять сотен плачу. Куда все это идет, я разве знаю, вижу? Все говорят: «Давай деньги, ты много заработал на курортниках!» Я заработал, а куда трачу? Я дом перестроил — у государства квартиру не прошу, это надо считать? Я сыну буду дом строить, он скоро приедет, мой старший сын. Лучше будет, если я деньги отдам государству, а сын пойдет просить у государства квартиру, да? Мой сын приедет, будет здесь кооператив открывать, ему деньги нужны, откуда взять? Может быть, кооператив кафе построит, ресторан построит, не будет у горсовета помещение просить. Разве городу не нужен хороший ресторан? Я хочу деньги в дело пускать, а отдашь городу — не знаю, куда пойдут...

Прервем этот монолог. Мы разговаривали с хозяином весьма приличного особняка (кроме его семьи, там свободно помещались 12 курортников в очень приличных условиях) о том, какой бы он хотел видеть налоговую систему. Честно говоря, он бы ее совсем не хотел видеть. Это, впрочем, можно понять — налоговый инспектор нигде и никогда не вызывал большой любви у своих «контрагентов». Но, соглашаясь с тем, что налоги все же платить надо, мой собеседник высказал некоторые интересные мысли. Суть их в том, чтобы из суммы получаемых доходов вычитать то, что так или иначе идет на пользу городу. Строительство того же жилья — себе, детям, внукам. Заасфальтировал дорожку у дома — и эта сумма пусть исключается из налогообложения. Вложил доход в какое-то предприятие (например, создание кооперативного кафе или индивидуальной мастерской) — тоже минус из налога.

Здравый смысл в его предложениях присутствовал. Во всяком случае, такой порядок не вынуждал бы людей держать деньги в кубышке. Да и на сессиях городского Совета неплохо подробно бы рассказывать, на какие общегородские нужды пошли налоги,

полученные от квартиросдатчиков. Что ни говори, а моральный стимул здесь имеет немалое значение. Появилась бы альтернатива: или скрываться от инспектора, или, проходя, допустим, мимо новой городской бани, сказать: «Построена на мои деньги!»

Но и этот приток капиталов не поможет сегодняшней Гагре в ближайшее время стать благоустроенным, современным городом-курортом. А потому главная надежда местных властей на другие налоги — с санаториев и домов отдыха.

— В условиях, когда мы возвращаемся к товарно-денежным отношениям, лишенным мистического налета бесплатности, следует признать, что отдых в таком месте, как Гагра, тоже является товаром, — размышляет В. Пилия. — Мы, город, уже практически продаем этот товар неорганизованным отдыхающим: во-первых, берем с них курортный сбор, во-вторых, берем налоги с тех, кто предоставляет курортникам крышу над головой. И только ведомственные здравницы ни копейки не поставляют в городскую казну. Думаю, каждый дом отдыха и каждый санаторий обязан платить в городской бюджет солидные налоги — за аренду земли, за право пользования природными и трудовыми ресурсами и так далее. Беда в том, что никогда раньше экономисты не занимались проблемами отдыха, рекреации. Теперь поправляем положение: оцениваем стоимость земли, уже разрабатываются нормативы отчислений...

— Ученые вас поддержат, — говорю Валерию Джоджовичу. — Но общественное мнение, боюсь, повернется против: всякие налоги с санаториев и домов отдыха непременно приведут к росту стоимости путевок. Те хозяева здравниц, которые не смогут увеличивать дотации на их содержание, станут брать с отдыхающих весьма солидные суммы. А заплатить их смогут далеко не все...

— Давайте решать, что нам нужно: держать всех в одинаковой бедности или воздавать каждому по труду, — возражает Пилия. — Во-первых, конституционное право на отдых не означает автоматического — вынь, да положи! — права на отдых именно в Гагре, Сочи, Пицунде или еще каком-то престижном месте. Отпуск на первом классе курорте должен стоить дороже, чем месяц в деревне у бабушки. Здесь нет нарушения принципа социальной справедливости, а есть лишь доведение до логического конца принципа оплаты по труду: эффективно работающий должен больше зарабатывать, а значит, иметь возможность оплатить более дорогой отдых. Во-вторых, сегодня эта справедливость нарушается в еще большей мере: в наиболее престижные санатории и дома отдыха обычно едут не столько передовики производства, сколько чиновники самых различных рангов. В-третьих, нашей стране нужен не «всеобщий собес», а разумная и эффективная социальная помощь действительно в ней нуждающимся. Не нужно держать в Гагре убыточный, разваливающийся дом отдыха, а нужно малооплачиваемым, многодетным иногда вручать солидную сумму денег на летний отдых. Кстати, и профсоюзы могут те средства, которые они тратят на дотации своим санаториям и пансионатам, просто выплачивать в качестве «лечебных» каждому отпускинику. А тот пусть сам решает, на что потратить эту дотацию: на поездку в Гагру, или на Балатон, или на покупку мотоцикла сыну и праздничного наряда жене...

Меня интересовало, как к идее первого секретаря о налогах на здравницы относятся руководители самих здравниц. Этот вопрос я задал директору одного из недавно построенных в Гагре домов отдыха, «Зодчий», Я. Хупени.

— Как отношусь? Очень хорошо отношусь. Сегодня я бесправен. Есть начальство в Москве — Архитектурный фонд, есть в городе — исполком, горком партии. У меня хорошее начальство, но они никогда друг с другом не договорятся. Из Москвы деньги выделяют только на содержание «Золчего», а городские власти здесь требуют: сделай то, сделай это. На все деньги нужны, а где взять? Будет налог — мне спокойно будет: деньги отдал — больше ко мне не приставай. Разве что я сам захочу не деньги заплатить, а работу для города сделать и деньги сэкономить, на что-то другое истратить. Пусть будет настоящий хозрасчет, это хорошее дело, человека выпрямляет, хозяином делает...

«О, МОРЕ В ГАГРАХ...»

А чего же нам, отдыхающим, ждать от нововведений, которые, вероятно, получат прописку не только в Гагре, но и на других союзных курортах? Не получится ли так, что, подняв цены на отдых, местные власти не смогут добиться улучшения самого отдыха? И я снова иду к первому секретарю горкома партии В. Пилии.

— Каким мы представляем себе будущее Гагры? Летом — чисто курортный город, куда приезжают здоровые, но уставшие люди. Подумайте сами, поедет ли сердечник, настоящий больной, в наш жаркий климат в июле или в августе? Они и не едут, но все делают вид, будто санатории населены сплошь больными людьми.

У нас сегодня 18 тысяч коек в санаториях и домах отдыха и около ста тысяч, если не больше, неорганизованных отдыхающих в месяц. Это нормально, но близко к пределу. Число организованных курортников немного увеличим — тысячи на две-три. «Дикарей» останется столько же, сколько сейчас. Зато резко улучшим городскую инфраструктуру — обеспечим город в достатке предприятиями общественного питания, общественными центрами досуга. Солидно увеличим вложения в природоохранные мероприятия, чтобы и в дальнейшем гордиться чистотой моря и воздуха. Это в ближайшей перспективе. Кстати, хотим уже в самом скором времени на пляжах Гагры сломать все ведомственные заборы. Потом будем думать и об оградах ведомственных санаториев, хотя это очень сложная проблема.

Что будет представлять из себя Гагра зимой? Лечебно-профилактический и реабилитационный центр. Сооружение нескольких крытых бассейнов с подогретой морской водой и лампами для искусственного загара снимет самый главный «порог» для отдыхающих — недоступность морских купаний. А теплой субтропической зимой для приезжающих сюда больных будет организован отличный сервис и самое лучшее лечение. И станет тихо на улицах города — ведь все равно такого наплыва, как летом, зимой не будет.

За счет чего изменится город? За счет новых условий хозяйствования. Сегодня уже все понимают, что такое специфическое образование, как город-курорт, должен иметь экономическую самостоятельность, территориальный хозрасчет и самофинансирование. Город должен сам определять, какие налоги с кого брать, на что тратить зарабатываемые средства. И не нужно бояться, что деньги пойдут «не туда»: приток или отток отдыхающих сразу покажет, в правильном ли направлении действуют городские власти. Во всяком случае, стоит попробовать на практике осуществить эту идею. Почему-то хочется думать, что гагринцы окажутся хорошими хозяева-

ми своего города и смогут сделать наш курорт одним из лучших в мире...

Так думает Пилия. О территориальном хозрасчете мечтают ялтинцы, сочинцы, городские власти в Кавминводах и в Прибалтике. Их поддерживают в Академии наук СССР и в Минздраве СССР. Главный аргумент — точнее, один из главных: сегодняшняя система управления курортами показала свою полную неэффективность. Нужно что-то принципиально иное, курорту нужен рачительный хозяин, само благополучие которого зависело бы от состояния курорта. А кто в этом заинтересован больше, чем местные власти?

...Домой из отпуска лучше возвращаться самолетом. За два-три часа полета не успеваешь забыть синее ласковое море и синее же небо, пальмы и секвойи, запах лавровишни и эвкалипта. Дома, разбирая курортный чемодан, напеваешь ставшее привычным «О, море в Гаграх...». И вдруг останавливаешься, понимая: кроме моря, пальм и встреченных хороших людей, в Гагре пока почти ничего нет. Это еще не курорт — это лишь имеющиеся условия для создания перво-классного курорта. Для всех, кто приедет сюда через...

Впрочем, не будем загадывать.

Александр СМИРНОВ

ВЫ ЧЬЯ МАМА?

«Эти дети не нужны своим родителям, иначе они не находились бы в дошкольном детском доме № 1 имени Н. К. Крупской города Бобруйска. Нет слов, чтобы выразить возмущение, гнев, презрение и ненависть (да ненависть!) к таким родителям.

Пора привлечь их к ответственности за рождение заведомо неполноценных детей, что явилось результатом алкоголизма и аморального поведения. Пора получать с них не алименты, то есть жалкие копейки, а ту сумму, которую государство тратит на содержание ребенка и оплату персонала».

Из письма в редакцию

Помню теплый осенний день «бабьего лета». Малышня высыпала во двор, заполнила беседки, скамейки вдоль дорожек, нагретые солнцем песчоницы. Жизнь здесь тскла, как того требовал распорядок дня: шестиразовый прием пищи, сон, игра в помещении, а сейчас вот на свежем воздухе. И казалось, ничто не могло оторвать детей от игры.

Скрипнула калитка. Детдомовцы застыли. В глазах — любопытство, ожидание, тревога. Подбежали самые смелые, самые общительные...

— Вы чья мама?

Это Данилка. Глаза ласковые, голубые. Смотрят вопросительно. Постепенно освоились и товарищи Данилки: с ног до головы осмотрели моих спутниц, заспорили — хорошие или плохие тети к ним пришли. Дело кончилось потасовкой. Дети нервничали.

— Так вот всегда,— вздохнула директор детдома Тамара Ивановна Заруцкая.— Льнут к новому человеку. Иной прижмется сбоку, час простоят. У тебя ноги затекут, а он не пошевелится — лишь бы вся ласка ему досталась.

* * *

Откуда же берутся дети-сироты? В дошкольном детдоме № 1 имени Н. К. Крупской мне дали такую справку: лишь у двух детей матери умерли. У остальных — живы. Однако не все их адреса известны. Есть такие «матери» — скрываются.

— А вот я вам скажу,— к нам подошла няня.— Напротив от нас фабрика. Приезжают туда девчонки из деревни, устраиваются на работу. А рядом — казарма... Встречаются они, конечно же, это понятно, люди они молодые. Но почему так бездумно ведут себя? Почему не заботятся о третьей жизни? О своих детях?

Сотрудники детдома перебирали в памяти истории, случаи, судьбы, вспоминая недобрым словом то самое фабричное общежитие и ту самую казарму...

Одна молодая работница оставила первенца в Доме ребенка, вернулась в общежитие, рядом с фабрикой, напротив детдома, однако ни разу не заинтересовалась судьбой Наташи, попавшей в дошкольный детдом. Ни разу не навестила...

Как-то калитку детдома открыла незнакомая посетительница. Наташа подбежала, прижалась: «Мама!» Так началась их дружба. У женщины этой не было своих детей. Она часто приходила в детдом. Наташа ее ждала... И однажды женщина сказала: «Я удочерю Наташу».

— Это очень не просто,— услышала в ответ.

Долго наводили о матери справки. Оказывается, она уволилась с фабрики, сменила адрес. Поговаривали, будто вышла замуж, родила вторую дочь, а от первой скрывается. Спасибо милиции — нашли. И тогда она с удивительной легкостью отказалась от своей Наташи. И документ соответствующий подписала. Без проволочек. Теперь у Наташи новая, любимая мама.

Меня интересовало: что же это за люди, которые предпочитают не видеть своих сыновей и дочерей, которые с необыкновенной легкостью отдают их в детские дома?

Тамара Ивановна листает «Книгу движения детей», начатую еще в сорок пятом году. Приведу несколько записей: «Отец погиб в Красной Армии, мать увезена в Германию», «Отец погиб на фронте, мать погибла в гетто», «Брат и сестра: круглые сироты»...

Как же круто изменились нравы с той суровой поры! Вот записи, сделанные в наши дни:

«Мать бросила ребенка в больницу», «Мать отказалась от сына в родильном доме», «Мать — алкоголичка», «Милиция нашла ребенка на вокзале», «Мать-одиночка», «Мать умерла, отец в тюрьме»... А вот адрес Данилкиной мамы, которую он ждет каждый день,— она в тюрьме.

Что ни запись, то трагедия: «Отец ушел из семьи, мать бросила детей». Впрочем, отцы бывают разные. Помнят в детдоме молодого вдовца, который сам растил дочь до трех лет. Только безвыходное положение заставило его привести Леночку в детдом. Тяжелое это было расставание...

* * *

Мне пришлось беседовать со многими сотрудниками детдома. Выяснилось следующее: из двадцати групп лишь две, и то не полностью, составляют дети более или менее здоровые, физические и психически. У многих же просто «букет» болезней: тут и кардиология, и ослабление организма, а нередко аллергия, вызванная лекарствами. Недосмотрели вовремя? Возможно. Ведь в группах среднего возраста по двадцать человек. Как не понять тревогу коллектива воспитателей и медицинских сестер? Не заметишь, как повзрослеют воспитанники, вольются в общество. Не станут ли обузой для других?

Как им быть здоровыми, если вскоре после рождения рушатся все основы и нет никакой надежды...

Медицинская сестра Нина Анатольевна Курлович рассказывает о судьбе своего шестилетнего любимца:

— В детдом Сашу привезли в трехлетнем возрасте. Ему у нас понравилось. Мальчик обрел покой. Но в банный день занервничал, отказался мыться: «Я воды боюсь». И рассказал, как мамка пила «горький квас», надо полагать спиртное, а он нечаянно разбил бутылку. Тотчас последовало наказание: пьяная мать привязала на его шею камень и бросила сына в большую бочку. Вода пошла в уши, ребенок стал захлебываться. К счастью, на крик прибежала соседка. Спасла. Вызвала милицию. Затем — детдом.

Еще деталь. В этом детдоме немало детей-однофамильцев. Семьдесят процентов ребятишек имеют сестер и братьев. На протяжении десятилетий встречаются здесь одни и те же фамилии...

Молодая женщина ни разу в течение года не навестила шестилетнюю Таню и четырехлетнего Сережу. Двоих старших сдала в школу-интернат. Один ребенок умер. Маленький пока живет с ней, последней девочке полгода. Замужем не была, нигде не работает. Пьет...

Сотрудники детдома пожалели ее, взяли работать на кухню, думали: все поближе к детям. А она вдруг перестала выходить на работу. Заболела? Пришли к ней домой и увидели картину: пьяная мать не замечала, как голодные дети, ползая по полу, грызли деревянные палочки...

При случае такие вот «мамаши» становятся в позу, руки в боки, горделиво выпятив грудь, заявляют: пусть только попробуют не помочь — «я — мать-одиночка, у меня шестеро!..»

Да, они прекрасно осознают, что советский закон гуманен, что закон охраняет материнство и детство, они знают назубок все положенные им льготы. Имеют оплачиваемый декретный отпуск, требуют материальную помощь, требуют и получают жилье, требуют, требуют... А детей отдают в детдома. И если уж начинают их разыскивать, то к старости, когда приближается пенсионный возраст.

Зачастую видишь, как матерям-кукушкам живется вольготно и беззаботно.

Из 115 воспитанников детдома у всех, кроме тех двоих, чьи матери умерли, — родители-алкоголики или матери-одиночки, рождающие психически неполноценных детей. Есть семьи, где по восемь детей, и каждый умственно отсталый. Обычно их сбывают с рук.

Не пора ли сейчас ужесточить меры к «родителям» брошенных детей, особенно к тем, кто сдает по несколько ребятишек. И, быть может, настала пора пересмотреть порядок усыновления?

* * *

Молодая женщина, бывшая воспитанница детдома, создавшая свою семью, воспитывающая своих детей, долго разыскивала родную мать, узнала наконец ее адрес и решила навестить.

— Тебе кого? — спросила пожилая женщина с испытанным лицом.

— Вы... моя мать...

— Ну и что?!

— Ничего, — смутилась непрошенная гостья. — Просто хотела посмотреть на женщину, которая меня родила, которая...

Договорить не успела — дверь захлопнулась.

Гораздо чаще приходится слышать другие истории о том, как матери-кукушки разыскивают взрослых детей, домогаются помощи, подают на алименты. Дескать, долг платежом красен. Каков же он, этот самый долг?

И я отправилась в детдомовскую бухгалтерию...

За март 1986 года родителями выплачено алиментов 371 рубль (в среднем по три рубля на человека); за июль 1988 года эта сумма поднялась до 818 рублей (по 8 рублей на человека); за август 1988 года — 1200 рублей (по 10 рублей на человека).

В 1989 году на содержание Бобруйского дошкольного детдома № 1 имени Н. К. Крупской запланировано 310 тысяч рублей. Алименты составят не более 10 тысяч рублей. Значит, 300 тысяч рублей заплатит государство. Только за один год!

Но получит ли государство здоровых, трудоспособных, полноценных людей?..

Кормят детей из расчета 1 рубль 80 копеек.

Повара Валентина Петровна Мигас и Людмила Семеновна Михальченко по двадцать «с хвостиком» лет варят им щи и кашу, готовят многие другие блюда. Отлично готовят, стараются так, словно любимым внукам угодить хотят. И все-таки не обходится без жалоб... на обильную еду, которую приходится совать в рот чуть не насильно. Действуют по неписаному закону: «Нет родителей, так пусть хоть досыта поедят». Обильная пища превышает все нормы. В неделю положено два куриных яйца, а им ежедневно по яйцу дают. Мясо — тоже ежедневно, да в таком количестве, что детей оно уже отвращает. От творога, так необходимого для детского организма, они отворачиваются. Зато любят выпечку. Но почему-то пирожки и блинчики с мясом и творогом запретили. Салаты тоже запретили под предлогом, будто бы кто-то где-то отравился. Выручают печеные яблоки и груши из своего сада — на них был урожай.

Дошкольный детдом имени Н. К. Крупской для ребят — теплый дом. Он заметно выделяется среди других дошкольных учреждений. Есть ли проблемы у хозяев? Есть. Помещение старое (на одной постройке значится дата: 1903 год), давно не было капитального ремонта. Хорошо бы иметь свой бассейн, благоустроенную комнату для свиданий с родственниками. Музыкальный и спортивный залы должны быть отдельными, а здесь всего один и тот крошечный. Спальня рассчитана лишь на раскладушки. А на кухне не повернуться. Тут, как говорят, кошка ляжет, хвост некуда деть.

Единственное преимущество — детдом в центре Бобруйска. Все здесь рядом: школа, библиотека, Дом быта, почта, универмаг, драмтеатр...

Работать в детском доме может далеко не каждый педагог. Пугает угрюмость, недоверие детей, их озлобленность... Маму, как

правило, пытается заменить добрая няня. Посидит, погладит ребенка, успокоит...

Вспоминаю слова Тамары Ивановны Заруцкой:

— Все воспитатели у нас со специальным образованием. Прижируются, конечно, не все. На работу мы берем людей добрых.

— Знали бы, какие у нас выносливые дети,— рассказывали мне медицинские сестры Галина Станиславовна Тиковая и Зинаида Игнатьевна Ефименок.— У них почти не бывает простудных заболеваний. Но очень любят лечиться. Приходят к нам под предлогом придуманных болезней или «просто за витаминами». Согласны на любой укол, на самую горькую таблетку, лишь бы подольше побыть в медпункте, только бы потискали их, приласкали...

Слушаю я этих добрых людей и поневоле думаю о том, какими вырастут дети, которые росли не в семье. Их детство укладывается в схему: Дом ребенка — дошкольный детдом — школа-интернат.

Сотрудники дошкольного детдома рассказывали, как болезненно расстаются с ними воспитанники, достигнув школьного возраста, когда надо уезжать в школу-интернат. Не хотят расставаться с добрыми, ставшими им самыми близкими людьми. А ведь можно избежать этой травмы, окажись мы более чуткими к детской беде. Почему бы дошкольный детский дом и школу-интернат не строить по соседству? Конечно же, это не панацея от детских бед, но все же... Конечно, никакая забота не заменит им семьи, но то, что в наших силах, все же надо сделать.

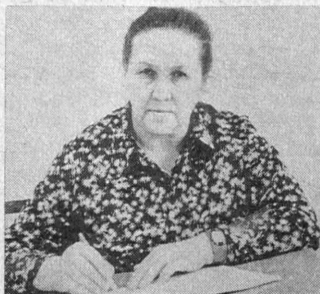
Год от года растут очереди за детдомовскими детьми. Только в Бобруйске в прошлом году очередь на усыновление (удочерение) достигла шестидесяти семи человек.

Вот какую историю рассказал мне заведующий Бобруйским городским отделом народного образования Леонид Мартынович Лихолап: как-то обратилась к нему бездетная женщина, приехавшая из-за Забайкалья в Белоруссию специально, чтобы усыновить ребенка. Любого, пусть даже болезненного. Обстоятельства не позволяли ей дожидаться очереди.

Такой ребенок нашелся. Приезжей необходимо было получить согласие у каждого очередника. Она всех обошла. И уехала домой с усыновленным ребенком. Знает о его болезнях, но надеется выжить. В домашних условиях...

Клара ХРОМОВА

МИНСК — БОБРУЙСК — МОСКВА

Добрые люди воспитывают ребят в Покровском детском доме (Владимирская область). Добросовестной творческой работой коллектива, возглавляемого Юлией Александровной КУЛИКОВОЙ, созданы необходимые условия для всестороннего развития ребят, создания для них семейной атмосферы, домашнего уюта.

...И все же. Всмотритесь в лица детей на обложке. Это не на плакате, это у них в душе слова: «А дома все, же лучше!» Взрослые, помните об этом!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «Ч и З»**БЕГУТ ОТ «РАЯ
В ШАЛАШЕ...»**

До свадьбы мы считали, что разведятся люди в основном на почве злоупотребления алкоголем. Но теперь поняли, что жилищная проблема, пожалуй, играет в распаде семьи не менее серьезную роль. А убедиться в этом нам пришлось на горьком примере одной молодой семьи. Распалась семья после скитания по частным углам, не продержавшись и года. Мы до этого еще не дошли и ничего подобного не хотим, хотя и условия, в которых сейчас находимся, как две капли воды, схожи с условиями той самой семьи.

Каждый знает, сколь сложно решить молодой семье проблему жилья, но решать ее надо и, на наш взгляд, очень срочно. Ведь что получается: для того, чтобы тебя поставили на очередь в исполконе на получение жилья, нужно, чтобы семья располагала энным количеством квадратных метров жилплощади «на душу» (в разных регионах страны, как известно, разный метраж). И, боже сохрани, если, например, в двухкомнатной квартире родителей «на душу» приходится хоть на одну десятую сантиметра больше. Все. Об очереди и не мечтай... Но почему никто не призадумается, что в квартире проживает уже не одна семья, а две, что это уже не отдельная квартира, а самая что ни есть «коммуналка»? Да и то в иных коммуналках кухня, скажем, бывает побольше, там установлено несколько раковин и плит, а в родительском доме — плита одна, а кухня до шести квадратных метров, раковина тоже одна, тесная прихожая... Прибавим к этому извечную проблему «отцов и детей», которая в наше время проявляется особенно остро, — вот вам и «рай в шалаше», от которого нередко бегут: он остается у своих родителей, она уходит к своим.

Вы можете возразить: где же на всех молодых взять отдельное жилье? Вопрос нелегкий, что и говорить. Но ведь в каждом городе немало резервов жилья и одновременно далеко не идеально налажен его учет: только и слышишь, что там-то пустует квартира и долгое время никого не заселяют, а там — комната... Думается, при наличии строгого учета, рационального распределения жилплощади можно было бы хоть частично решить проблему с жильем для молодых семей.

Другой вопрос — жилищные кооперативы, МЖК. Казалось бы, можно во многом себе отказать, впрячься в работу, набрать нужную сумму, но... Здесь тоже мешают те самые «лишние» сантиметры, что за пределами установленной нормы. В кооператив-то можешь вступить при условии, если стоишь в очереди на жилье. Вот такой замкнутый круг... А в итоге рушатся семьи, понижается рождаемость, а родители тяжело переживают за то, что не сложилась у их детей судьба, и почему-то считают себя виноватыми.

Может быть, есть смысл подумать над тем, чтобы учесть эти моменты в действующем законодательстве?

Семья СМИРНОВЫХ

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

Б. Касымов, председатель Алма-Атинского обкома профсоюза рабочих электростанций и электротехнической промышленности, сообщил редакции о результатах проверки коллективного письма наших читателей о грубых нарушениях производственной и финансовой дисциплины, допущенных руководством ОРСа Южно-Казахстанской ГРЭС.

Результатом безответственного отношения к своим обязанностям начальника ОРСа Г. Яковлева и главного бухгалтера Л. Абрашкиной явились систематические срывы сроков сдачи наличных денежных средств, неудовлетворительный контроль за сохранностью материальных ценностей, грубые нарушения при продаже товаров в кредит. Г. Яковлевым допускались неоправданные перемещения кадров, он не считался с мнением общественности, в коллективе сложился нездоровый морально-психологический климат.

Г. Яковлев от занимаемой должности отстранен. Л. Абрашкиной объявлен строгий выговор. Обком профсоюза и Министерство энергетики и электрификации республики установили строгий контроль за деятельностью ОРСа Южно-Казахстанской ГРЭС.

* * *

В колхозе «Роюпе» Талсинского района наведен порядок в учете и реализации поросят и свинины для внутрихозяйственных нужд. Таков результат проверки, проведенной по письму нашего читателя К. Рубулиса — оно рассмотрено на открытом партийном собрании колхоза и на заседании Талсинского райкома партии. Были отмечены недостаточная требовательность к специалистам со стороны председателя колхоза Ю. Кокина, слабо поставленная воспитательная работа в коллективе секретарем парторганизации Б. Тасе, нарушения, допущенные при учете и реализации поросят и свинины главным бухгалтером хозяйства Б. Грините и главным зоотехником М. Кристапсоне: все они привлечены к партийной ответственности.

Об этом написал в редакцию В. Огородов — секретарь Талсинского райкома Компартии Латвии.

* * *

В редакцию обратился Т. Порошин. Он писал о том, что с него удерживается налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Но ведь не прошло еще и года, как он вступил в зарегистрированный брак. Законно ли обложение налогом?

Заведующий финансовым отделом Новокузнецкого горисполкома В. Шипилов сообщил: письмо нашего читателя проверено, ошибка исправлена. Бухгалтерии производственного объединения «Органика» дано указание — вернуть Т. Порошину в полной сумме удержанные с него незаконно суммы. В данном случае нарушен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1987 года «О дополнительных льготах по налогу на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР» — лица, вступившие в брак, освобождаются от обложения налогом на период одного года со дня регистрации брака.

СОБЕСЕДНИК

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

Тем, кто решил организовать кооператив или уже работает в нем, полезно подробнее ознакомиться с постановлением Совета Министров СССР «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР».

Авария на транспорте, увы, не такое уж редкое событие. Могут ли пострадавшие претендовать на какое-либо материальное возмещение? Читайте материал «Несчастный случай в пути».

Об основных положениях брачно-семейного законодательства наши молодые читатели смогут узнать, прочитав статью доктора юридических наук В. Исакова «Красивый обряд».

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ЧТО МОЖНО И ЧТО НЕЛЬЗЯ КООПЕРАТОРАМ?

*Постановление Совета Министров
СССР от 29 декабря 1988 года*

О РЕГУЛИРОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КООПЕРАТИВОВ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ СССР «О КООПЕРАЦИИ В СССР»

Извлечение

В соответствии со статьями 3 и 54 Закона СССР «О кооперации в СССР», регламентирующими возможные виды деятельности кооперативов, Совет Министров СССР постановляет:

1. Установить, что кооперативы не вправе заниматься видами деятельности согласно Приложению № 1.

2. Определить виды деятельности, которыми кооперативы вправе заниматься только на основе договоров, заключаемых с предприятиями, организациями и учреждениями, для которых эти виды деятельности являются основными, согласно Приложению № 2...

3. Исполнительным комитетам Советов народных депутатов не допускать осуществления кооперативами деятельности, которая по действующему законодательству влечет за собой уголовную или административную ответственность, а также не соответствующей предмету и целям деятельности, предусмотренным уставом кооператива...

4. Советам Министров союзных республик исходя из местных условий определять при необходимости другие виды деятельности..., которыми не вправе заниматься кооперативы или которыми они могут заниматься только на основе договоров, заключаемых с предприятиями, организациями и учреждениями.

Приложение № 1

Перечень видов деятельности, которыми не вправе заниматься кооперативы

Изготовление любых видов оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, пиротехнических изделий, а также ремонт любых видов оружия; обучение каратэ и другим видам борьбы, для которого требуется разрешение соответствующих органов. Проведение буровзрывных работ.

Изготовление и реализация наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Посев, возделывание и сбыт культур, содержащих наркотические, сильнодействующие и ядовитые вещества.

Оказание следующей медицинской помощи: лечение онкологических больных; лечение больных инфекционными заболеваниями, в том числе венерическими и заразными кожными; лечение наркомании; лечение психически больных, нуждающихся по состоянию здоровья в неотложной госпитализации; выдача на руки заключений о состоянии психического здоровья; наблюдение и лечение беременных женщин; инвазивные методы исследования и лечения; хирургическое вмешательство, в том числе аборт; проведение декретированных периодических и предварительных осмотров и исследований граждан.

Изготовление и реализация лекарственных средств.

Деятельность по установлению гигиенических нормативов химических веществ в средах.

Производство вино-водочных изделий.

Организация и содержание игорных заведений, а также организация азартных игр, принятие ставок на спортивных и иных состязаниях.

Изготовление, скупка, продажа изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней либо изделий с применением таких материалов (включая изготовление зубных протезов из драгоценных металлов).

Изготовление и реализация продукции общественного питания в условиях, не отвечающих санитарным требованиям, а также применение пищевых добавок, запрещенных санитарными нормами и правилами.

Организация общеобразовательных школ.

Издательская деятельность по выпуску произведений науки, литературы и искусства.

Производство кино- и видеопродукции, организация обмена, проката, прокат и публичная демонстрация кино- и видеопродукции, а также связанная с этим внешнеэкономическая деятельность.

Тиражирование кинофильмов, фильмов и программ на видеоносителях и все связанные с этим виды деятельности.

Обслуживание технических средств Единой автоматизированной системы связи страны и передающих средств телевизионного и звукового радио- и проводного вещания.

Изготовление орденов и медалей, печатей и штампов.

Осуществление всех видов операций с наличной иностранной валютой. Принятие на комиссию и приобретение товаров, принадлежащих иностранным гражданам.

Изготовление и использование зарегистрированных товарных знаков и фирменных наименований отечественных и зарубежных предприятий и организаций без их разрешения.

Организация ломбардов.

Организация и проведение лотерей.

Изготовление и реставрация икон, церковной утвари и предметов религиозной символики и атрибутики; изготовление свечей (кроме декоративных).

Приложение № 2

Перечень видов деятельности, которыми кооперативы вправе заниматься только на основе договоров, заключаемых с предприятиями, организациями и учреждениями, для которых эти виды деятельности являются основными

Изготовление, переделка и ремонт изделий из полудрагоценных камней и янтаря либо изделий с применением таких материалов, а также переделка и ремонт изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней либо изделий с применением таких материалов.

Заготовка и переработка вторичных ресурсов и отходов, содержащих драгоценные металлы и драгоценные камни.

Оказание медицинской помощи (кроме тех ее видов, которые определены в Приложении № 1).

Организация оздоровительных и других детских, подростковых и молодежных лагерей.

Изготовление парфюмерных и косметических изделий, товаров бытовой химии.

Оказание редакционно-издательских услуг организациям, наделенным правом издательской деятельности, в том числе тиражирование печатной продукции и выпуск рекламно-информационных изданий; печатание бланков, ярлыков, меню, инструкций и бумажно-белых товаров.

Организация и проведение платных концертов, дискотек, творческих встреч, развлекательных программ.

Изготовление множительных и копировальных аппаратов.

Производство, тиражирование и реализация грампластинок, магнитных записей и записей на других носителях; продажа печатной продукции.

Лекционная деятельность.

Содействие организации иностранного туризма.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ В ПУТИ

Входя в вагон поезда дальнего следования, поднимаясь на борт комфортабельного самолета или междугородного автобуса, мы часто и не подозреваем, что, купив билет, автоматически становимся застрахованными от несчастных случаев в пути. А между тем на воздушном, железнодорожном, морском, внутреннем водном и автомобильном транспорте нашей страны действует государственное обязательное страхование пассажиров. Оно проводится в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1982 года. Документом, подтверждающим заключенный с Госстрахом договор, служит проездной билет.

Законодательством предусмотрено, что **государственное обязательное страхование распространяется в основном на пассажиров дальнего следования всех видов транспорта в пределах государственных границ СССР.** Не проводится страхование пассажиров на международных линиях, трассах и маршрутах; в пригородном железнодорожном, морском, внутреннем водном и автобусном сообщении. Не предусмотрено страхование пассажиров на судах прогулочных и экскурсионных линий, паромных речных переправах и внутригородских маршрутах. Не считаются застрахованными пассажиры городского автомобильного транспорта и рейсовых автобусов, обслуживающих междугородные маршруты в пределах одной области, края, автономной республики и союзной республики, не имеющей областного деления.

При продаже билета взимается единовременный страховой сбор в размере до 25 коп. С билетов, оформленных для проезда до пункта назначения и обратно, соответственно до 50 коп. Если ваши планы изменились и билет возвращен в кассу, то предварительно внесенный страховой сбор возвращается пассажиру вместе с деньгами за неиспользованный билет. Пассажирские транспортные тарифы рассчитаны таким образом, что страховой платеж непосредственно включается в стоимость билета. На некоторых видах проездных документов об этом делается специальная запись.

Исходными данными для исчисления суммы страхового сбора служит основная стоимость билета (ставка платы) за проезд без включения каких-либо доплат за скорость, предварительную продажу, доставку на дом и другие дополнительные услуги. Страховой сбор входит как в полные, так и в детские и льготные пассажирские билеты. Министерству финансов СССР предоставлено право дифференцировать ставки (размер) страхового сбора (платежа) в зависимости от стоимости проезда на транспорте, но не свыше указанной суммы — 25 копеек.

Некоторые категории пассажиров (пользующиеся правом бесплатного проезда) считаются застрахованными без уплаты единовременного страхового платежа. Такое право имеют депутаты Верховного Совета СССР, союзных и автономных республик при предъявлении специального удостоверения. Один раз в год бесплатно и

без уплаты страхового сбора могут проехать Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, кавалеры трех степеней ордена Славы, работники транспорта и некоторые другие категории пассажиров.

Страхование пассажиров начинается с момента объявления посадки на поезд, теплоход или самолет и сохраняет силу на всем пути следования. Ответственность Госстраха прекратится только тогда, когда пассажир покинет территорию вокзала, порта, станции, пристани конечного пункта назначения, указанного в билете. Вместе с тем страхование будет считаться приостановленным, если пассажир покинул территорию пункта посадки или прервал поездку.

Для всех категорий пассажиров железнодорожного, морского каботажного, внутреннего водного и автомобильного транспорта установлена единая страховая сумма—1000 рублей. При полной (сто-процентной) утрате общей трудоспособности или смерти пассажира от несчастного случая на транспорте эта сумма выплачивается целиком. При частичной утрате общей трудоспособности, связанной с травмой, увечьем и т. п., выплате подлежит соответствующая часть, равная проценту, установленному врачами-экспертами Госстраха. Эти деньги выплачиваются независимо от сумм, назначенных по государственному социальному страхованию, социальному обеспечению или взысканных в порядке возмещения вреда.

Может случиться, что пострадавшему пассажиру был установлен процент постоянной утраты общей трудоспособности, но при жизни он страховую сумму не получил. Тогда она выплачивается наследникам пассажира. Следует иметь в виду, что страховая сумма в случае постоянной утраты общей трудоспособности выплачивается, если она наступила в течение года со дня несчастного случая и явилась его прямым следствием.

Для решения вопроса о выплате возмещения пострадавший пассажир должен представить в инспекцию государственного страхования по месту постоянного жительства письменное заявление о выплате страховой суммы и подлинник акта о несчастном случае на транспорте (по установленной форме). Наследники погибшего пассажира, кроме перечисленных документов, должны представить в инспекцию государственного страхования нотариально заверенную копию свидетельства органов загса о смерти пассажира и свидетельство нотариальной конторы о праве на наследство. Для получения последнего документа в нотариальной конторе инспекция государственного страхования выдает обратившимся родственникам погибшего пассажира соответствующую справку.

Выплата страховой суммы производится по месту жительства получателя. При наличии нескольких наследников, проживающих в разных районах или городах, выплату им всем производится одна инспекция государственного страхования при предъявлении требуемых документов. Несоввершеннолетнему получателю страховая сумма перечисляется только в учреждения Сберегательного банка СССР по месту жительства во вклад на его имя с одновременным уведомлением об этом органов опеки и попечительства.

Требования граждан по выплате страховых сумм, вытекающих из условий государственного обязательного страхования пассажиров, рассматриваются управлениями государственного страхования или народными судами в пределах трех лет.

С. ЕФИМОВ,
начальник отдела Госстраха СССР

КРАСИВЫЙ ОБРЯД

В станкостроительном техникуме все возмущались поведением студентов Тараса и Оксаны. Еще бы! Они заключили брак в церкви.

— А что собственно случилось?— горячился Тарас.— Что такое произошло? Может, убили или ограбили кого? Красивый торжественный обряд — не более. И вообще у нас свобода, хочу — регистрирую брак в загсе, хочу — венчаюсь в церкви. Мое дело.

Прошло несколько лет, Тарас и Оксана окончили техникум, поехали работать по распределению. У них родился сын — славный маленький Олежка. И жила бы молодая семья, если бы не связался Тарас с компанией рыбаков — из тех, которые не столько рыбу удят, сколько свой улов «спрыскивают» да «отмечают». Окончилось его увлечение трагически. На одной из таких «рыбалок» он уснул в снегу и замерз. Оксана и Олежка остались одни.

И вот здесь Оксане открылась другая, неведомая сторона их жизни. В райсобесе, где она оформляла документы на пенсию по случаю потери кормильца, ее попросили писать о себе «сожительница». Как... сожительница? У Оксаны из глаз брызнули слезы. Но инспектор спокойно объяснила: венчание в церкви юридического значения не имеет, значит, сожительница. Дальше — больше. Оказалось, что и наследовать после Тараса Оксана не может. Олежка может, он законный сын, Тарас записан отцом в свидетельстве о рождении. Она — нет. Только теперь поняла Оксана, какую ошибку она совершила, когда уговорила Тараса венчаться в церкви, как жестоко себя наказала. Понять-то поняла, но что теперь из этого?

Много, очень много юридических ошибок совершают люди. Для того чтобы этих ошибок было меньше, необходимо знать основы советского права, и в частности семейного.

Заключение брака. Брак — это добровольный союз мужчины и женщины, основанный на чувствах взаимной любви, дружбы и уважения, имеющий целью создание семьи. Заключая брак, человек приобретает целый ряд прав и обязанностей — обязанность помогать своему супругу, заботиться о нем, право и обязанность воспитывать детей, право на семейное имущество, на общую жилплощадь и другие. Законодательство строго определяет условия и порядок заключения брака.

Одним из этих условий является то, что **брак основывается на добровольном согласии мужчины и женщины.**

Решение о вступлении в брак принимают сами лица, его заключающие. Свое согласие они подтверждают письменным заявлением, которое подается в загс.

Но одного согласия для заключения брака, конечно же, недостаточно. В законодательстве установлен необходимый брачный возраст — 18 лет (в Украинской и Узбекской ССР для женщин брачный возраст — 17 лет). В отдельных случаях по решению исполнительного комитета районного (городского) Совета народных депутатов брачный возраст может быть снижен, но не более чем на два года. В этом случае супруги считаются полностью дееспособными не с 18 лет, а с момента заключения брака.

Брак не может быть заключен, если лицо уже состоит в браке.

Бывают случаи, когда граждане заключают брак, преследуя исключительно корыстные цели — получение жилплощади, прописки и т. п. Такой брак является фиктивным, он может быть признан недействительным в судебном порядке.

Иногда полагают, что для заключения брака необходимы самостоятельный заработок супругов, жилплощадь для самостоятельного проживания и т. п. Закон об этом не говорит. Но из этого не следует, что к заключению брака можно относиться легкомысленно. Вступление в брак — ответственный шаг в жизни человека. И очевидно, что, подавая заявление в загс, нужно основательно обдумать все проблемы, которые вызовет возникновение семьи.

Юридическое значение имеет лишь зарегистрированный брак. Государственная регистрация брака делает это жизненное событие юридическим фактом. Регистрация позволяет точно установить, где, когда и между кем был заключен брак, а это необходимо для надежной правовой защиты прав и интересов граждан и родившихся в браке детей.

Браки регистрируются в отделах (бюро) записи актов гражданского состояния или в исполнительных комитетах сельских (поселковых) Советов народных депутатов.

Законодательством предусмотрено, что регистрация брака производится торжественно. Но это не обязательно. По желанию лиц, вступающих в брак, он может быть зарегистрирован в простой, рабочей обстановке.

В силу разных жизненных обстоятельств брак может распаться. Расторжение брака производится также в официальном порядке — судом или органом загса. При этом принимаются меры для охраны прав и интересов супругов и детей.

Равенство прав и обязанностей супругов. Допустим, отец семейства работает, а мать занята уходом за детьми. Кому принадлежит семейное имущество? Обоим супругам! Почему так — ведь все вещи приобретены на деньги, которые заработал муж? Но ведь жена тоже вносит свой вклад — заботой о муже, о детях. Поэтому закон признает равными права супругов на семейное имущество.

И не только на имущество. Супруги равны в решении всех вопросов семейной жизни. Например, при заключении брака жена может избрать фамилию мужа, но никто не препятствует ей сохранить свою фамилию или мужу взять фамилию жены.

Определяет ли закон главу семьи? Конечно, нет. Лидера выбирает сама семья. Право руководить семьей неотделимо от чувства долга перед ней, ответственности за будущее семьи.

В. ИСАКОВ,
доктор юридических наук,
профессор

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

Рабочий археологической экспедиции Ивченко во время раскопок обнаружил шкатулку со старинными золотыми монетами, которую передал финансовым органам. Полагается ли ему какое-либо вознаграждение?

Задача 2

Жуков выбрал в комиссионном магазине хрустальную вазу и оплатил в кассе выписанный чек. В тот момент, когда Жуков возвращался от кассы к прилавку, Деева, покупавшая в том же отделе столовый сервиз, случайно задела выбранную Жуковым вазу, которая упала и разбилась. Администрация магазина отказалась вернуть Жукову стоимость разбитой вазы, предложив ему предъявить свои требования к Деевой. Права ли администрация?

Задача 3

Дымов приобрел в кредит радиоприемник стоимостью 100 рублей. Выплатив 65 рублей, он стал уклоняться от уплаты остальной суммы, мотивируя это тем, что в настоящее время цена на купленный им радиоприемник снижена до 65 рублей. Основательны ли его доводы?

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Возникновение, изменение или прекращение личных и имущественных прав граждан и организаций всегда связано с наступлением или изменением определенных обстоятельств, другими словами, с юридическими фактами. Обычно такие факты подтверждаются различного рода документами, свидетельствами, записями актов гражданского состояния. На их основании соответствующими органами (социального обеспечения либо нотариата) делаются выводы, например, о возникновении у гражданина права на пенсию либо на наследство. Но может случиться так, что документ, подтверждающий тот или иной юридический факт, утерян и восстановить его невозможно, так как уничтожен архив. Либо такой документ вообще может не существовать по той причине, что для многих юридических фактов не определен какой-либо особый порядок регистрации. Как нужно поступать в таких случаях? В какие органы нужно обращаться за защитой своих прав? Об этом, уважаемые читатели, вы часто спрашиваете в своих письмах. Сегодня на ваши вопросы, касающиеся установления юридических фактов, отвечает кандидат юридических наук И. П. ГРИШИН.

Умер брат. Наследников у него, кроме меня, нет. Однако в нотариальной конторе свидетельство о праве наследования мне не выдали, так как отсутствуют документы, подтверждающие, что я его брат. Как быть?

Н. Коршунов, г. Горький

Как известно, родственные отношения можно подтвердить документами, выданными органами загса: свидетельствами о рождении, усыновлении, браке, разводе. В том же случае, если такие документы отсутствуют и получить их в загсе невозможно, гражданин может обратиться с заявлением в суд, так как в соответствии со статьей 247 ГПК РСФСР и аналогичными статьями ГПК других союзных республик суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных, имущественных прав граждан или организаций. В пункте 1 этой статьи определено, что суд может рассматривать дела об установлении родственных отношений лиц. В постановлении же Пленума Верховного суда СССР от 21 июня 1985 года «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» указано, что факт родственных отношений устанавливается в судебном порядке, когда это непосредственно порождает юридические последствия: например, если подтверждение такого факта необходимо заявителю для получения в органах, совершающих нотариальные действия, свидетельства о праве на наследство, для оформления права на пенсию по случаю потери кормильца. Следовательно, вам необходимо обратиться в суд по месту жительства с заявлением об установлении факта родственных отношений. К заявлению нужно приложить документы органа загса об отказе восстановить акты записи или внести в них изменения либо исправления. Кроме того, необходимо представить доказательства, подтверждающие родственные отношения между умершим и заявителем. Ими могут служить различного рода документы, анкеты, выписки из личных дел, письма, свидетельские показания и так далее.

У моего дяди Селеванова Петра Ильича я была любимой племянницей, единственным близким человеком. Дядя умер внезапно, подвело большое сердце. Завещания никакого не оставил. Да и документа, подтверждающего наше родство, у меня не было. Однако, когда я обратилась в суд по поводу установления факта родственных отношений для получения наследства, у меня даже не приняли заявления. Правы ли в суде!

Т. Кашина, г. Рязань

В соответствии с пунктом 2 постановления Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» суды могут принимать заявления об установлении фактов и рассматривать их в порядке особого производства, если:

а) согласно закону такие факты порождают юридические последствия (возникновение, изменение или прекращение личных либо имущественных прав граждан или организаций);

б) установление факта не связывается с последующим разрешением спора о праве, подведомственного суду;

в) заявитель не имеет другой возможности получить либо восстановить надлежащие документы, удостоверяющие факт, имеющий юридическое значение;

г) действующим законодательством не предусмотрен иной (вне-судебный) порядок их установления.

Если же какое-либо из перечисленных условий отсутствует, суды заявления об установлении юридического факта не принимают и не рассматривают их.

Теперь обратимся к статье 532 ГК РСФСР. В соответствии с ней дяди и племянники (племянницы) не являются наследниками по закону. Они могут наследовать имущество друг друга только по завещанию. Следовательно, факт установления родственных отношений между вами и вашим дядей в данном случае не имеет никакого юридического значения, он не порождает никаких юридических последствий, право наследовать имущество дяди у вас не возникает. То есть одно из условий, необходимых для рассмотрения в суде дела об установлении юридического факта (в данном случае факта родственных отношений), отсутствует. Поэтому вам правильно отказали в приеме заявления.

Моя родная сестра Анна Тимофеевна Соколова проживает в двухкомнатной квартире с сыном, невесткой и внучкой. У меня же трехкомнатная квартира, и живу я в ней одна (муж умер, у детей свои квартиры). Решили мы с сестрой произвести родственный обмен: я бы переехала к ней в двухкомнатную квартиру, а ее сын с семьей в мою трехкомнатную. Однако районное бюро по обмену жилых помещений отказало нам в оформлении обмена на том основании, что у нас с сестрой нет свидетельств о рождении (были потеряны в годы войны). Как же нам доказать, что мы родные сестры! Обращаться в суд!

М. Яцкина, г. Красноярск

Отвечая на предыдущий вопрос, мы говорили, что заявление об установлении юридического факта будет принято и рассмотрено судом только при соблюдении всех условий, перечисленных в пункте 2 выше названного постановления Пленума Верховного суда СССР. Одно из этих условий заключается в том, что установление факта не должно быть связано с последующим разрешением спора о праве, подведомственного суду.

В вашем же случае налицо спор между вами и районным бюро по обмену жилых помещений, отказавшим вам в обмене квартир. Поэтому вам не стоит обращаться в суд с заявлением об установлении факта родственных отношений. Тем более, что в пункте 3 постановления Пленума Верховного суда СССР прямо указано, что для рассмотрения в порядке особого производства не может быть принято заявление об установлении факта родственных отношений, если заявитель преследует цель подтверждения в дальнейшем права на жилую площадь или на обмен жилой площадью. В случае отказа в удовлетворении требования о признании права на жилую площадь или на обмен жилой площадью заинтересованное лицо может обратиться в суд с соответствующим иском. Вам, следовательно, нужно оспорить через суд отказ в обмене жилых помещений. В судебном заседании по этому спору одновременно судом могут быть исследованы и доказательства, подтверждающие ваши родственные отношения.

Во время Великой Отечественной войны я проживала в Закарпатской области, где вступила в брак. Регистрация его проводилась

в церкви. Церковные документы не сохранились. Можно ли судом подтвердить факт регистрации брака?

Л. Юдина, г. Мукачево

Да, можно. В пункте 3 статьи 247 ГПК РСФСР (соответствующие статьи ГПК других союзных республик) определено, что суды вправе устанавливать факты регистрации рождения, усыновления (удочерения), брака, развода и смерти.

Подчеркнем, что в этих случаях устанавливаются не сами эти обстоятельства, а то, что они были в свое время зарегистрированы в органах загса. Суд может устанавливать эти факты только в тех случаях, когда органы загса не имеют возможности выдать требуемый документ, так как у них не сохранилась соответствующая запись в связи с утратой архивов.

Если же архивы целы и загс выдал заявителю утвержденное исполкомом местного Совета народных депутатов заключение о том, что в сохранившихся книгах записей актов гражданского состояния за определенный год, на который ссылается заявитель, такая запись отсутствует, то установить этот факт в судебном порядке нельзя. Выданное гражданину заключение свидетельствует об отсутствии регистрации рождения, усыновления, брака, развода и смерти.

Но в случае, о котором рассказала читательница, документы, подтверждающие заключение брака, отсутствуют, так как регистрация брака проводилась по религиозным обрядам. Суд может устанавливать факт регистрации брака по религиозному обряду, но только в том случае, если такая регистрация проводилась в связи с тем, что брачующиеся проживали на той части территории нашей страны, которая была временно оккупирована фашистскими захватчиками, и, следовательно, деятельность органов загса там была прервана.

При поступлении на работу в трудовой книжке вместо моего настоящего имени Катрин указано Катя. Сейчас оформляюсь на пенсию. Однако органы социального обеспечения требуют, чтобы я доказала, что эта трудовая книжка принадлежит мне. Как же это сделать?

К. Мануйлова, г. Рязань

Очень часто людей с труднопроизносимым либо необычным именем окружающие называют схожим именем, но не тем, которое указано в паспорте. И до того привыкают к этому, что употребляют неправильное имя в документах. Так иногда происходят ошибки при оформлении трудовой книжки, различных справок. И эти ошибки замечают обычно только тогда, когда нужно оформить пенсию, получить наследство и т. п.

В соответствии с пунктом 5 статьи 247 ГПК РСФСР и аналогичными статьями других союзных республик граждане могут обращаться в судебные органы с заявлением об установлении факта принадлежности им правоустанавливающих документов, имя, отчество, фамилия в которых не совпадают с именем, отчеством, фамилией лица по паспорту или свидетельству о рождении.

При подаче заявления в суд должны быть представлены доказательства о том, что правоустанавливающий документ принадлежит заявителю, а организация, выдавшая документ, не имеет возможности внести в него соответствующие исправления.

Заметим, однако, что в судебном порядке не может быть установлена принадлежность лицу партийного, комсомольского, профсоюзного билетов, военного билета, удостоверения личности военнослужащего, паспорта, свидетельства, выдаваемого органами загса.

Суд также не вправе рассматривать заявления об установлении факта принадлежности удостоверения к ордену или медали гражданину, имя, отчество или фамилия которого не совпадают с указанными в удостоверении. Эти вопросы разрешаются органом, выдавшим такое удостоверение.

Во время работы получила травму. Но мастер уговорил меня не оформлять ее как производственную. Сейчас чувствую себя очень плохо. Но теперь администрация отказывается составить акт. Могу ли я обратиться в суд?

Е. Грачева, г. Коломна

Заявление об установлении этого факта принимается к производству судом, когда: акт о несчастном случае вообще не составлялся и составить его в данное время невозможно; акт был составлен, но впоследствии утрачен и восстановить его во внесудебном порядке не представлялось возможным; при составлении акта была допущена ошибка, препятствующая признанию факта несчастного случая, и исправить эту ошибку во внесудебном порядке оказалось невозможным.

В том случае, если профсоюзный комитет отказывается составить акт о несчастном случае или выдать другой официальный документ по тем мотивам, что такой факт не подтвердился, то он не может быть установлен в судебном порядке.

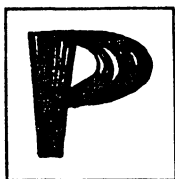
Отказ профсоюзного органа выдать документ, подтверждающий факт несчастного случая, гражданин вправе обжаловать в вышестоящие профсоюзные инстанции.

ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА

С. Коставу не прописывали в дом, принадлежащий на праве личной собственности его жене. В письме первого заместителя председателя Тульского горисполкома было указано, что Костава обеспечен жилой площадью по месту жительства своих родителей.

В протесте, внесенном в исполком, прокурор города советник юстиции Б. Фоменко отметил, что данные обстоятельства не могут служить основанием для отказа в прописке. Согласно Положению о паспортной системе в СССР, утвержденному постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1974 года № 677, граждане должны быть прописаны по их фактическому месту жительства. С. Костава постоянно проживает в доме вместе с женой и двумя детьми. В соответствии с п/п. «а» п. 1 постановления Совета Министров СССР от 28 августа 1974 года № 678 «О некоторых правилах прописки граждан» муж или жена прописываются к своему супругу независимо от размера жилой площади. Таким образом, отказ в прописке является незаконным.

Протест прокурора удовлетворен.

ОТ А ДО Я

Размер пособий по временной нетрудоспособности

— Что-то мало начислили? — удивился Сергей, расписываясь в ведомости на зарплату.

— Так больничный у тебя был, — ответила кассир.

— Вот именно! Болел я, а не прогуливал. Почему же заплатили чуть ли не в два раза меньше, чем обычно? — недоумевал он.

Вот что объяснил Сергею Кравченко, недавнему выпускнику ПТУ, заводской юрист, к которому тот отправился «жаловаться».

В соответствии с Положением о порядке обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию, утвержденным постановлением Президиума ВЦСПС от 12 ноября 1984 года, размер пособия по временной нетрудоспособности, как правило, определяется в процентном отношении к среднему заработку и зависит от целого ряда обстоятельств.

Во-первых, от причины заболевания. В случае трудового увечья или профессионального заболевания рабочим и служащим пособие выплачивается в размере 100 процентов заработка. При этом учитывается полный фактический заработок. Никакие обстоятельства (непрерывный стаж, профсоюзное членство) на размер пособия не влияют.

При временной нетрудоспособности вследствие общего заболевания или бытовой травмы, при санаторно-курортном лечении, в случаях необходимости ухода за больным членом семьи, при карантине или временном переводе на другую работу в связи с заболеванием туберкулезом или профзаболеванием, при помещении в стационар протезно-ортопедического предприятия размер пособия зависит прежде всего от длительности непрерывного трудового стажа, который определяется в соответствии с Правилами исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию, утвержденными постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1973 года № 252. Если непрерывный стаж восемь лет и более, пособие составляет 100 процентов заработка, при стаже от пяти до восьми лет — 80 процентов, от трех до пяти лет — 60 процентов, до трех лет — 50 процентов.

Независимо от продолжительности непрерывного стажа в размере 100 процентов заработка пособие выдается рабочим и служащим, имеющим на своем иждивении трех и более детей, не достигших 16 (учащиеся—18) лет. Однако если у этих работников стаж прервался в связи с увольнением с прежней работы по причинам, не

дающим права на сохранение непрерывного стажа, данная льгота на них не распространяется.

Несовершеннолетним пособие выплачивается в размере 60 процентов заработка независимо от непрерывного стажа.

Рабочие и служащие, не являющиеся членами профсоюза, получают пособие по временной нетрудоспособности в половинном размере против указанных норм. Так, при непрерывном стаже от пяти до восьми лет члену профсоюза пособие выплачивается в размере 80 процентов заработка, а работнику, не являющемуся членом профсоюза, — в размере 40 процентов. Подростку, не достигшему 18 лет и не вступившему в профсоюз, выдается пособие в размере 30 процентов заработка.

Изменение непрерывного стажа или профсоюзного членства в период выплаты пособия по временной нетрудоспособности не влияет на его размер.

Работающим инвалидам Отечественной войны и приравненным к ним лицам пособие по временной нетрудоспособности всегда выдается в размере 100 процентов заработка.

Президиумы или секретариаты республиканских (в республиках, не имеющих областного деления), краевых, областных, Московского и Киевского городских советов профсоюзов могут разрешать выдачу пособий рабочим и служащим, у которых временная нетрудоспособность наступила в течение месячного срока после оставления работы при условии, что они уволились по уважительным причинам и болели свыше месяца.

В этих случаях при заболевании туберкулезом размер пособия определяется по общим правилам в зависимости от длительности непрерывного стажа, а при других заболеваниях или травмах составляет 50 процентов заработка.

По разрешению указанных профсоюзных органов пособие также может выплачиваться бывшим военным служащим, заболевшим в течение месяца после увольнения со срочной службы, в размере установленной минимальной заработной платы (в настоящее время — 70 рублей в месяц).

Во всех случаях пособие по временной нетрудоспособности не может быть меньше 30 рублей в месяц в городах и поселках городского типа и 27 рублей в месяц в сельской местности, а также выше среднемесячного (среднедневного) заработка, из которого оно исчисляется.

А теперь вернемся к нашему герою. Сергею 19 лет. На заводе он работает полгода, до этого три года учился в ПТУ, то есть его непрерывный стаж три с половиной года, и пособие должно выплачиваться в размере 60 процентов заработка. Поэтому и получил Сергей «чуть ли не в два раза меньше, чем обычно».

И. БОРИСОВА

Лариса ЗАХАРОВА,
Владимир СИРЕНКО

Три сонета Шекспира

РОМАН*

Х

Николаев ждал терпеливо. Заметил, как Виртанен юркнула в дверь гостиницы, сердце дрогнуло, но решил подождать еще полчаса. Виртанен вышла минут через двенадцать. Другая прическа, другое платье. Он порадовался: если дама меняет туалеты перед свиданием, это кое-что да значит.

Любовь Карловна села к нему в машину. Посмотрела на него испытующе. Он покраснел. Ему показалось, что вот сейчас она скажет то, что он так боялся от нее услышать. Она говорила с Хрисанфовым. Тот человек прямой, даже слишком прямой. Он мог сказать, что подполковник Николаев... И Николаев загадал: если Виртанен первой заговорит о расследовании, это их последняя встреча. Он не сможет видеть ее.

Но Люба положила свою руку на руль рядом с его рукой, спросила:

— Какова же вечерняя программа?

— Я очень хочу одного: чтобы вы отдохнули. Наверное, день был утомительным?

— Не слишком. Иванцова уехала, я потеряла время.

— Да? — переспросил Николаев, искренне удивившись. Сам он не отправлял Иванцову, кто же тогда выполнил указание Разинской? Спросил Виртанен:

— Куда же она могла уехать? Надолго?

— Соседи говорят, к матери в совхоз за отгулы, а вот сколько у нее этих отгулов, не сказали. Вы случайно не знакомы с матерью Надежды Васильевны?

— Видел раза два. А что?

— Кем она работает в совхозе?

Николаев пожал плечами:

— Ей-богу, никогда не интересовался. В командный аппарат не входит, это точно. Знаете, Любовь Карловна, это от вас Надя уехала. От разговора с вами. Не нужны ей эти разговоры. Она и так немало пережила.

Виртанен озадаченно примолкла. Потом сказала:

— Мне показалось, у меня появился контакт с ней.

— А с Хрисанфовым? Он чем-нибудь помог вам?

— Немного. Оказалось, ваш Иванцов был не слишком усерден в службе. Скажите, Феликс Николаевич, это правда, что он был на грани увольнения, а вы за него заступились по просьбе Надежды Васильевны?

— Правда,— с тяжелым выдохом ответил Николаев.— Видите ли... Я ведь по профессии учитель, педагог. Мне тогда показалось: выгоним мы парня, и он покатится по наклонной. К тому же я не могу переносить женских слез.

— А вы знали, что Иванцов, скажем так, оказывал протекцию своим друзьям, давал им подработать на погрузке? Знали, что у него на посту появляются посторонние?

Николаев посмотрел на Любу оторопело. Он действительно об этом слышал впервые.

— До меня эта информация в свое время не дошла. Был рапорт, что Иванцов уснул на посту. А про иванцовских «протезе» вам Иван Федорович поведал? Что еще он вам раскрыл? — Набрался духу, спросил прямо: — Обо мне, конечно, отзывался не лестно?

— Нет, что вы...— Виртанен удивленно пожала плечами.— С чего это? О вас напрямую вообще не говорилось. Знаете, давайте отдыхать, а то получается по анекдоту: на работе говорят о розах, а после работы — о делах... Так куда мы едем?

— Куда хотите. Кстати, вы не голодны? — С его души упал груз, и Николаев беспричинно рассмеялся. Вот уж истинно, пуганая ворона куста боится.— Может быть, заглянем в ресторан?

— Вот чего я не люблю, так это ресторанов. У меня там буквально уши вянут. Шумно, нынешние оркестры не жалеют децибелов.

— Тогда я вам расскажу веселую байку,— сказал он, включая зажигание, машина тронулась.— Месяца три назад к нам из Москвы пожаловал рок-ансамбль «Горький шоколад». Столпотворение... кошмар! Дворец спорта публика помоложе брала приступом. Ну и, естественно, для поддержания хотя бы видимого порядка направили нас, работников милиции. Наутро личный состав явился в управление с просьбой сменить их хотя бы на день. У всех подскочило давление, у желудочников обострение, у сердечников приступы... Вот так, послушали подряд два концерта оглушительно популярного...

Виртанен засмеялась:

— Именно, оглушительного. Может быть, мы погуляем? Душно в машине.

— Доедем до Морского вокзала, там платная стоянка. Это рядом.

Он парковался, расплачивался с дежурным, она наблюдала за ним. Необыкновенная уверенность в каждом слове, в каждом жесте — на первый взгляд «хозяин жизни». Почему только порой у него то по-детски беззащитные, а то и просто жалкие, несчастные глаза?

Они пошли по набережной в неторопливой толпе курортников. Казалось, местных жителей тут вообще нет.

— Ну вот, перед вами наш Бродвей,— тоном заправского экскурсовода начал Николаев.— Слева море, справа — культурно-развлекательный центр. Дискотеки, клубы, видеосалоны, кафе, рестора-

ны, крупнейшие магазины... Все как положено. Все как у всех. Как на лучших курортах Ривьеры и Трускавца. Куда прикажете?

— Прямо...

Он взял ее под руку.

— Пожалуй, самое интересное в вашем культурно-развлекательном центре — это море... На него так и хочется смотреть, не отрывая глаз.

— А я семь лет ежедневно с малыми паузами только море и видел вокруг себя. Был помпой...

— Кем?

— Так именуется официальный бездельник в команде корабля. Помощник капитана по политчасти — помпа. Пронструктурируешь, как себя вести на закордонном берегу. Курс лекций врежешь про международное положение, которое у нас в те годы было то напряженным, то уверенно идущим к разрядке, а в остальном — сиди книжки читай. Я и читал. Всю мировую классику одолел — на судне была великолепная библиотека. В этом смысле мне повезло.

— Только вам?..

— Команде, разумеется, тоже. У меня, повторяю, было больше времени. И длинные южные ночи, жара, бессонница, завернешься в мокрую простыню и читаешь «Моби Дик» — вроде даже прохладнее.

Она рассмеялась.

Быстро стемнело. Люба подняла голову, но не увидела ни одной звезды. Что ж, и день был пасмурным. Набережная озарилась светом неона. Заиграли тени на асфальте.

— Скажите, Феликс Николаевич, а на рыбозаводе есть вневедомственная охрана?

— Разумеется.

— Стало быть, ее руководитель подчиняется вам?

— Стало быть.

— Я хочу предложить Антонову, э... — правильно? — директору завода способ ликвидировать дефицит рабочей силы. Он весь город объявлениями обклеил, а между тем в порту полно людей, ищущих заработка. Только нужно создать им условия. Транспорт наладить надо, чтоб люди из города на рыбозавод могли нормально добираться. Этот автобус, который ходит мимо домика Иванцовой, разве он может перевезти всех рабочих большого завода? И ходит он с переборами, как мы с вами и я сама могли убедиться. И тогда, я уверена, криминогенная обстановка в порту сразу изменится к лучшему.

Он остановился, взял ее за руки и развернул лицом к себе:

— Зачем вам сейчас, в такой чудный вечер, среди нарядной толпы, массы городских соблазнов думать о криминогенной обстановке, портовых бичах?

— Зачем? — удивленно повторила она. — Это меня волнует.

— Вы серьезно?

— Вполне.

Он только крякнул в ответ.

— Может быть, вы еще пойдете к Антонову «выбивать» автобусы? — спросил, когда они снова двинулись в толпе гуляющих.

— Если больше никому, почему бы не пойти?

— Да зачем вам это нужно? Гм, профилактическая работа не ваш профиль.

— Мой бывший муж тоже часто спрашивал меня, зачем мне нужно то или это. В итоге мы разошлись. Он считал, что я много беру на себя.

— А вы только лишь исповедуете постулат Жанны д'Арк, как его сформулировал Солоухин в известном стихотворении: «Если не я, то кто же?»

— Если этот постулат не будет отвечать общественному сознанию каждого человека, на земле переведутся люди порядочные, прошу прощения за громкую фразу, но для меня это не фраза. Мы, наверное, родились, чтобы отвечать за что-то в жизни, а не только представлять разумную саморазвивающуюся белковую материю на дальней окраине Вселенной.

— И за что же конкретно каждый из нас должен и может отвечать? — с серьезной задумчивостью спросил Николаев.

— Это уж по собственному выбору. Мы же выбираем и профессию, и спутника или спутницу жизни, даже слова, которые произносим. За все это и следует нести ответственность.

— Вы вещаете, как мудрый Лис у Сент-Экзюпери.

— Там все книжно. К тому же я побаиваюсь абстрактного гуманизма. Слишком общо. А мир конкретен.

— Нет, я должен на вас посмотреть, — не то в шутку, не то серьезно сказал Николаев, останавливаясь. — Простите, Любовь Карловна, но я давно не видел человека со столь ярко выраженной активной жизненной позицией — теперь я прошу прощения за штамп.

Виртанен тихо посмеялась, ничего не ответила, хотя видела: он ждет ее реакции.

— Может быть, я даже излишне активна, я знаю. Надо мной даже иногда посмеиваются. Порой зло. — Она подняла к нему лицо и посмотрела в его глаза. — Вот и вы подтруниваете надо мной. Может быть, это моя беда? Но я не смогу измениться. Это у меня, видимо, в крови.

Теперь она взяла его под руку, пошла медленно и начала неторопливо рассказывать:

— Мой дед по отцу — финн. Я только что оговорила, что некоторые свойства моей природы у меня в крови, но то, что я собираюсь вам рассказать, не имеет никакого отношения к национальному характеру. К тому же мама у меня русская. Так вот, задолго до революции, когда Хельсинки еще были Гельсингфорсом, впрочем, родня моя в столицах не жила, не то при Столыпине, не то еще раньше деда ребенком увезли в Канаду. Было движение наподобие духоборского — финны из России тоже ехали в Канаду. И стал мой дед канадским финном. Не то в тридцать третьем году, не то в тридцать пятом Сталин разрешил желающим вернуться. В Советскую Карелию, на родину предков, вместе с моим дедом вернулась из Канады целая община, которая организовала леспромхоз. Явились они не с пустыми руками. Даже трактора привезли с собой канадские финны. И знаете, что, кроме ударного труда на благо пятилетки, они еще сделали? Они выстроили Народный дом. Нет, конечно, в поселке был клуб с директрисой, она же затейник и сторож. Но Народный дом — это совсем другое. Не знаю, как рассказать, чтобы вы поняли до конца. Это надо почувствовать, надо иметь особое чувство потребности в таком доме, который первым делом возвели мой дед и его друзья, а также немногочисленные родственники. Они его сами построили, сами оборудовали для

общения. У них был джаз-оркестр, в котором они играли сами. Это вам не «Горький шоколад»... Мой дед умел играть на банджо и саксофоне — цены ему не было...

— Ну и что? — В голосе Николаева послышалась удивленная недоверчивость. — Танцы?..

— Не только. Была библиотека, купленная на трудовые рубли общества, бильярд, буфет...

— Культурный кооператив, как сказали бы сейчас.

— В какой-то степени. Потому что в буфете продавалось то, что готовилось у каждого из них дома: пироги, закуска... Часть выручки шла на оплату поварихам, часть же — на процветание Народного дома. Моя бабушка по очереди с сестрой и приятельницами была подавальщицей. Я вам не сказку рассказываю, а пример подлинной народной инициативы, пример активного отношения к жизни. Самостоятельно, без подсказки справа, слева, сверху они сделали свою жизнь, да и жизнь всего поселка красивее. И кстати, о наших профессиональных заботах. Там продавали спиртное. Но никто не напивался. Хотя случаи были, — она лукаво улыбнулась. — Первый же, наткнувшийся на перебравшего гражданина, советовал ему покинуть помещение, выводил на высокое крыльцо и помогал долететь до ближайшего сугроба. Ни вытрезвителя, ни участкового там в помине не было.

— Занятно, — сказал Николаев, не совсем понимая, к чему она клонит. — Нам, Любовь Карловна, вероятно, придется вернуться. Сейчас дождь пойдет. Чувствуете, с моря тянет свежестью?

— Хорошо. Идемте к машине, — согласилась она.

Дождь не пошел. Дождь разразился. Николаев стянул с себя джинсовую куртку и, как мог, укрыл ее плечи и голову. Ее лицо, неловко, нелепо укутанное, показалось ему совсем девичьим, трогательным.

Они побежали что было сил к автостоянке, но напрасно — через три минуты с них текло ручьями. На углу, метрах в трехстах от стоянки, оказалась раскрыта какая-то стеклянная дверь — и они влетели в нее. Это была библиотека. В холле было темно, но за следующей дверью уютно мерцал зеленый свет. Пожилая библиотечка-карша, одна в пустом читальном зале, вопросительно посмотрела на вымокших посетителей.

— Извините, к вам можно? — спросил Николаев.

— К нам всегда можно, — библиотечка-карша верно оценила ситуацию и добавила снисходительно, — ступайте за стеллажи, там есть два рефлектора. Иначе вашей даме грозит пневмония.

— Извините ради бога, вы очень добры, — проговорила Люба смущенно.

Николаев быстро нашел и рефлекторы, и розетки, чтобы их включить, и стулья, чтобы усесться между двумя обогревателями.

— Что же вы не говорите, что по этой библиотеке плачет пожарная инспекция? — Николаев, подмигнув, спросил хитровато, глядя, как Люба тянется к теплу, как склоняет голову, чтобы просушить волосы.

— Жизнь многогранна в своих проявлениях... Боже, какое блаженство... — она прикрыла глаза.

Он понял, что любит ее. Не хотел ни о чем больше говорить. Но ему не терпелось слышать ее голос... Боже, зачем ты надел этой женщине погоны? Может быть, без них она была бы счастливее?

— Люба, каким студеным ветром вас занесло в милицию?

— Я ведь начала рассказывать историю о Народном доме, которую вы признали забавной. Скорее это тягостная история. Но она имеет прямое отношение к вашему вопросу, и я продолжу ее. Как вы понимаете, активность деда не ограничивалась игрой на саксофоне, иначе его семье было бы нечего есть. Так вот эта самая жизненная активность была оценена статьей 58, пункт 10. И, кстати, не без оснований, с тогдашней точки зрения. Глядя окрест, стремясь жить не только красивее, но и лучше, эти люди не могли мириться с бесхозяйственностью, административной глупостью, с тупым равнодушием окружающих, которые даже не собирались сопротивляться этим безобразиям. А это считалось в то время самой настоящей антисоветчиной. Но вы не волнуйтесь, мой дед остался жив. Вернулся в пятьдесят седьмом. Мы с ним очень любили друг друга. Очень. В общем, размышляя над его судьбой, я пришла к выводу, что, если бы тогда на нашем с вами месте служили бы люди порядочные, убежденные, профессионально чистоплотные, а не лицемеры, не рабы, не карьеристы, мой дед и многие тысячи людей не оказались бы при жизни в десятом кругу ада.

— Вы полагаете, что сейчас в органах нет больше лицемеров, рабов и карьеристов?

— Есть, конечно. Но значительно меньше. А тогда... Тогда НКВД был наиболее безопасным в социальном смысле местом, вот и попадала туда всякая сволочь, меняя окраску, приспособливаясь. Милиции, как нигде, нужны люди порядочные. И я пошла на юридический.

— Но вы же знаете, сколько чекистов тоже было репрессировано!

— Репрессировано с помощью тех, кто стремился вытеснить истинных дзержинцев и существовать за их счет.

— Простите, Любовь Карловна, вы рассуждаете наивно. Будто начитавшись газет. Я, правда, никогда всерьез об этой эпохе не думал, ну, знаю, конечно, партийные оценки и читал... Из родных у нас никто не сидел. Но дело, ей-богу, не в людях, будь они хоть самые прекрасные, время было такое.

— А кто творит время? Люди, которые на данный момент составляют общество.

— Трудно вам возражать, но хотя бы из истории взять: вдруг подобное — удел всех революций, необходимость жестокого подавления инакомыслия? Вспомните Робеспьера. Он посылал на гильотину, и сам погиб на гильотине. Да тот же Кромвель... тоже топором махал. И чего в историю лезть.— Он чувствовал: тема болезненно задевает его, затягивает, как тонущего в воронку, ему бы найти несколько удачных слов да и прекратить разговор, но что-то его подталкивало, и он вдруг понял, что сейчас, может быть, или сам перед собой оправдается, или она со своей наивной бескомпромиссностью оправдает его. А что? Разве он не может считаться порядочным человеком? Разве он не был порядочным, пока не попал в этот котел инской милиции? Разве он не стремился оставаться порядочным рядом с Разинской, бывшим начальником УВД, рядом с Шатурко, бывшим первым секретарем и иже с ними? Как мог... Насколько мог... Насколько, точнее, ему позволили.— К чему нам с вами исторические параллели, если вот, ну, вы помоложе, я больше за эти последние пятнадцать — двадцать лет посмотрелся... Вы слишком обобщаете, Любовь Карловна. Общество, которое, по вашим сло-

вам, формирует эпоху, состоит из индивидуумов. Социально активных, лояльных, чаще — пассивных. У меня давно сложилось впечатление, что нескольким поколениям словно по рукам дали. И руки опустились. У Алексея Толстого в «Петре Первом» сказано о русском мужике — «Робел поротой задницей». А поколение тридцатых годов — те люди чем робели? Чего они боялись? Общеизвестно! Именно это самое общеизвестное определяло их социальную позицию. И социальную позицию их детей. Робость. Страх. Страх ареста, расстрела. До активности ли этим детям?! Мое поколение получило по рукам после шестьдесят четвертого. Только разошлись, раззадорились... Только теперь люди наконец-то начали думать.

— Вы о перестройке? Надеюсь, многое изменится... Если, конечно, удастся переделать людей. У меня есть приятельница, очень близкая. Она служит в научно-исследовательском институте. Биолог, ботаник. Так они теперь на работе не у микроскопов сидят, а «Огонек» до дыр зачитывают, что же там, в самом деле, с их основоположниками стряслось, с Вавиловым, с Тимофеевым-Ресовским? Уж не оттого ли они сами так плохо работают, что в северных краях местами и рожь и овес перестали расти — исконные культуры? Ищут историческую правду, а дело, которое им завещано тем же Вавиловым, стоит. Грустно. Точно как у Чехова... — говоря, она оглаживала подсыхающую юбку. Он отвел глаза — линия бедра, колени показались ему изваянными искуснейшим из старых мастеров.

— Просто эти люди, — равнодушно ответил он ей, — не любят свою работу. Впрочем, сейчас многие отбывают на службе рабочий день. Мол, по оплате и труд.

— Я люблю свое дело. Даже, наверное, слишком. Иной раз себе во вред.

— Поэтому распалась семья? — осторожно спросил Николаев. Люба замаялась:

— Ну... в какой-то степени.

— Он вас совершенно не оценил, близорукий человек. — В голосе Николаева прозвучало осуждение.

— Мы немного не о том говорим, — неохотно отвечала Люба. — И вообще, как вы думаете, почему нас отсюда не гонят? Времени, наверное, уже много...

— Половина двенадцатого, — отозвалась из-за стеллажей с книгами пожилая библиотечарша. — Но мне очень интересен ваш разговор, молодые люди. И не скажешь, кто из вас больше прав. Время ли делает людей, люди ли время... Я-то все помянутые вами эпохи и времена пережила. И всякий раз, когда заканчивалась очередная эпоха, испытывала разочарование. Сколько можно уговаривать целую страну, что еще чуть-чуть, и все станет на свои места? Сколько можно призывать жить во имя будущего? Почему настоящее нужно перечеркнуть, рассматривать как черновик бытия? Но второй жизни прожить еще не дано никому. И тем, кто призывает, и тем, кого призывают. Люди не глухи, не слепы... А разве сейчас легко? Как жили от зарплаты до зарплаты, да и ту частенько задерживают... Вы обратили внимание: даже призывы кончились. И верно — ни к чему обращаться к инстинкту толпы. Но, с другой стороны, людям нужна цель. Пока она расплывчата. И как добраться до разума и совести каждого? Я думаю, перестройка — это прежде всего революция совести.

— Совесть как деньги,— скептически заметил Николаев.— Либо есть, либо нет.

— Может быть, вы добавите, что без совести прожить можно, а без денег — нет?

Женщина говорила негромко, но очень вдумчиво и грустно.

— Пошли,— вдруг решительно сказал Николаев.— Дождь перестал.

Они поднялись, осторожно выключили электроприборы и тихо, словно боясь кого-то спугнуть, начали пробираться между стеллажами. Николаев то и дело почему-то озирался вокруг.

Встретившись лицом к лицу с библиотекаршей, они сконфуженно глянули друг на друга, но Люба нашлась:

— Вы очень выручили нас. Спасибо за тепло и уют. Мы так задержали вас...

— Да нет,— улынулась библиотекарша, убирая в пучок непослушную седую прядь.— Я давно должна была бы сделать эту нудную работу,— она кивнула на две горы книг на своем столе.— Нет ничего более тягостного, чем списывать книги, но приходится — баланс.

— Но тут же есть совсем новые,— невольно вырвалось у Николаева.

— Да. Списываются как ни разу не востребованные.

— Может быть, вас подвезти? — участливо спросил Николаев.

— Спасибо, я живу в этом доме. Посижу еще полчаса и пойду. Доброй ночи, молодые люди. Не простудитесь, идите быстрее,— женщина снова улыбнулась.— Хотите совет? Сходите завтра на последние фильмы Андрея Тарковского. Первый ажиотаж прошел, можно спокойно купить билет. В нашем кинотеатре, здесь, рядом.

— Вы видели что-нибудь, кроме «Андрея Рублева»? — спросил Николаев Любу, когда они вышли на улицу.

Она покачала головой:

— Я тогда, пардон, маленькая была. А «Солярис» даже по телевизору пропустила.

— Тогда завтра — идем в кино?

— Ну что ж, идем,— согласилась она.

Когда селись в «Жигули», Виртанен показалось, что в стоящем рядом «Запорожце» блеснули стекла фотоокуляра. Но Николаеву она ничего не сказала.

XI

Николаев проснулся с предчувствием счастья — такое обычно бывало с ним в открытом море в яркий солнечный день, когда все сверкает: и море, и солнечные зайчики на палубе, и посуда в кают-компании, и золото на шевронах — все мироздание кажется праздничным, хочется веселиться и работать среди торжества жизни. Такое вот солнечное настроение. И погода не подвела, как вчера,— солнце, жара. Эх, плюнуть бы на все, посадить Любу рядышком с собой в машину и махнуть километров за сорок, чтобы на всю катушку насладиться жарой и морем! Проходя мимо стеллажей, ткнул клавишу магнитофона. «...твое молчанье гораздо больше, чем слова», — пропел Кобзон, оборванный на полуслове неделю назад, когда Николаев последний раз слушал эту запись. Так захотелось, чтобы рядом оказалась Люба! Какая удача, что вчера, когда он так тревожился, ни одно ее подозрение не косну-

лось его. Хотя, наверное, оно появится. Но пусть позже. Ведь вчера что-то укрепилось между ними. Что-то, неосоздаемое, но значительное. Вот! Вот! Он понял, что — доверие... Или... скорее — понимание. Как же давно никто не хотел понять его! Не потому, что не находилось таких людей, были, в том числе и женщины. И не потому, что эти люди понять его не могли, — не бог весть какой особенный. И они не такие уж идиоты. Просто не хотели, не хотели сосредоточиваться на другом человеке, не хотели разбираться, что он собой представляет, отягощать чужой душой собственную душу. Впрочем, что тут особенно горевать? Николаев давно заметил, что на человеческие отношения все больше накладывается необязательность. Да, именно необязательность одного перед другим — и перед другом, и перед супругом... Было — не было, появилось — прошло. Как говорится, не повод для знакомства.

Готовил себе завтрак: яйцо всмятку, бутерброд и кофе, одно и то же каждый день, ел, не замечая, и вдруг представил, что вот сидит сейчас за его столом она и ждет, когда он... ну, скажем, взобьет ей миксером (не существующим в хозяйстве) сливки и преподнесет на красивой салфетке (так и не купленной), вместе с ароматным, густым, сваренным в турочке, а не в кружке кофе... На колени бы встал, подавая...

«Как странно... — поймал себя Николаев на этих смешных, в сущности, мыслях. — Когда я был молодой, влюбленный в бывшую, но тогда только будущую супругу, я никогда не представлял себе ее рядом с собой... А ведь сильно был влюблен, очень сильно. А была ли то влюбленность? Или только острое желание молодого сильного парня? Нет, я не грезил ею наяву. Не помню такого. Вот, пожалуйста, на пятом десятке разошелся... Видно, романтизм в старых дураках долго живет...»

А Кобзон пел: «У меня есть тайна, ее знает ветер...»

«Вот и у меня теперь есть тайна», — сладко подумалось. А потом пришла отрезвляющая мысль: «Я совсем, кажется, запутался».

Но ехал в машине, сидел за рулем и представлял, что рядом Люба. Любочка, Любовь Карловна...

Проводил селекторное совещание с руководителями вневедомственной охраны на предприятиях, давал указания, принимал доклады, все было, как все эти долгие годы изо дня в день, если бы не томило ожидание чего-то очень хорошего, прекрасного.

Городской прямой телефон в кабинете Николаева звонил редко. Начальство из управления обычно тоже выходило на начальника ОВО по селектору. И вдруг зазвонил городской. Разинская.

Николаев только зубы стиснул. Сухо поздоровался. Разговора сам не начинал. Она немного помолчала, выжидая, и спросила первая:

— Что же вы молчите, Феликс Николаевич? Я, можно сказать, ночи не сплю, а он молчок. Загляделся в голубые глаза озер? Заглядывайся, работа у тебя сейчас такая, но не потони. Тут мне рассказывали, как ты, словно купец Епишкин, четвертными на рынке кидался, цветами свою даму одаривал. — Разинская хмыкнула. — Так вот и мнение появилось: чересчур товарищ Николаев увлекается, при таком подходе вопросы не решаются. Спокойнее надо, выдержаннее. Смотрите, Феликс Николаевич! А то ведь мы можем дело так повернуть, что синеглазая сама на вас наручники наденет.

Мир помрачнел. Да, они, гады, на все способны. Потому-то он не может сейчас послать Разинскую к тем чертям, что давно ее ждут. И сейчас нужно эту бестию на том конце провода не ярить.

— Что вы все молчите, подполковник Николаев? Страшно стало? А страшно, докладывайте.

— Мне пока нечего доложить,— сказал он как мог искреннее.

— Как это нечего? Два дня прогулял с дамой и ничего не выдал?

— В личное время она уклоняется от служебных разговоров.

— Ну, ты ведь и у Иванцовой был, там-то что говорилось?

— Виртанен при мне не стала продолжать разговор, что с профессиональной точки зрения совершенно верно.

— Хорошо. Выводы по общему разговору? Уж ты-то мог поддержать, развить трали-вали, в нужное русло их направить. Вы, Феликс Николаевич, известный городской златоуст, а тут что с твоим язычком приключилось? Или онемел от нездешней красоты? Могу дать совет...— Николаев почувствовал, как горло перехватил обруч, рванул галстук.— Форсируйте отношения. Работа теперь такая! — И Разинская захохотала.

С каким удовольствием он сейчас дал бы Разинской в морду! Хотя в жизни не ударил ни одного человека, тем более женщину, их ведь и цветами бить нельзя...

Бывшая супруга под занавес их совместной жизни прямо-таки нарывалась: «Бей! — орала, — я синяки продемонстрирую, где надо, с радостью, чтоб карьерка твоя лопнула!» А он только сжимал кулаки, как сейчас, и уходил прочь. Но пока он думал, как нейтральнее ответить, Разинская, насмеявшись, положила трубку.

Ярость переполняла, искала выход. По себе, шлюха, смеет обо всех судить!! «Работа теперь такая...» Нет, он не жиголо, не платный танцор в ресторане...

В сердцах Николаев переломал все карандаши, что попались под руку. Когда немного успокоился, вызвал старшего лейтенанта Кашина.

Кашин глядел недоуменно и настороженно.

«Наверное, у меня такой вид, что парень боится разноса», — досадуя на себя, подумал Николаев. И сказал почти виновато:

— Присаживайтесь, Евгений Михайлович. Задание есть. Важное. Даже секретное, — и заставил себя улыбнуться.

Кашин молча сел.

— Я вас прошу, лично вас прошу сейчас поехать в Управление, — начал Николаев. — Поехать в Управление и дать показания по делу сержанта Иванцова капитану Виртанен Любови Карловне.

Брови лейтенанта изумленно изогнулись:

— Но меня не вызывали...

— Я знаю. Дело в том, что майор Шевченко преднамеренно дезинформировал нашу гостью. И она полагает, что вы в отпуске. Так же считает и полковник Шатурко.

— Ничего не понимаю... — пожал плечами Кашин. — У меня отпуск через две недели.

— Да. Но Шатурко меня просил изменить график, я этого делать не стал. Говорю, чтобы вы были в курсе дела.

— Но мои показания имеются...

— Имеются. И все-таки, я прошу, повторите их.

Кашин примолк, что-то обдумывая. Потом спросил:

— Что я должен сказать Виртанен?

— Правду, я полагаю. Абсолютно всю. Включая ваше личное отношение к погибшему. Помните, как в марте вы мне сказали: «Ничего просто так не бывает»? Виртанен тоже так считает. И у нее уже к тому есть твердые основания. О вашем устном докладе и о вашем рапорте ей сказал Хрисанфов.

— Что я должен добавить к этому?

Николаев вдруг вспыхнул:

— Что вы меня-то спрашиваете?! Это ваши в конце концов показания! Ваше дело! Я всегда видел в вас человека честного! Да, и поторопитесь. Это моя личная просьба, подчеркиваю. Вы все поняли?

— Да вроде...— пробормотал Кашин, поднимаясь.

Хотя, по правде, он совершенно не понимал, как связать необходимость встречи с капитаном Виртанен, график отпусков и его показания по делу Иванцова — уж куда подробнее, куда точнее он изложил все, чему был свидетелем в ту ночь, майору Шевченко.

XII

Утром Любовь Карловна допросила сержантов милиции Ерохина и Рыбина. Их показания полностью совпали с уже имеющимися в деле. Они ничего не видели, находились каждый на своем посту, позывных Иванцова не принимали. Что произошло, могут только догадываться. Совсем молодые люди, второй год служат, после армии пошли в милицию, держались крайне скованно, и, как ни пыталась Виртанен их «разговорить», они повторяли одно и то же, будто раз и навсегда заученный текст.

Хотя Люба и надеялась на память двух здоровяков, особых иллюзий она не питала. Слишком настойчиво Шевченко уговаривал ее допросить именно их. А по поводу Шевченко она все чаще, отмечая сомнения, думала: это один из тех, которые... Которых имел в виду Быков, на которых намекала Надежда Иванцова.

Последовавший за допросом сержантов разговор с экспертом-криминалистом утвердил ее подозрения.

..Виртанен рассматривала рацию Иванцова, наконец-то ей ее доставили.

— Как объяснить отсутствие на корпусе вообще каких бы то ни было пальцевых отпечатков? — спросила она криминалиста.

— Можно делать любые допущения.

— А если не преступники позаботились о том, чтобы рация так и не смогла ответить нам на интересующие вопросы? Ее ведь брали в руки разные люди.

— В том числе и я,— усмехнулся Симонов.— Но я ее получил чистенькую.

— От кого вы ее получили?

— От Шевченко, естественно.

— И вы полностью исключаете вероятность, что именно он мог, так сказать, поработать над рацией?

— Смысл? Зачем уничтожать улики? Нет, я не мог и не могу так дурно думать о коллеге. Извините, Любовь Карловна, а не говорит ли в вас некая профессиональная ревность?

— Пока ревновать не к чему. Мной руководит лишь стремление к истине. Утром 19 марта вы получаете рацию как веществ-

венное доказательство от Шевченко. Он и только он в присутствии понятых, как свидетельствует протокол, обнаружил ее и изъяс с места то ли высадки преступников на берег, то ли, наоборот, их отчаливания от берега. В котором часу вам была передана рация?

— По протоколу — в одиннадцать сорок.

— А Шевченко обнаружил ее в семь пятнадцать.

— О господи! — вырвалось у Симонова.

— Кстати, почему вы не направили кожух на одорологическую экспертизу? Тогда сразу стало бы ясно, был ли он обработан, — наступательно произнесла Виртанен.

— Во всяком случае, ни «Шипром», ни бензином от кожуха не пахло, — съязвил эксперт.

— Ацетон, нашатырь, спирт, водка — быстро выдыхающиеся растворы, молекулы которых спустя... — Виртанен подсчитала, — ...четыре часа двадцать пять минут могут обнаружить лишь одорологи. Но теперь это уже пустопорожний разговор, — сухо заключила она.

— У меня есть для вас более содержательный, — ей в тон продолжил Симонов. — Вот, пожалуйста, справка. Рация оказалась настроена на волну начальника ОВО УВД подполковника Николаева. И, видимо, не зря, он дежурил в ту ночь.

Любе пришлось внутренне собраться.

— Странно, — процедила она сквозь зубы. — Зачем сержанту связываться во время дежурства с руководством ОВО УВД, в то время когда рядом был начальник подразделения лейтенант Кашин? Может быть, совпадение? Настройку меняли?

— Я говорю то, о чем свидетельствует факт.

Люба подумала немного и сказала тем менторским тоном, который появился у нее, когда она упрекала эксперта в отсутствии одорологической экспертизы:

— Если бы преступники просто вертели ручку настройки, задела бы ее случайно или шкалу сдвинули некие природные силы, она не могла бы быть так точно настроена. Значит, волну менял человек, знающий номенклатуру связи.

— Хотите опять поставить под сомнение действия Шевченко? Он и рацию протер, и шкалу сдвинул? С какой целью? Чтобы бросить тень на Николаева? Я, конечно, здесь недавно, но, по моему, Шевченко и Николаев едва знакомы. И не слышал, чтобы им было что делить. Скорее, это сделал сам Иванов. Может быть, Кашин не отозвался на его сигнал при нападении и он вспомнил, что дежурит Николаев?..

— Может быть, — согласилась Виртанен. — Но в деле нет ни слова о подполковнике Николаеве. Допрошен он не был.

— Так ведь... Только теперь ясно, что его следовало допросить.

— Но почему вы сразу не проверили настройку рации?

— Да, в этом была моя вина. Не обнаружив на рации отпечатков пальцев, о настройке вообще не подумал. — Симонов с досадой махнул рукой.

И в это время в дверь кабинета осторожно постучали.

Виртанен отозвалась.

Когда на пороге появился молодой, среднего роста старший лейтенант, чем-то очень похожий на космонавта Титова в год его

полета, Виртанен увидела, как оторопело смотрит на него Симонов.

— Привет, Женя, я думал, ты уже загораешь. Любовь Карлова, это же Кашин!..

— Вас отозвали из отпуска? — спросила Виртанен.

— Извините, я так и не ушел в отпуск. Разрешите, товарищ капитан, мне сообщили, нам надо поговорить.

Виртанен повернулась к Симонову.

— Игорь Леонидович, перенесем наши дебаты на другое время. Кстати, товарищ Шевченко уверил меня и в том, что Евгения Михайловича в городе нет. С какой целью?

Симонов пожал плечами, презрительно сощурился и ушел, не глядя ни на Виртанен, ни на Кашина. Что творится в Управлении?

Усевшись напротив Виртанен, Кашин глядел недоверчиво, исподлобья.

— Мне предложено сказать вам всю правду.

— Кем предложено? — насторожилась Виртанен.

— Моим руководителем подполковником Николаевым.

— А что, иначе вы не стали бы говорить правду? — чуть насмешливо поинтересовалась Виртанен. — Без прямых руководящих указаний?

— Почему же... Я уже много рассказывал о ночи с 18 на 19 марта.

Виртанен взяла дело, пролиставала, вынула два листка, схваченных скрепкой, они были исписаны почерком Шевченко.

— Вы считаете, это много? В деле есть куда более обстоятельные показания.

— Позвольте... — протянул руку к страницам дела Кашин. — Это не все. Это первые краткие показания, которые Шевченко записал еще в порту. А потом все свои показания я писал собственноручно. Посмотрите еще раз, товарищ капитан. Должно быть страниц девять.

Люба еще раз, нарочито медленно, терпеливо перелистала дело. Подняла глаза и увидела на лице лейтенанта беспомощную улыбку.

— Ничего не понимаю. Ну, коли так, давайте сначала.

Виртанен только кивнула. Пролистывая дело, она установила два факта: Шевченко или кто-то другой изъяс показалания Кашина, а Николаев направил его дать новые показания. Получается, Николаев хотел помочь ей, хотя знал о должностном проступке следователя, но прежде никому не сообщал об этом. Как это понимать? Только однозначно, если бы не я вела следствие, все осталось бы на своем месте.

— С чего начинать? Пожалуй, с главного, — сказал Кашин. — Примерно за час до исчезновения Иванцова с поста я увидел четверых. Явно намечалась драка — трое против одного. Двое спорили, размахивали руками, двое стояли на причале чуть поодаль. Я дал свисток и побежал к ним.

— Вы разглядели их?

— Да, я подбежал быстро. Лица их разглядел, но не запомнил. Могу сказать точно: это не местные, во всяком случае, не из тех, кто, извините, ошивается вокруг порта.

— Что бросилось в глаза? Внешность, одежда?

— Одеты обычно, как сейчас молодежь одевается. Пожалуй,

запомнился один из тройки нападавших. Блондин, виски высоко подстрижены, сублильный, джинсы дудочками.

— Описать этого человека вы могли бы?

— Я давал Шевченко данные для фоторобота, но, видно, они ему негодились.

— Посмотрите сюда. Никого не узнаете? — Виртанен выложила перед Кашиным несколько фотографий, в том числе фоторобот, составленный со слов матроса Сергеева.

— Если бы это была фотография человека, а не фоторобот, я сказал бы сразу — он. — Кашин указал на фоторобот.

— Что так осторожничааете?

— Обвинить человека просто.

— Хорошо. Что было дальше?

— Те парни, естественно, бросились кто куда, больше я их не видел. Прошло три часа, а от Иванцова никаких сигналов тревоги не поступало.

— Иван Федорович Хрисанфов сказал мне, что вы не раз замечали, что к Иванцову на дежурстве иногда приходили дружки. Этот парень не из них?

— Нет, я думаю, что это был матрос одного из судов, стоявших в порту. «Капитан Матвеев» исключается, иначе Сергеев его знал бы, а не описывал как незнакомца. Значит, с другого судна. С какого именно, можно уточнить по расписанию на тот день.

— В каких отношениях вы были с сержантом Иванцовым?

— Всегда говорил и вам скажу: Иванцов — изрядный шалолай. Не знаю, за какие такие доблести вообще его держали. Про мой рапорт вам майор Хрисанфов докладывал?

— Да.

— А ведь уснул Иванцов на дежурстве в состоянии наркотического опьянения. Случайно я это понял. Летом дело было. Я проверку проводил. Трясу его, сонного. За руку взял. А у него свежие следы от укулов в вену.

— В таком случае, почему Иванцова оставили на работе в органах?

— Начальству виднее.

— Кто, кроме вас, знал о пороке Иванцова?

— Город у нас небольшой. Знали, конечно. Тем более, сам Феликс Николаевич устранивал Иванцова лечиться к гипнотизеру. Спросите, какое дело подполковнику до сержанта? Николаев — человек душевный. Может, Иванцов его сам попросил, проявив сознательность? Так, мол, и так, засасывает... А у Феликса Николаевича хорошие знакомства. Как-никак отдел вневедомственной охраны!

— Возможно, вы правы, — медленно проговорила Виртанен. — А вот скажите, как же могло произойти, как могло случиться само убийство? Почему Иванцов не звал на помощь? У него же была рация. На чью волну она была настроена?

— На мою, по идее... Но мой селектор молчал, клянусь.

— Знаете, почему молчал? Рация Иванцова оказалась настроена на волну подполковника Николаева.

— Не может быть... С какой стати?..

— Не знаю. Спасибо, Евгений Михайлович. Вы помогли мне многое понять в том, что произошло.

Когда Кашин ушел, Люба долго сидела, размышляя. Позвонила Хрисанфову, и он дал справку. Кроме «Капитана Матвеева»,

в ту ночь в порту Инска стояли «Сиваш», порт приписки Таганрог, и «Красногвардеец», из Горького. Кажется, что-то начинало выривываться.

Люба решительно сняла трубку и набрала номер Николаева.

По телефону у него голос был чуть другим. Глубокий, сочный, он приобрел не услышанную прежде Любовью бархатистость. И, стараясь не выдать свое волнение, она сказала:

— Капитан Виртанен. Добрый день. Мне необходимо встретиться с вами. Желательно поскорее.

Он почему-то ответил не сразу. И вдруг проникновенно:

— Я приеду через пять минут... Спасибо. Спасибо.

«Да что это такое? Как он меня понял?»

XIII

Она сидела за столом, чуть надменная, с холодным блеском в глазах. Николаев достал из кофра цветы, три темно-алые розы.

— Сегодня райский день, Любовь Карловна!

— Спасибо за букет.— Виртанен взяла розы, отложила на подоконник.

«На самое солнце, что же она делает!»

— Я пригласила вас, Феликс Николаевич, вполне официально.— Ее отчужденное лицо стало суровым. «Другая женщина.— Николаев расстроился.— Что заставило ее так измениться?»

Она вернулась к столу, и он понял: перед ней лежало дело Иванцова.

— Прежде всего,— сказала Виртанен,— объясните, почему вы направили своего подчиненного старшего лейтенанта Кашина для дачи показаний? Вам было известно, что его собственноручные показания в деле отсутствуют? И, я уверена, их изъяли умышленно.

— Впервые слышу от вас. Ни показаний Кашина, ни дела я и в руках-то никогда не держал. С Шевченко у меня отношений нет, рассказать что-либо мне некому. Но меня насторожила возня вокруг отпуска Кашина. Полковник Шатурко заставлял меня отправить Кашина в отпуск во что бы то ни стало! Это произошло не то в день вашего приезда в Инск, не то на следующий день. Я же, понимая, что по данному делу Кашин — основной свидетель, решил помочь следствию и направил его к вам. У вас еще есть ко мне вопросы, Любовь Карловна?

Виртанен низко опустила голову. Он видел: она листает дело чисто автоматически, пытается скрыть неловкость. Когда она снова подняла голову, он заметил, что взгляд ее потеплел.

— Тем не менее следующий вопрос, Феликс Николаевич. В ночь с 18 на 19 марта у вас были контакты с сержантом Иванцовым?

— Да. Он знал, что я дежурю, и в двадцать один час вызвал меня. Меня этот факт, признаться, возмутил. Я же не мог предполагать, что слышу голос человека последний раз. Я его отругал. Речь шла о квартире. Управление сдало дом, но рапорт Кашина, уже вам известный, помешал внести Иванцова в списки претендентов на ордер.

— Так это семью, не его наказали...— мрачно произнесла Виртанен.

— Такова практика, не я ее изобрел, и вы, Любовь Карловна,

Рис. В. Родина.

тоже должны быть с ней знакомы. Путевки, квартиры, дефицитные подписки на книги — это же все вроде премии. Иванцов уже знал, что ему отказано, но пытался, что называется, меня обработать, бил на жалость к семье. «Вы ж обещали...» — твердил. Об этом, кстати, я сообщил Шевченко, и странно, что он вас не проинформировал.

«И не только меня одну, — подумала Виртанен. — И Симонов не знал, что связь была, иначе б не вдавался в предположения со мной на пару...»

— Скажу честно, — продолжал Николаев, — одно время, в самом

начале, сейчас уже нет, но где-то до середины мая я думал, что моя резкая отповедь сломала парня. Он был невоспитанным, импульсивным человеком, мог разобидеться на весь белый свет и просто-напросто дезертировать. На самоубийство он, конечно, не был способен. Да и не шешелся же свет клином на квартире... Но, когда вы нашли его пистолет, я понял, что заблуждался.

Николаев замолчал, наблюдая, как Люба очень быстро записывает его слова.

— Вы знали, что Иванцов был наркоманом?

— Нет. Узнал, когда его уже не стало.

— Однако утверждает, что вы помогали ему с врачом-наркологом. Как понимать подобные разночтения?

— Кто утверждает?

— Кашин.

— Он просто верил слухам. После гибели Иванцова болтовни было много.

— Но ведь Кашин подавал рапорт, где было сказано, что Иванцов уснул на посту в состоянии наркотического опьянения.

— В том-то и дело, что это последнее уточнение в документах ко мне на стол не попало. У нас тогда вроде бы наркоманов вообще не было, а уж в органах внутренних дел — тем более. — В голосе Николаева прозвучал сарказм. — Ах, Любовь Карловна, Любовь Карловна, кабы вы знали, какое редкостное чувство радости я нес в себе целый день... — Он взглянул на нее.

— ...и я все испортила, — усмехнулась Виртанен, покачав головой. — Что делать, Феликс Николаевич, следствие — малоприятная штука. Не пахлава от Керима. Копаешься в... — Она запнулась, опустив глаза.

— Да, да, понял, что вы имели в виду. Какие еще у вас ко мне вопросы?

Люба молчала. Потом встала, раскрыла шкаф, нашла банку изпод сока. Вышла.

Он понял, что пошла за водой.

Потом, когда она ставила цветы в банку — Николаеву показалось или он хотел, чтобы так было, — несколько прошедших минут изменили настроение Виртанен.

Поставив розы в воду, она осталась стоять у окна.

— Как бы вы поступили на моем месте, Феликс Николаевич? Из дела фактически изымаются показания главного свидетеля...

— Я вам могу посоветовать — объяснитесь с генералом Осипенко. Я уверен, он начнет служебное расследование. Честно говоря, с удовольствием приму в нем участие в любом качестве. — Николаев откинулся на спинку скрипящего стула и прикрыл глаза, будто устав от изнурительной работы. Сквозь ресницы увидел, что Люба смотрит на него участливо. Порадовался. Но радость была уже потускневшей.

— Если в вашем отношении ко мне, — сказал он, тяжело поднимаясь, — наш разговор ничего не изменил, то я жду вас, как вчера, в машине. Начало кинофильма в восемь вечера.

И он ушел.

XIV

Генерал Осипенко принял Виртанен без промедления. Выслушав ее, он понимающе кивнул и принялся сличать протоколы допросов Виртанен с протоколами, записанными майором Шевченко.

— И что вы собираетесь делать дальше, Любовь Карловна? Озадачили вы меня сильно. Придется разбираться, служебное расследование проводить.— Он раздраженно забарабанил пальцами по краю стола.— И Николаев хорош... Надо же! Кто? Кто мог изъять показания, манипулировать с рацией? Кто? Ну, допустим, рацию протер Симонов или Шевченко, Шевченко или Шатурко, который у нас угро курирует, перетасовали дело как колоду карт. А зачем Николаев впутался во все это?

— Он отправил ко мне Кашина, случайно выяснив, что Шевченко заявил мне, якобы Кашин находится в отпуске. Извините, товарищ генерал, но не стоит строго за это взыскивать с Николаева. Пожалуй, он единственный человек, который действительно помог моему расследованию, чего о Шевченко и даже о Симонове не скажешь. Однако справедливости ради я должна обратить ваше внимание на следующие факты. Иванцов как работник не удовлетворял непосредственное начальство, старшего лейтенанта Кашина и майора Хрисанфова. Но благодаря заступничеству подполковника Николаева не был уволен со службы. Николаев ограничился наложением взыскания из педагогических соображений, да и жена с тещей слезно просили за Иванцова. И вот что я усматриваю в этой ситуации вообще. Существует факт отказа Иванцова перевестись на другой участок. Отказ сопровождался звонком из совхоза «Цитрусовый» майору Хрисанфову. Теща Иванцова — работник «Цитрусового». Директор этого же хозяйства — друг детства Иванцова.

— Хотите сказать, на пропускном пункте совхозу был нужен Иванцов и только Иванцов? И Николаев тому «попустительствовал из педагогических соображений»?

Виртанен вспыхнула:

— Я говорю то, что говорю, товарищ генерал!

Осипенко несколько удивленно смотрел на нее. Конечно, Виртанен дала ему еще один факт. Фактом больше, фактом меньше... Но Любовь Карловна не помощник ему в главном: занята своей работой, но кто будет проводить служебное расследование? Все те же люди... Все тот же Шатурко.

«Куда деться от тайных врагов, которые есть, есть в Управлении, несомненно... Есть! Зря я отказался от помощи Быкова»,— подумал генерал и вспомнил, как его уговаривал Шатурко не допускать в Инск Быкова. Хотя Шатурко понятия не мог иметь о плане, задуманном Осипенко и генералом Панкратовым из МВД СССР. Вспомнилось, что Шатурко был рад, когда так легко и быстро «уговорил» начальство.

— Так что же вы собираетесь делать дальше, товарищ капитан?

— Мне нужна ваша помощь. Вероятнее всего, человек, продавший пистолет Иванцова,— матрос с одного из двух судов, находившихся в вашем порту в ночь на 19 марта: «Сиваш» и «Красногвардеец». Поэтому мне необходимо направить в пароходства, к которым приписаны эти суда, фоторобот и описание внешности упомянутого матроса. Фоторобот привезен мной из Петрозаводска, описание внешности дал сегодня старший лейтенант Кашин, в общих чертах они совпадают, видимо, идет речь об одном и том же человеке. Далее, мне необходима ориентировка по обнаружению преступлений, связанных с изготовлением, сбытом, транспортировкой наркотических веществ и наркотического сырья, за период,

предшествующий убийству Иванцова, хотя бы за месяц. И наконец, меня очень смущает просьба совхоза «Цитрусовый» не менять место постоянного поста Иванцова. Поэтому я хочу побывать в совхозе.

— Вы обедать собираетесь? — вдруг спросил Осипенко. — Победайте, и к трем у вас будет ориентировка. Я запрошу телекс, мне быстро сделают.

Из ориентировки МВД СССР за март текущего года выяснилось, что за неделю до убийства Иванцова в Нальчике была раскрыта группа заготовителей сырья наркотиков. Следствие продолжается, поскольку не установлен адресат, то есть переработчики сырья и местонахождение последних.

XV

Встретившись, оба не знали, как начать разговор.

Николаев поглядывал на Любу испытующе, хоть и был рад, что она все же пришла. Ведь официальный разговор в Управлении, все эти процессуально-следственные подробности: протокольная запись, его обязательная подпись на каждой странице протокола — подраушили иллюзии, что питали его эти недолгие, но, как ему хотелось думать, счастливые дни.

Виртанен сидела рядом с ним, потупившись. На ее высоких скулах горели алые пятна.

— Наверное, я виновата перед вами, — вдруг отрывисто проговорила она. — Видимо, служебное расследование коснется и вашей репутации.

— Чему быть, того не миновать, — со вздохом ответил Николаев. — И что бог ни делает, все к лучшему.

— Что же хорошего?.. — искренне удивилась Люба. — Разве...

— Вас тяготит невольная вина? — перебил он ее. Его участливая интонация тронула ее. Он еще и сочувствует ей! — Вы человек долга и иначе не могли поступить, не так ли?

— Я сказала Осипенко, что вы — единственный, кто стремится помочь моему расследованию.

Он оторопел. Несколько секунд удивленно рассматривал ее и проговорил:

— Я уже знаю, вы — удивительная женщина. Но зачем же оправдываться?

— Завтра я уезжаю в «Цитрусовый», — сказала она, не отвечая, но не отводя взгляда от его лица. В ее глазах он увидел затасную грусть.

— Хотите, я поеду с вами?

— Как можно, Феликс?..

Теплота и благодарность звучали в этой фразе.

У него захватило дух. Словно они оба приблизились с разных сторон к некоей границе, и следующий шаг через нее может сделать их отношения иными.

Она, наверное, чувствовала что-то похожее, потому что они долго молча смотрели друг на друга, пока она не повторила:

— Это невозможно, Феликс...

— Да, это невозможно, Люба. Когда же, Люба, я увижу вас снова? — Назвать ее на «ты» он так и не решился.

Ах, знал бы он, как ей хотелось завтра же к вечеру вернуться из совхоза!

— Трудно сказать,— ответила она.— Два дня я пробуду там наверняка.

— Значит, послезавтра вечером я стою у гостиницы.

— Вдруг я задержусь?

— Все равно буду ждать. Когда я вас жду, чувствую себя сам собой.

Люба смутилась. Феликс сказал вслух то, что не раз приходило ей в голову. И она ждет встреч с ним, и ей они дороги.

— Мы не опоздаем в кино? — пробормотала она, чтобы уйти от внезапного открытия, испугавшего ее.

Потом они смотрели «Жертвоприношение» Андрея Тарковского, последний фильм режиссера. Виртанен порой не до конца понимала, как развивается сюжет, теряла суть происходящего, но чем больше видела и слышала ту экранную жизнь, тем острее становилась боль сопереживания, родившаяся в ее душе. Она тихонько смахивала слезы, поглядывая в темноте на Николаева. Он сидел напряженный, с лицом, какое бывало у Любиного деда, когда у него начинала болеть старая рана,— в тридцать пятом его ударил ножом в спину финский националист...

Они вышли из кинотеатра, крепко держась за руки, словно боялись, расцепи они пальцы, и случится нечто такое же страшное, но неизбежное, как то, что они только что видели. Они не могли говорить. И только когда Люба поняла, что вот уже шестой или седьмой раз они огибают кинотеатр, она сказала:

— Но неужели Тарковский прав и, чтобы стать самим собой, нельзя обойтись без жертв? Неужели? Страшно...— Она подняла лицо к Николаеву.

— Не знаю,— глухо и горько отозвался он.

И снова они молчали. В молчании дошли до набережной, до Морского вокзала. Пересекли маленькую площадку и оказались у дверей библиотеки. Библиотека была закрыта.

Они потоптались у стеклянных дверей, опять взялись за руки и пошли переулками, уходящими от моря вверх,— так к гостинице казалось ближе.

Возле парадного подъезда старого здания, построенного тогда, когда фронтоны увешивались виноградными гроздьями и розовыми гирляндами, все скамейки оказались пусты. Николаев усадил Любу, и сам устроился так, чтобы прямо смотреть в ее лицо. Она вопросительно подняла брови. Он положил ей руку на плечо:

В тот черный день (пусть он минует нас),

Когда увидишь все мои пороки,

Когда терпенье истощишь запас

И мне объявишь приговор жестокий,

Когда, со мной сойдясь в толпе людской,

Меня едва одаришь взглядом ясным,

И я увижу холод и покой

В твоем лице, по-прежнему прекрасном.

В тот день поможет горю моему

Сознание, что я тебя не стою,

И руку я в присяге подниму,

Все оправдав своей неправотою.

Меня оставить вправе ты, мой друг,

А у меня для счастья нет заслуг.

— Что это? Зачем это? — прошептала она. Ей вдруг стало страшно.

— Сонет Шекспира номер сорок девять,— печально ответил он и поднялся со скамьи. Взял ее руку, поцеловал, потом склонился

над ней, припав губами к ее лбу, и она всем существом своим ощутила и ласку, и нежность, и преданность; ответить не смогла, боясь показаться то ли легкомысленной, то ли податливой — сама не знала.

— До встречи, моя хорошая,— шепнул он. И ушел.

Она не смотрела ему вслед. Но еще долго сидела на скамье, потрясенная, едва сдерживаясь, чтобы не броситься за ним.

XVI

Прасковья Павловна Нечитайло, женщина умная и по-своему одаренная, на окружающих обычно производила тягостное впечатление человека мрачного, подозрительного, недовольного жизнью. Глядя на нее, думалось, что ей либо немало пришлось пережить, либо профессия наложила на нее отпечаток недоброжелательности к миру. И еще она была очень упрямой. Ее так и называли «Упрямая хохлушка!» Украинская фамилия досталась ей от мужа. Чем дольше работала Прасковья Павловна в системе правоохранительных органов, тем глубже чувствовала, как с каждым годом работа становится все тяжелее, а противодействие этой работе все изощреннее. Сама по себе нелегкая задача охраны государственных интересов все больше балансирует на грани невозможности сохранения в чистоте буквы и духа закона, а сам прокурорский работник рискует подчас не только служебным положением. Через многое прошла Прасковья Павловна, через анонимки, шантаж, служебные разбирательства, подметные письма с угрозами расправы — только упрямство, считалась, и спасало ее. Упрямо до конца стояла на своем, как ни изгалялись недруги, но сделать с ней ничего не смогли.

Дома почти взрослые сыновья подтрунивали над ней. Ведь даже яичницу мама солила в точном соответствии с указанием поваренной книги. И только муж любил и понимал ее. А с тех пор, как однажды, лет пятнадцать назад, она призналась ему, что потеряла веру в людей, в те идеалы, на которых воспитана, в его любви к ней появилась щемящая жалость и горестная нежность.

Муж юристом не был, он вообще был далек от гуманитарной сферы и об идеальном имел смутное представление, зароненное, однако, на необязательных для будущего инженера-строителя лекциях по диамату. Что считает своим идеалом жена, он тоже по простоте душевной особенно много не думал. Но, услышав от нее признание, стал размышлять. Сыновья спустя какое-то время заметили в отце перемену: он стал мягче, душевно подвижнее, он словно все время находился на страже, берег что-то или кого-то. И чем угрюмее становилась мать, тем светлее отец. Супруги больше не касались больной темы. Они все меньше выписывали газет, почти не смотрели телевизор, редко ходили в кино, только на индийские или бразильские фильмы. Прасковья Павловна все чаще и чаще стремилась уехать в командировку, а возвращаясь, повторяла к месту и не к месту, что там, в глубинке, слава богу, еще кое-что сохранилось. И даже те, кто преступает закон, даже они не до конца утратили облик человеческий, на скамью подсудимых их вытаскивает эта самая жизнь, в которой нет места идеалу. Оклады ничтожные, цены огромные, отсюда и мелкие поборы врачей, учителей, не говоря о работниках торговли, с которых нечего

и спросить. Если в магазин на целый район завезут мяса, то его столько, что, выброси на прилавок, люди поубивают друг друга, а так, когда по «своим», товар и расходуется спокойно. Детей всем кормить надо... В магазинах пусто — отсюда и «несуны», воры. И сколько угодно можно твердить, как квалифицируются их деяния, им это непонятно. Потому что жизнь-то словно под горку катится, а жить все равно надо. Прасковья Павловне самой не нравилось, как уходит под уклон жизнь. Сколько ни вкалывай, каких рангов ни добивайся, живешь все равно, как двадцать лет назад, от зарплаты до зарплаты, и все, что парням можешь оставить, — «свадебную страховку» по тысяче рублей.

Прасковья Павловна, конечно, знала, что «гонорар» порой не только адвокаты получают — и прокуроры, и судьи не брезгают. И у нее бывали ситуации, что давали без свидетелей, по-тихому, шито-крыто, стоило только руку протянуть, да вот рука ее не протягивалась, не могла она физически руку протянуть, не могла. На ее глазах при этом подруги и сослуживцы покупали золото, обзаводились дачами, автомобилями и прочими матценностями. На глазах ее мужа, ведущего инженера СМУ, его некоторые друзья и сослуживцы ремонтировали свои квартиры и строили личные особняки параллельно строительству очередного объекта, тоже покупали автомобили и золото, продавали стройматериалы не только частным лицам, но и смежным организациям, в том числе в небольшую союзную республику, имея за то комиссионные. Едва ли не законные комиссионные! Как же, трудятся ведь в поте лица своего, проталкивая блатмейстерские дела, не то что на родимом объекте, который, что с ним ни делай, как ни разоряй, все равно будет сдан с опережением плана. Потому что есть такие «ослы», как инженер Нечитайло Владимир Гаврилович и несколько ему подобных неоперившихся романтиков. И куда супругам Нечитайло было податься во всем этом кошмаре, и бог не ведал, ибо они в бога не верили. Они верили в установления Советской власти и порой пытались разобраться, что же происходит с этой властью, с ними самими. Увы, размышления эти уводили так далеко, что и Прасковья Павловна, и Владимир Гаврилович постепенно почли за благо оставить их, чтоб собственную совесть сохранить, веру не утратить.

Их детство прошло в ту пору, когда все всем было предельно ясно: кто вождь народа, кто враг народа, кому народ обязан победоносными пятилетками и победоносным разгромом фашизма. Черное — черное, белое — белое. Серых, палевых и прочих оттенков не имелось. По стране гуляли амнистированные бандиты. Вырезали кошельки, выламывали у неостывших трупов золотые коронки. Явное социальное зло требовало нетерпимой борьбы. По призыву комсомола Поля Нечитайло пошла в юридический институт. Свою будущую специальность считала нужнейшей, без которой государственность вообще немислима, ибо соединены вместе государство и право.

Потом мир круто изменился. Молодежь шумела, лозунги громыхали, газеты призывали к скорейшему достижению коммунизма, который обещали совсем скоро, а что такое двадцать лет, когда тебе всего двадцать три... Шумели искренне, верили истово, как и раньше привыкли верить. Только однажды, забежав после работы в булочную, Прасковья Павловна купила французскую булку, из которой торчали непромеленные зеленые горошины и зерна ку-

курузы С той поры, с середины шестидесятых, в судах стало слушаться все больше хозяйственных дел. Нечитайло оказалась знатоком в ведении следствия именно этих дел. Разворотили, думала она тогда, глыбу, глыба трещины дала. Природа пустоты не терпит, трещины начали заполняться. Только кем? Чем? Даже в бытовых разговорах слова «купить», «продать», «сделать» стали заменяться на «достать», «загнать», «смантулить»... В трещины устремились те, кто сидел при зерне, при молоке, при мясе, колбасе, мануфактуре. Жизнь разделилась надвое: на обычную и теневую. В обычной все шло как по писаному. Вторая писалась на прокурорских представлениях, на листах следственных и судебных дел. Годы шли, хозяйственные дела становились все толще.

Однажды снился Прасковье Павловне сон. Сидит она над большой корзинкой с клубками ниток. Нитку от одного клубка тянет, а разматывается другой. Проснувшись с ощущением, что снилась ей ее собственная работа. Дело заведено на приемщика стеклотары! А виновен, оказывается, заведующий отделом торговли горисполкома. Но. Много копий сломала Прасковья Павловна на этих «но». Случалось, забирали у нее дело, передавали другому следователю и оставался главный виновник, преступник, порядочным человеком, ходил среди людей с гордо поднятой головой. Как после этого не помрачнеть, как не ссутулиться? Вера из ее души ушла. Идеал погиб.

Прасковья Павловна стала чувствовать себя маленьким человеком, чиновником. И все, что осталось в ней от былой страсти к справедливости,— ослиное упрямство. Советовали ей уйти в адвокатуру. Ну, куда там. Это не для нее.

А в самое последнее время она вообще не могла понять происходящее. Один раз уже начинали жить по-новому. Как поверить, что на сей раз навсегда и всерьез, если вера убита? Только с мужем и делилась нравственными муками своими. А он вздохнул о демократизации — директора избираем, по чести, по знаниям; хозрасчет вводим — заживем, ворюгам на лапу этим самым хозрасчетом и наступим! Посмотрела Прасковья Павловна на своего Владимира Гавриловича ясным взором и сказала: «Поднять за директора руку легко, поймать его за руку трудно».

Сказала и почувствовала, что будто ударила мужа. Верно люди говорят об ее упрямстве. Сама стала чувствовать, что порой прет против очевидного. Например, возмущается тем, что пишут в газетах. Какую ни возьми, правоохранительные органы кроет. Но ведь сама же дома только тем и занималась. Чего же возмущаться, в газетах верно пишут. Переломить себя трудно, вот что. И все же, говоря высоким слогом, чувствовала Прасковья Павловна в себе возрождение. Особенно польстило ей, что Москва ее в Инск направила. Значит, ценят еще порядочных людей. И такие люди, как она, еще нужны государству — в этом она не сомневалась даже в самые мрачные дни своей нелегкой жизни прокурорского работника. Но «Цитрусовый»... Это какой-то оазис прежней жизни! На вид здесь все вроде нормально. Совхоз на хозрасчет перешел, ввели здесь семейные подряды, заключили договоры о прямых поставках продукции с перерабатывающими предприятиями, все как в газетах пишут и по телевизору показывают. Только отчего же бегают глазки здешнего директора, как только он заводит ее? Чего он боится, дюжий кряжистый мужик? Ему бы глядеть строго да прямо.

Сегодня из номера Прасковья Павловна решила не выходить — документацию сверяла. Справа — бухгалтерские ведомости, слева — ведомость партвзносов. Из двадцати семи партийцев — работников совхоза четырнадцать уплатили взносы, превышающие в процентном отношении указанную в ведомости бухгалтерии сумму. Меньше должны были платить эти люди в партийную кассу. На стульях разложила Прасковья Павловна показания этих четырнадцати человек, характеристики на них, выданные парткомом совхоза. Можно надеяться, что эти четырнадцать сделали правдивые заявления, что на руки они получили за месяцы работы на уборке мандаринов и лимонов больше, чем указано в документах, в точном соответствии с объемом работ. В общем, поработали и получили свое, копеечка в копеечку. Но где же тогда собранный ими урожай? Его нет ни в каких документах по оплате. Только партийцам заплачено за сбор восемнадцати тонн мандаринов, а фрукты по документам не проходят. И на складе излишков нет. Значит, их сбыли, это ясно. Ясно, что в уборке урожая участвовали не только четырнадцать членов партии, значит, фруктов прошло через незаконную систему учета и оплаты больше. И еще вот такое колесо: у этих же четырнадцати человек профсоюзные взносы, которые взимаются через бухгалтерию в точном соответствии с заработком, указанным в ведомостях. Как прикажете понимать? Прасковья Павловна углубилась в свои подсчеты, и тут кто-то настойчиво постучал к ней. Нечитайло с неудовольствием открыла дверь. Очень удивилась. По ее, Нечитайло, прикидкам, капитану Виртанен еще не время подключаться.

— Вы не поторопились? — спросила, не поздоровавшись. — Или случилось что-то непредсказуемое?

— Скорее всего причину убийства Иванцова следует искать в совхозе, — шепотом ответила Виртанен, плотно прикрывая за собой дверь.

XVII

Директор совхоза «Цитрусовый» Валентин Иванович Гуляев прошел мимо «Дома приезжего», невольно поднял глаза и увидел в одном из окон второго этажа женскую фигуру в летней миллицейской форме. Все понял. Виртанен явилась. Заспешил к себе, чтобы немедленно связаться с городом, с Разинской.

— Наталья, — сказал он ей глухо. — Они сговариваются. Приезжай. Кто, кто?! Да гостяя ваша с шестидесятой широты пожаловала к нашей прокурорше!

Разинская мрачно пообещала появиться к вечеру и дала совет не быть лопухом. Совет, конечно, неплохой. Только все равно Гуляев сидел как на иголках. Шатурко вчера с сердечным приступом лежал, дело-то до служебного расследования дошло, шутка ли! Впрочем, схватила эта чухонка, как Наталья Карловну эту прозвала, своих же мильтонов за руку. Ладно! Значит, невалифицированно они сработали, коль так быстро попались. А в совхоз зачем ее принесло? К Иванцовой? Так нет здесь Надежды. К матери ее? Смысла никакого. К Нечитайло? А где связь? Связь эту Гуляев, конечно, знал, но он представить себе не мог, что до этой связи вообще можно докопаться. И поэтому понял, что ему просто необходимо встретиться с Виртанен. О чем она его спро-

сит, это дело десятое, сумеет вывернуться, на любой вопрос ответит, но зато сам узнает, чего она хочет, что ищет.

...Ко всему готовился Гуляев, но только не к тому, что произошло.

— Дмитрий Иванцов был вашим другом детства? — спросила Любовь Карловна, которая перед беседой посмотрела паспортные данные погибшего. «Да, земляки», — ответил Гуляев. Они дружили, Валентин Митьке по-мальчишески покровительствовал, как старший младшему, потому что родители их в Инск со Псковщины переехали, с голодухи на арбузы и рыбу потянулись. И в секцию боксерскую вместе ходили, к одному тренеру, только Митька был хилый, нецепкий, отсеяли его как неперспективного, а слава Вали Гуляева в те годы уже гремела среди юниоров. Ну, а потом по старой дружбе Митьку пристроили в милицию — и ему хорошо, и самим удобно. В то время подполковник Николаев сговорчивый был, только что в органы пришел, диплома Академии МВД еще не имел, его в любую секунду можно было турнуть как неспеца.

Виртанен смотрела строго и испытующе. У нее был неприятный холодный взгляд, как у ящерицы.

— Мы с Ивановым из одной деревни, — принялся пояснять Гуляев. — А вот разница в возрасте у нас с ним солидная. Какая же может быть дружба между сопляком и почти уже юношей? Так, привет, землячок, как поживаешь... А после возвращения Митьки из армии мы и вовсе не общались. Я тут, работа у меня, сами понимаете, товарищ капитан, ответственная, напряженная, как я люблю подчеркивать в таких случаях — жениться, и то некогда. Иванцов с семьей в городе обосновался. Ну, конечно, на свадьбе я у него гулял. Так это когда было!

— Однако когда вашего земляка хотели уволить из органов, вы звонили начальнику охраны порта майору Хрисанфову, начальнику ОВО УВД подполковнику Николаеву, просили не убирать Иванцова не только из милиции, но даже с поста на пропускном пункте.

— Не отрицаю, — степенно кивнул Гуляев. — Эта медаль две стороны имеет. Во-первых, теща Иванцова просила посодествовать, она старейший работник совхоза, передовик, ударник, как можно не уважить? Ведь работу в наших краях не найти, особенно если репутация не очень. С другой стороны, я Дмитрия все-таки знал с детства и был уверен, что совхозная продукция в надежных руках, — он ни один мандарин себе не возьмет, даже своему ребенку.

— Вы сами себе противоречите, Валентин Иванович, — остановила Гуляева Виртанен. — Вы уверяете, что доверяли Иванцову, и тут же признаете, что у него была не очень-то надежная репутация. Как вас понимать?

— Поймите, одно дело — бузить, другое — воровать. А потом... — нахмурился Гуляев, — говорить о человеческом факторе все мастера, а как человеку помочь, так в кусты. Я не из таковых. У нас другие понятия.

— Что же, по вашему мнению, могло произойти с Дмитрием Ивановым?

Гуляев развел руками:

— Если милиция этого так и не узнала, как же я-то узнаю? Денег, со слов вдовы, у него при себе не было, ценностей — тоже, но ведь сейчас какие люди, за пуговицу убьют. Не знаю. Жаль,

очень жаль, что по сей день бандиты на свободе! — Гуляев недовольно засопел.

— Вы знали, что Иванцов употреблял наркотики, лечился?

— Я уже сказал вам, в последние годы у нас не было ничего общего, — проговорил Гуляев раздраженно. — Наркоманом был, знает?.. — Он осуждающе покачал головой. — Скверное это дело. Так, может, его, наркоманы и пристукнули? Мало ли, не поделили чего.

— Вы хорошо знаете местные уголья, Валентин Иванович? — поинтересовалась Виртанен. — Я имею в виду не только земли вашего совхоза? Конопля где-то рядом не произрастает?

— Нет, нет, точно знаю, нет. — Гуляев ответил таким тоном, что Виртанен поверила.

— А тайком не сеют?

— В принципе все возможно. Агрономические условия позволяют.

И вдруг у следователя возникла неожиданная мысль. Если Дмитрий был ценен для совхоза как возможный проводник левых тонн мандаринов, которые разыскивает Нечитайло, то совхоз должен побеспокоиться о достойной замене Иванцова. Иначе конец коммерции, этого они, конечно, допустить не хотели. Такие аферы сами не заканчиваются. Их только пресекают.

— Скажите, Валентин Иванович, кто сейчас заменил в порту Иванцова? Тоже выходец из совхоза?

— Не знаю, — безразлично отозвался Гуляев. — Поставили ко-го-то.

Виртанен внимательно посмотрела на директора. Врет? Или действительно не знает? Неужели ему все равно? Тогда нескоро доищется Прасковья Павловна канувших в никуда фруктов — возможный «мостик» не перекидывается.

— Как мне найти вдову и тещу Иванцова? — спросила, подчеркивая озабоченным тоном, что визит к этим женщинам и есть ее главная причина поездки в совхоз.

— Нужно выехать за Центральную усадьбу. Звероводческое отделение, тридцать пять километров отсюда. Если сейчас поедете, будете там к ночи. Дорога плохая. Ночуйте здесь, я распоряжусь, чтоб в «Доме приезжего» вам место выделили, а завтра уж...

— Спасибо. В таком случае позаботьтесь и о моем водителе.

XVIII

За проверку в совхозе Разинская была почти спокойна. Чтобы додуматься, где искать, надо либо иметь потрясающее воображение, которое вряд ли есть у хмурой бабы из прокуратуры, либо в страду над душой каждого сборщика стоять. Пропала у товарища Нечитайло командировка, зря потрачены государственные денюжки. Жила б она тут на свои, давно бы домой отчалила. У Виртанен дела идут побойчее. Информировать: со свидания с Николаевым чухонка возвращается с блаженной мордой. А чему радуется? Подполковник этот не лучше других мужиков. Взять хотя бы ее Валентина. Туп, как скамейка, разницы между бабой и боксерской грушей так и не усек, хоть давно уже не выступает за сборную «Урожай». А ведь небось уверен: любит его Разинская беззаветно. Любит! Ха! Наталья Валериановна давно пришла к выводу, что любить стоит только себя. А мужика иметь для

дела и здоровья. И вдруг она почувствовала острую зависть. Неужели рядом с Николаевым худосочная финночка что-то еще и чувствует, то, о чем Наталья только в разных книжках читала? Эта бабья зависть еще больше подхлестнула ненависть к Виртанен, которую Разинская взрастила в себе, еще и не видавая ни разу эту женщину. Как же это так, где справедливость: инородке, чухне, бог послал чувство, а ей, степной красавице,— отказал?

В кабинет директора совхоза Разинская вошла уверенно, в свой заходила. Ее кабинет — три года, считай, в этом кресле за этим столом отсидела. По-хозяйски бросила сумку на край стола для заседаний, машинально расправила складку на зеленом сукне, в упор посмотрела на Гуляева:

— Ну!!!

Тот тоном кающегося грешника, будто и впрямь провинился, доложил, что Нечитайло сличала бухгалтерские ведомости с ведомостями партийных и профсоюзных взносов. А наутро появилась милиционерша.

— Наверное, обыска следует ждать,— заключил директор.— Меня Виртанен сегодня допросила. Иванцовым интересовалась. Знает она, что он наш человек, даже спросила с подковыркой, кого мы подсунули на его место. Сейчас она у Нечитайло. Обмениваются версиями и данными. Сейчас они увяжут наши мандаринчики с Иванцовым — и обыск...

Разинская поджала губы:

— Баба ты, а не боксер! Неужели на случай обыска зоны безопасности не предусмотрел? Что у тебя найдут?

Гуляев понуро опустил голову.

— Не знаю... Дома я ничего не храню. Что я, дурак? Это ты бриллианты покупаешь в госторговле. Ах, Наталья... У них ведь чеки остаются.

— Вот и хорошо. Не забывай, я женщина высокооплачиваемая, одинокая. Доходы с расходами у меня копейка в копейку сходятся. Не о том разговор. Что Виртанен собирается делать дальше?

— Завтра она к иванцовской теще едет. Только Надьки там нет. Принял меры сразу.

— Молодец. А знаешь, что теперь нужно делать? Пусть милиционерша подольше посидит на ферме, ну, скажем, сутки. А мы за это время Надежду вообще куда-нибудь сплавим. Если уж говорить по правде, самое слабое звено — это Надежда. Жлобка, скопидомка...— добавила Разинская со злостью.

— Мне что, милицейскую машину прикажешь угнать? Как я Виртанен задержу?

— А у тебя нукеров нет? — Грудь Наталья затряслась от презрительного смешка.

— Кого?

— Кого... Холуев. И чтоб связи с фермой не было, чтоб не звонила она сюда! Как говорится, если враг не сдается, его уничтожают.

Гуляев сжал кулаки.

— Не то все, не то! — заметался по кабинету, вокруг кресла, где восседала Наталья.— Надо решать одним ударом! Что тебе дадут эти сутки? Николаев какой день крутится без толку... В нокаут попал.

Наталья опять засмеялась:

— Точно, послала финночка нашего бугая в нокаут. Тихий стал,

романтик... Втюрился. Даже повезло: чувство оказалось взаимным. Очень хорошо! Он еще в ножки нам поклонится.

— Это тоже потом, Наташа. А сейчас что? Милиция, когда человек ей нужен, из-под земли его достанет.

— Так в книжках пишут, Валя. А в жизни... Нужны, нужны нам сутки. Пусть помается чужна на ферме, дальше мы ее не пустим. Хватит. Пойди распорядись, чтобы нас не тревожили, да чтоб за чухонкой следили, ну и... пошли к тебе, соскучилась я без тебя. Давно у меня не был.

— Да как же, Натальяюшка,— принялся оправдываться Гуляев,— как тут отъедешь, когда...

Она усмехнулась. Дал бог штаны... Кулаки еще пудовые. А так... Только слюни не пускает.

От дирекции к дому Гуляева шли задворками. Тропкой в сиреневом саду. Быстро темнело.

Гуляев жил бобылем, привык. А ведь сватали ему девиц порядочных, по номенклатуре подходящих — с родней, с дипломом, с приданым.

Из ванной Наталья вышла свежая, ароматная. И они рухнули в широкую, шире стандартной: ее сам Гуляев сколотил, постель.

...Потом долго молча лежали, отодвинувшись друг от друга. Мысли Гуляева хоть и путались, а точили.

— Ой, Наташечка,— с придыханием зашептал он,— пока до беды не дошло, дунуть бы нам с тобой куда подальше, где нас никто не знает, зажили бы. Накоплено слава богу, не пропадем...

Разинская неожиданно громко расхохоталась:

— Эх ты, мой честный! Скопил из трудовых сбережений...

— Что за слова цепляться! Я ведь о чем... Я неплохой агроном, ты вообще... два диплома! Нам везде хорошо будет. Расписались бы, ребеночка завели...

Наталья знала: у него эти мысли и раньше появлялись. Внимания не обращала, не придавала значения. Не ответила и в этот раз, только усмехнулась презрительно. Его-то никто, кроме как в области, не знает. А она — депутат, орденосноска!.. На виду, куда ни кинься.

Он приподнялся на локте, посмотрел на нее жалобно, сказал:

— Да, мать, не можешь ты уж без этого.

— Без чего же?

— Да без этого... всего. Без власти и всего, что она дает. Сломали тебя холуи.

— Холуи, говоришь, сломали? Ха... Холуев, милый мой, еще завести сумеет надо. Да из таких, кто ломается быстрее, чем ты сам.

И она замолчала. Надолго. Гуляев решил — засыпает.

Фраза Валентина ее задела. Холуи сломали! Надо же... С одной стороны, конечно, есть немножко. Когда ее в то кресло, где он теперь сидит, посадили, какой начальник какого подразделения угодить ей не стремился? Не одни совхозные командиры расстились. Многие знали, с кем она, чья она.

...Была такая молоденькая, лукавая... комсомолочка. Секретарь освобожденный совхозной комсомольской организации. Еще со школы научилась правильно говорить, если нужно, с трибуны задорно, зажигательно выступить. Заметил ее покойный секретарь обкома, Сергей Михайлович. Заметил всю как есть: и как говорит,

и что ладная да смазливая. Стал приглашать ее на мероприятия, а после мероприятий всегда что? Обед или ужин. Ну и не одни закуски да запивки тогда на стол ставились, не нынешние времена. Ей тогда только что восемнадцать сравнялось. На обкомовской даче это было. Сергей Михайлович, как водится, вызвал из обкомовского гаража машины развозить гостей и сказал громко, чтоб многие слышали:

— Наташа, ты местная, тебе рядом, обожди, за тобой потом мой шофер приедет.

Но так и не приехал его шофер за ней ни в тот вечер, ни той ночью, ни утром. Наталья все сразу поняла, как только он пиджак с орденами и звездочкой снял, как галстук сорвал с жирной красной шеи. Она боролась, брыкалась, руки его отводила, плакала. Клялась, что девица, что нельзя с ней...

— Мы проверим,— шептал он жарко, неотвязно, полупьяно, тянул руки к ее блузочке.

Проверил. А она — как обгаженная вся с ног до головы — валялась на скомканных простынях его постели. Думала: «Что случилось, то случилось. Надо извлечь из всего этого пользу». И, сцепив зубы, пришла к нему в дом во второй и третий раз.

Как-то он, разомлевший и подобревший от ее ласк, сказал: «Проси, что хочешь, все для тебя сделаю». Она не торопилась, ничего не просила. Ему нравилось это, не замечал, что она только делает вид, что привязана к нему бескорыстно. Но так вышло, что в тот же год осенью ее избрали вторым секретарем райкома комсомола, дали квартиру в Инске. Сергей Михайлович, правда, на квартиру эту к ней не приезжал, посылал машину. Его шофер, преданный как собака, увозил ее на дачу, в охотничий домик. Но все равно многие знали, что они близки. Наталья быстро научилась не стыдиться этой связи. Даже гордилась ею. Не каждую секретарь обкома к себе в постель положит, не из-за всякой станет рисковать партийным билетом. Училась тогда Наталья в Московском пищевом институте заочно. Когда с сессии приезжала, они по три дня не расставались. И все бы ничего, только радости она не знала, ни душевной, ни физической. Наталью это бесило, но бросать своего орденосца, терять такую опору она не могла и не собиралась.

Как только Наталья закончила третий курс, Сергей Михайлович посадил ее замдиректором «Цитрусового». Наталья впервые тогда поняла, что есть настоящее дело, когда не только нужно языком трепать, но и головой думать. Люди к ней потянулись. Потому как идеи у нее в голове крутились свежие, прямо, можно сказать, с передового фронта науки — более того, удавалось ей эти идеи и проталкивать на самом высоком областном уровне, и осуществлять, польза от них стала очевидной, и все это замечали. «Цитрусовый» весной зацвел не только садами. Потянувшихся к ней людей Разинская быстро сколотила в крепкую оппозицию тогдашнему директору. Короче, как только Наталья получила диплом, так старый директор пошел на пенсию. Но злые языки молчали, нечего было сказать. Видели люди: Разинскую руководителем поставили правильно. По делу, по квалификации, по знанию, по сноровке. Молода, конечно, да все при ней. Естественно, Кубань в Шампань, а инские степи в рейнскую долину не превратились, хоть и были к тому потуги. Но... бесхозяйственность, что царила при старом директоре в уборке, сдаче, приемке урожая,

внешне исчезла. Наталья скоро и толково обернула внутренний развал себе на конкретную личную пользу, денежную выгоду — Сергей Михайлович не вечен, как ни крути с ним любовь. А нужные связи завелись на обкомовских ужинах. Там же знали, с кем она, чья она... И уже не надо было Сергею Михайловичу во всеуслышание лгать, что Наталью Валериановну попозже домой отвезут, поскольку ей недалеко. Последнее, что успел сделать для нее Сергей Михайлович, это определить на новую учебу. Протолкнул на высоком уровне, и поехала Наташа в Москву учиться очно на два года, чтоб вернуться крепким советским функционером. В Инске жить, уже из Инска «Цитрусовым» руководить, и не только «Цитрусовым». Работу с мандаринами она активизировала, Гуляева к ней приставила. Потому что товарки по московской учебе рассказывали, сколько по нынешним временам какая должность стоит. Чем южнее, тем дороже. Чем восточнее, тем еще дороже. Наталья жила как раз посредине. Выходило, с одной стороны, беречь надо Сергея Михайловича, а с другой — обеспечить себя деньгами, а сделать это можно было, только придумав фокус с урожаем-однодневкой, кроме того, ей теперь и с Гуляевым приходилось делиться...

Товарки сокрушались, утешались, вспоминая поговорку — сколько ни заплати, все не дороже денег. А она, Наталья Разинская, уж куда дороже заплатила. Ну, ей и вернуться должно сторицей. К Сергею Михайловичу по выходным летала самолетом.

Через два года, как она вступила в должность предоблисполкома, Сергей Михайлович умер. Можно сказать, у нее на руках. Она ему глаза закрыла. Потом натянула на деревенеющее тело пиджаму и уехала к себе, глуша слезы. Дверь оставила открытой. Утром придет за ним шофер, сделает остальное... — тем успокаивала совесть. Не жена же она ему, чтоб сидеть у его смертного одра. Наложница. А на ложе с ним больше делать было нечего.

Гуляев давно за ней увивался. Когда она директорствовала, он главным специалистом был, между боксерскими раундами успел как-то Тимирязевку окончить. Сплетням Валентин не верил. Потому как считал, что после пятидесяти мужик уже и не мужик вовсе, тем более после инфаркта. Как спортсмен, он более-менее в физиологии разбирался. Гуляеву Наталья наплела про московского соблазнителя и сошлась с ним, чтоб не так одиноко было и чтоб не ломал он в «Цитрусовом» ее порядки, да чтоб не зарывался, не обворовал ее ненароком, да не только ее — Шатурко, Иванцов, Николаев уже были к делу подключены, без их прикрытия бизнес бы не пошел, ежу ясно. Наталья следила, чтоб всем доставалось весомо, по долевному участию. Николаев вот только не брал. Но потворствовал. Наталья на него не сердилась — на ее долю больше оставалось. А вот понять, почему он не берет, не могла. Впрочем, Николаев компенсацию имел: пришел капитаном, уже подполковник, академию помогли закончить. Человеком сделали бывшего морячка, который имел весьма скромную специальность учителя средней школы. Наталья хотела про Николаева Гуляеву сказать: мол, дурной он, за так отработывает, только что ж это он так на девке сломался... Да глянула — спит родимый, нос вспотел. И она задремала. Любила она спать в деревенской тишине. Наутро голова ясная, работает, как ЭВМ. И на душе чисто.

XIX

Дом Пряхиной был не чета развалюхе, где жила ее дочь. «И почему бы молодым тут не обосноваться? — невольно подумала Виртанен. — Все в город тянет... В город, рождающий для сельского жителя массу неразрешимых проблем, ставящий ему одному известные капканы, дразнящий соблазнами. Кто знает, не пошел бы Иванцов ради квартиры в УВД, может быть, и жив был бы по сей день...»

Виртанен постучала в застекленную дверь веранды. Откликнулись не скоро. Отодвинулась занавеска, и через стекло Любовь Карловна увидела полное, как у Надежды, млажавое лицо с утомленным, но добрым взглядом ясных глаз.

Дверь открылась.

Виртанен протянула свое удостоверение.

— Доброе утро, Зинаида Агеевна. Я хотела видеть Надежду Васильевну.

Брови Пряхиной медленно поползли вверх.

— А Нади у меня нет... Не приезжала она ко мне. Давно уже.

— Как так? — Люба вдруг заподозрила неладное. — Мне сказали, она взяла отпуск и поехала к вам. Но и с вами мне есть о чем поговорить.

— Да вы проходите, — посторонилась Пряхина, пропуская Виртанен на веранду. — Неправильно вам сказали, — она вдруг внимательно посмотрела в лицо Любы. — Вы не волнуйтесь, цела моя дочка. У тетки она, у сестры моей. Чего ей делать в нашей-то пыли, среди стели да песка? Она к тетке на лиман поехала. Там и покупаться, и рыбки свеженькой, и сады там. Сейчас самые персики. А что?

— Где это? — справилась Люба. — Далеко?

— Далековато. Километров сто, если отсюда. Куда ж вы по жаре поедете? — сочувственно спросила Пряхина, очевидно, решив, что капитан милиции немедленно бросится вдогонку.

— И вообще, может, не стоит лишний раз дочку мою трогать? А то и правда, может, я вам вместо нее все расскажу? Надя мне о вас так хорошо говорила. Такая, говорила, милая женщина, даром что милиционер.

— Что же это она так о милиции? — улыбнулась Люба. — У нас немало женщин, немало и людей хороших служит.

— Ну, как-то... — замялась Пряхина, — а вы проходите, Любовь Карловна, проходите...

В карельских деревнях никогда не видела Виртанен таких комнат Сверхала полировкой дорогая мебель. В нише стѐнки — цветной телевизор. Много хрусталя, фарфоровых безделушек, все дорогое, такие в Петрозаводск привозили из московских магазинов «Ядран» и «Лейпциг».

Люба села в глубокое светлой обивки кресло.

— Что я могу сказать? — со вздохом начала Зинаида Агеевна, устроившись в таком же кресле напротив. — О покойниках плохо не говорят, царствие Мите небесное, — она замолкла. — Мы про него ничего плохого не знали. Как же мы можем сказать, за что его убили? Ни за что, это понятно, не убивают... Значит, что-то было А что?.. — она развела руками. — Я верно говорю?

Виртанен согласно кивнула.

— Люди стали на нас по-разному смотреть. Сочувствуют, конечно, есть и которые осуждают.

— За что?

— Да как же?.. Митю как убили, возле моей Нади самое высокое милицейское начальство вмиг закрутилось! — Женщина сделала характерный жест рукой, словно хотела подчеркнуть последнюю фразу. — Начальство когда внимание оказывает? Вот именно, когда у него самого рыльце нечисто, а кто-то другой за ихние дела поплатился. Вся наша родня так считает.

Виртанен слушала Пряхину и удивлялась. Еще ни одного вопроса не задано, а она будто заранее готовилась к ответам, говорит, говорит...

— Кто именно из руководителей УВД проявлял особенное внимание к вашей семье? — остановила Люба Пряхину.

Та уверенно продолжала:

— Первое время и Шатурко, и следователь, какой дело вел, Шевченко его фамилия, и начальник ОВО Николаев... Уж он особенно старался. Правда, он что... Брат мой, он был матросом, говорит, что Николаев на судах помощником по политчасти плавал, это вроде попа: и исповедь прими, и грех укроти. Привык, в общем, товарищ подполковник с людьми работать, людям в нелегкую минуту помогать. Так он аж всех нас вниманием оделил. И брата, и сестер, и сватью, Митину маманю. Все говорил: не верится, не верится, что сержанта нашего нет на свете. Долго не верил. Последнее время уж и сказать ему хотелось: да не прячем мы Митю, рады бы...

— Я слышала, что Николаев человек отзывчивый. Слышала и другое. — Люба решила сбить Пряхину с «накатанной дорожки». — Вроде слух прошел, жив ваш зять. Слух нехороший. Мол, убежал с поста, от грехов.

Пряхина нахмурилась.

— Не знали мы, — повторила с настойчивостью, — какие грехи могли за Митей водиться. Не знали и не знаем. Для нас он был свой, девять лет они душа в душу прожили, дочка моя не жаловалась. Для нас он был отец внучки моей, хороший отец. И дурно слышать о нем не хочу.

«Не сдвинешь с затверженного», — невольно подумала Виртанен.

— Когда вы виделись с зятем последний раз?

— На праздник. Восьмое марта отмечали здесь, у меня. Они любили в праздник ко мне...

— В каком настроении был в тот день ваш зять?

— В нормальном, праздничном.

— Выпил много?

— Да нет. Обыкновенно. Граммов двести и спать лег.

— Значит, молодые от вас уехали на следующий день? Они что, были свободны утром девятого?

— Митя не работал, он только пришел с дежурства, а Наде надо было выходить с утра. Так они же с приятелем были, у приятеля своя «Волга». В полседьмого поднялись и поехали.

— Что за приятель? Как зовут, чем занимается?

— Зовут Махмуд. А кем работает, разговора не было. Я этого Махмуда первый раз видела.

«Судя по имени, это вряд ли блондин-матрос», — подумала Виртанен и вспомнила рассказ Хрисанфова, как Иванцов что-то обменял не то у горца, не то у грека.

— Откуда Махмуд? Местный? Вы могли бы его описать?

— Не местный,— решительно сказала Пряхина,— это точно. Он еще говорил, что на машине через Пятигорск к нам ехал. А вид у него... Ну, нос орлиный, губы толстые, плотный мужчина, глаза темные, кудрявый...

— О чем говорили за столом?

— О том, о сем...

— О себе гость, что-нибудь рассказывал?

— Да нет. Общий разговор.

— Да о чем же?

— А про все. Про цены, например, говорили. Махмуд сказал, что в Нальчике рынок дешевле, чем у нас. А в магазинах...

«Аресты в Нальчике,— думала Люба,— судя по ориентировке МВД, начались двенадцатого марта. Ради чего в таком случае, если этот Махмуд имеет отношение к торговле наркотиками, он гнал из Нальчика в Инск машину? Праздник встретить в кругу не самых близких знакомых?»

— Зинаида Агеевна, вы хорошо помните, что ваш зять накануне восьмого марта дежурил?

— Прекрасно помню. Он и усталый был. Выпил стакан и спать лег.

— Скажите, а ваш зять и его друг Махмуд не упоминали никаких общих знакомых?

— Не слыжала. Да и какие общие знакомые? Махмуд у нас никого не знает, это я сразу поняла, а у Мити друзей было раз-два и обчелся. Да с этим Махмудом особо и не побалакаешь. Плохо понятно, что он говорит. Мы все больше телевизор смотрели. Концерт, выступали Толкунова, Ротару, Хазанов, Базаркина Махмуд еще Базаркину с Пугачевой перепутал. Смеялись...

— А ваша дочь прежде встречалась с Махмудом, была с ним знакома? Вы не поняли?

— Нет, не знаю. Вроде...

— Писем вашему зятю из Нальчика не случилось получать? Вообще из тех краев, с Кавказа, из Минвод?

— Откуда мне знать? — Пряхина пожала плечами.— Я же с ними не жила. А когда приезжала, никаких писем не видела, да и разговора не было. Надя знает, конечно...

— В таком случае как мне проехать к вашей сестре? Дайте, пожалуйста, точный адрес. Мне не только про Махмуда и письма из Нальчика нужно ее расспросить. Так что уж, извините, Зинаида Агеевна, что приношу неприятности вашей семье, но...

— Ваше дело служивое,— тяжело вздохнула женщина.— Коли надо... Видно, не упросит вас. Напишу вам адрес. Все едино найдете. Сегодня, не сегодня...— ворчливо добавила она, выходя из комнаты. Вскоре вернулась с запиской.

Прощаясь с ней, Виртанен сказала:

— Не покидает меня все время одна мысль. Почему молодые с вами не жили? У вас тут так хорошо. Дом просторный, места много... Казалось бы...

— Мне тоже казалось,— кивнула Пряхина.— И разговор был. Только не хотел Митя из материнского дома уходить. О квартире мечтал. Кто ж им из этих хором квартиру в городе даст?

Люба пошла к машине.

Возле милиционного «Москвича» стояли милиционер-водитель и двое парней. Они озабоченно смотрели на машину, перебрасы-

вались негромкими фразами. Вид у всех троих был огорченный, удивленный.

— Что такое? — спросила Виртанен.

Милиционер-водитель заговорил горячо, с досадой:

— Пошел я перекусить, вон, чайная, кто ж ее знал, эту шпану местную, где ее теперь сыщешь! Нашел бы — уши отодрал! Все, Любовь Карловна, застряли мы тут. Все четыре баллона, мерзавцы, оприходовали. А у меня в запасе, как у всех, только один и есть.

Виртанен поняла, что произошло. И вдруг почувствовала себя в западне, куда ее кто-то умышленно и целенаправленно загонял все эти дни. Все выстроилось в единую цепь: и изъятые показания, и протертая кем-то рация, и уклончивость Иванцовой, и подготовленность ее матери, и эти четыре продырявленные шины... Она посмотрела на двух сочувствующих парней с вопросом:

— Может быть, вы нам поможете?

— А чем, товарищ капитан? — пожал плечами один из них. — От трактора я вам гусеницу дал бы, только не нужно. Нет у нас сейчас автомобиля. Автохозяйство на центральной усадьбе, а машины, что нас обслуживают, одна в разгоне, даже не знаю, где, когда вернется, а две другие на центральную — на ТО вызвали. Точно говорю, я знаю, я механик.

— Откуда можно позвонить?

— С фермы.

До центральной усадьбы Люба не дозвонилась. Дирекция совхоза не отвечала.

— Обед... — проворчала, глядя на нее, работница, составляющая смету на корма. — А с обеда кто куда... Мы тоже, бывает, мучаемся. Мне сейчас эти бумаги, будь они трижды неладны, на подпись к главному направлять, иначе мои кроли на диету съдут, так и послать не с кем. Техосмотр приспичил, а разъездную угнали, небось, в город, начальству какому за продуктами. А тут... Только на свой «одиннадцатый номер» и надейся — он безотказный.

Люба снова вернулась к машине.

Милиционер-водитель сидел в тенечке, покусывал травинку, глядел в сторону. Злой.

— Что хорошего наобещали?

— Ничего. Дирекция не отвечает. Телефонистки город не дают, ремонт на линии. Так что и до УВД не дозвониться. Пойду-ка я пешком. Авось не переломлюсь. Пришлю вам подмогу. Здесь, я так чувствую, нам жрать нечего.

— Да бросьте, Любовь Карловна...

— Дела, их не бросишь. И так много времени зря потеряю. Часа за два дойду до центральной усадьбы?

— Смотря как пойдете. Если по дороге, не дойдете, это часов шесть. А если через степь... — он задумался. — Если по диагонали, так сказать, ну, за три часа, может, доберетесь.

— Тогда пойду через степь, — решительно сказала Виртанен, скинула туфли, взяла их в руки и пошла, цепляя колготки о траву.

Водитель кричал ей вслед что-то вразумляющее.

XX

От долгой ходьбы и душного пряного запаха кружилась голова, и Люба в изнеможении опустилась в ковыль. Пока шла, думала о деле, о Нальчике, Махмуде — ведь это, если повезет, может быть ключевая фигура следствия. Подгоняла себя — лишь бы добраться до проклятого телефона, связаться с Осипенко, с Москвой, найти Быкова... И вот — не выдержала. Изнемогла. Только одного хотелось — чтобы он появился рядом и можно было опереться на его сильные руки.

— Феликс... — со стоном позвала она, — Феликс...

Почему она сторонилась его ласки, вчера не ответила на поцелуй, почему вообще ничего не ответила, почему она должна бояться того, что бьется в ее душе, скрывать свою радость от его взглядов, прикосновений, шагов, голоса? Увезти бы его из этих тяжких, нечистых мест... Утащить от страшных людей, что надвигаются на нее стеной, а значит, и на него надвигаются.

И вдруг услышала, будто разноголосые песни кузнечиков и цикад слились в одну, поднебесную. Вскочила. Невдалеке кружил вертолет. Люба отчаянно замахала руками. Закричала. Несказанно обрадовалась, разглядев опознавательные знаки воздушной милиции. Поняла — се с вертолета увидели.

«Это он послал, — пришла в голову первая мысль, — это он послал искать меня, и сейчас я увижу его, конечно, он здесь»

Она чуть не потеряла равновесие, ступив на вертолетный мелко дрожащий пол. Ее удержали трое молодых ребят. Пилот и два лейтенанта. Усадили. Феликса не было. Конечно, как ей могло только в голову взбрести! Какое отношение он имеет к вертолетчикам, посмеялась Люба над собой, очень, впрочем, довольная, что закончился ее пеший марш-бросок, вырвалась наконец из степи без конца и края.

— Никак, Любовь Карловна, поиском делянок решили заняться! — с улыбкой сказал один из лейтенантов, высокий загорелый блондин, — откуда он ее знает? — Нам вот сверху видно все, но пока ни одной не нашли. Так это с вашей, значит, легкой руки нам такое развеселое задание досталось, подпольные посевы искать? Ну, все могли предположить, а вот что вас найдем — к этому не готовились. Как вы сюда попали?

— У вас нос обгорел, теперь лупиться будет. Сметаны бы, да не запасли, — сказал второй лейтенант, тоже блондин, только ниже ростом, сухопарый и стройный. Форма сидела на нем щегольски. Он дружески подмигнул Любе.

Она машинально тронула кончик носа. Кожа обгорела «Надо же! Эх, северянка, вот ходи теперь «красивая!» Стало чуть-чуть жаль себя. А ведь еще и свидание на вечер назначено. Какое там свидание теперь — завтра бы в Инске оказаться! Вот если только эти симпатичные ребята помогут».

Вертолет завалился набок, застрекотал еще сильнее, разворачивался, набирая высоту. Слышимость в кабине стала отвратительная, но Георгий и Виктор — так представились лейтенанты — поняли все, что рассказала им Виртанен.

— Ну, шофера вашего мы выучим, хотя он-то не пропадет, солдат спит — служба идет! — прокричал на ухо Любе Виктор и

тронул за плечо пилота.— Включай радио, сигнал SOS давать будем.

И пока пилот кратко информировал о происшествии дежурного УВД, Виктор продолжал расспрашивать Виртанен:

— И куда же вы путь держали?

— На центральную усадьбу! — кричала она, не слыша за грохотом винта собственного голоса.— А вы куда летите?

— Территорию совхозную обследуем. Вообще...

— В садах были? Мне очень нужно туда. А потом на центральную усадьбу,— добавила Виртанен, вспомнив о Нечитайло.— У меня там дела.

— Можно,— кивнул Георгий,— горючего хватит. Но в город доставить вас не сможем. У нас база за аэродромом.

...Вертолет долго кружил над садами, порой низко опускался к огородам. Но характерной темной зелени, из которой делают наркотики, нигде не виднелось.

Когда приземлились на небольшую заасфальтированную площадь села, Георгий сказал Виртанен:

— Идите, Любовь Карловна, по своим делам, мы пока посетим участкового, выясним, кто тут хмель разводит, с какой целью, культура тоже подозрительная, а с воздуха мы поросли видели.

Сестра Пряхиной, Валентина Агеевна Смирнова, была в явном замешательстве, на Виртанен смотрела недружелюбно и, как Люба чувствовала, с трудом сдерживала скандальные нотки в голосе, срывалась на крик:

— Да что ж это делается-то, господи! Что ж происходит, родные вы мои?! — негодуяще била себя по крутым бокам.— Что ж это у вас в вашей милиции левая рука не знает, что правая делает! Ведь утром, утром же, приезжали за Надькой из милиции и увезли!

— Да кто? — удивилась Виртанен.

— Не знаю! Увезли! Допрашивать, арестовывать мою голубку увезли! Она, что ль, сиротинушка, мужика родного извела, она, что ли, вот я вас спрашиваю, если уж откровенно говорить?!

Люба была потрясена.

— Эти люди были в форме?

— Черт их разберет! В рубашках, как твое платье, тоже вроде голубые... Не разбираюсь я!

Что же могло произойти в управлении? Если из милиции здесь были утром, значит, решили увезти Надю еще вчера. Значит, вчера уже в управлении знали точно, где находится Иванцова. Но почему тогда сразу же не дали знать ей, Виртанен? Или это чья-то частная инициатива? Может, Шевченко хочет добиться от Иванцовой неких показаний, чтобы как-то реабилитироваться в глазах комиссии служебного расследования?

И вдруг Любе стало страшно. Если Шевченко — тот самый покровитель убийц сержанта... И теперь он... Ведь Надежда так и говорила: «Я молчу, потому что вслед за Митей не хочется, ребенок на руках...»

Люба быстро пошла к вертолету. Виктор и Георгий лениво отгоняли не в меру любопытствующих мальчишек

XXI

— Значит, милочка, и натопалась, и налеталась,— скептически сказала Нечитайло, оглядев усталую, в помятом платье Виртанен, когда они вместе направились в дирекцию совхоза.

— В принципе теперь, когда всплыл Махмуд, практически одновременно исчезла Надежда Иванцова, твой важный свидетель, ты имеешь полную возможность просить у прокурора санкцию на обыск у Иванцовой.— Нечитайло вдруг остановилась и с досадой ударила в ладони.— Эх, вечно ночи не хватает! А ведь могло бы все сойтись, и твои данные, и мои на одну дорожку могут вывестись! Прокуратура сразу поймет, наркотики — дело побочное... Если бы ты повезла в прокуратуру мои материалы уже сегодня! Дело вышло на финишную прямую. Может, подождешь до завтра?

— Нет, мне сегодня нужно обязательно быть в Инске. И в Москву нужно звонить,— с заминкой, думая о Николаеве, ответила Люба.

— Кстати,— отозвалась Нечитайло,— Москву здесь заказывать не надо. Автоматика работает.

Директора на месте не было. И Виртанен решила, что может достаточно свободно поговорить с Быковым.

Секретарь Гуляева любезно пригласила Виртанен к столу, уставленному многочисленными телефонными аппаратами. Указав на белый, деликатно удалилась. Люба, набрав одиннадцать цифр, услышала гулкое молчание, потом словно что-то дыхание и, наконец, совсем рядом отчетливо голос полковника Быкова.

— Вячеслав Иванович,— докладывала Виртанен,— проведены следующие мероприятия: опознанный матросом Сергеевым человек также опознан сотрудником ОВО УВД Кашиним. Более того, очевидно, Кашин оказался свидетелем торга между неизвестным и Сергеевым при продаже пистолета. Предполагается, что неизвестный является матросом одного из двух судов: либо «Сиваша», приписанного в порту Жданов, либо «Красногвардейца», Горьковского речного пароходства. В Жданов и Горький посланы фоторобот и словесное описание неизвестного. Установлено, что погибший Иванцов являлся наркоманом. Также установлен факт его знакомства с неким Махмудом. Имеются данные, что Махмуд может проживать в городе Нальчике, где за неделю до убийства Иванцова был арестован один из группы заготовителей наркотиков. Усматриваю здесь причинно-следственную связь, полагаю необходимым проверить телеграфные сообщения между Нальчиком, Ждановым и Горьким, начиная от времени первого ареста в Нальчике до дня убийства Иванцова. Не исключаю, что из Нальчика был подан сигнал тревоги. В результате чего Иванцов мог быть устранен как связующее звено между поставщиками сырья и изготовителями и распространителями гашиша.

— Значит,— перебил Виртанен полковник Быков,— по этим же адресам направим и фоторобот. Отлично, Любовь Карловна. Я сам свяжусь с сотрудниками Горьковского, Ждановского, Нальчикского управлений. Как там Нечитайло?

— Заканчивает работу с документами. По ее мнению, через Иванцова шли не только наркотики, но и «левые» фрукты.

— Подтвердите вашу версию документами. Я свяжусь сейчас с прокурором Инска, попрошу помочь вам. Как вам работается, особых помех не чувствуется?

Наступила пауза, и опять Любе почудилось в трубке чье-то сдерживаемое дыхание. Скорее всего, помехи на линии: секретарь ушла, в кабинете Гуляева никого нет, даже дверь открыта. Но что ответить Быкову? Продырявленные шины, пожалуй, мелочь, не заслуживающая внимания Москвы. Иванцова? Сейчас Любе уже казалось, никто не прячет Надежду, она сама прячется, пугая следы.

— Спасибо за заботу, Вячеслав Иванович,— ответила Виртанен.— Конечно, есть определенные трудности, но не больше, чем в любом другом следствии.

— Ну-ну, тем лучше. Жду ваших сообщений. Спасибо за службу, Любовь Карловна.

— Всего лучшего,— ответила Люба, прощаясь с полковником.

Ни Виртанен, ни Быков не подозревали, что их подслушивают. Гуляев сразу, став директором, установил у себя дома телефон, параллельный с телефоном приемной дирекции, чтобы начальство всегда (даже в постели) могло найти директора совхоза «Цитрус-овый» на рабочем месте.

Дождавшись, когда Виртанен положит трубку, Разинская нажала на рычаги «домашнего» аппарата, в изнеможении откинулась в кресле, волосы у висков взмокли от пота. Так и держала трубку в руках, словно собиралась куда-то звонить, с кем-то связываться, одним словом, действовать... Но она не знала, что делать. Ощущение провала, полного провала сковывало ее. Гуляев со страхом смотрел на изменившееся лицо.

— Что?!!

— Наркотики...— процедила она сквозь зубы, овладев собой. Нет, всего она этому паникеру не скажет, дело надо теперь целиком брать в свои руки, передовериться кому-либо — смерти подобно! — Наркотики... Это не наше собачье дело. Пошли в контору. Там увидим, что к чему.

Гуляев понял, что Наталья не сказала ему главного, и еще больше испугался.

Разинская, поднимаясь, положила трубку на рычаг. И тут же раздался звонок второго аппарата. Гуляев ответил сам.

— Конечно, поможем, Любовь Карловна. Через десять минут буду в дирекции, все утрясем. Что же вы раньше-то не звонили? Да хоть с фермы!

Когда Гуляев и Разинская подошли к административному зданию, они увидели у крыльца Виртанен и Нечитайло.

— Пожалуй,— вдруг сказала Наталья,— я отвезу Любовь Карловну в город сама. Пойди найди моего шофера, Валентин.

Когда Люба садилась в черную «Волгу», Нечитайло, сунув голову в открытое окно машины, проговорила настойчиво:

— Чтобы завтра, повторяю, ты все забрала. Никого не присылай. Не подведи.

XXII

Николаев ждал Любу в кафе напротив гостиницы. Сидел за остывшим кофе и безотрывно смотрел на помпезные двери отеля. А что тут собирается делать Разинская, удивился он, увидев, как

у этих дверей остановилась ее «Волга». И почему Люба выходит из нее? Он испугался. Что еще замыслила эта подлая женщина?

Люба спокойно поднималась по лестнице, махнула рукой сидящей в машине Разинской и, когда машина тронулась, огляделась, но Николаева, перебегающего на красный свет улицу, не увидела. Он подбежал к ней.

— Люба! Как ты попала в машину Разинской?

Виртанен, не отвечая, взяла его за руку.

— Феликс! Я приехала сюда только потому, что знала: ты ждешь меня. Но мне очень нужно ехать к Иванцовой. Работники прокуратуры наверняка там. Ты с машиной?

— Что стряслось? — оторопело спросил Николаев.

— Долго объяснять. Лучше поедем.

У дома Иванцовой действительно стояла машина прокуратуры. Когда Виртанен и Николаев зашли в дом, знакомый Николаеву помощник прокурора и еще два сотрудника обстукивали стены. В углу дивана, уронив голову на руки, сидел брат погибшего сержанта.

— Пока ничего нет, — сказал помощник прокурора Виртанен и, как-то странно глянув на Николаева, добавил: — Привет, Феликс...

— Надеюсь, не помешал?.. — с вызовом ответил тот.

Люба огляделась в кухне, из которой вынесли практически все, кроме газовой плиты, убрали и дотопканные половики.

— Как странно, — сказала она громко, — Иванцова жаловалась мне, что от ветхости полы прогибаются под ногами. А смотрите, здесь, в кухне, доски пола вполне крепкие, явно новее тех, что в комнатах.

Из комнаты отозвался помощник прокурора:

— Мы как раз собираемся полы поднимать. Погреб во дворе уже обследован. Кстати, хозяйки тут давно нет — пыль на вещах в два пальца. И родственник ничего не знает, что с ней, где она. — Он кивнул на сникшего брата Иванцова.

Николаев вдруг опустился на одно колено рядом с Любой и, взяв со стола массивный кухонный нож, постучал по доскам пола. Они гулко отозвались.

— Любовь Карловна, позовите понятых.

Николаев нашел паз. Поддел доску ножом, она легко поддалась.

— Даже гвоздями не скрепили, значит, часто лазили, — подняв голову, сказал он.

Когда вторая доска так же легко отошла, все увидели лежащий вверх приоткрытой дверцей канцелярский сейф, уложенный в аккуратно заделанную, обшитую проолифенным тесом яму.

— Ну и ловок, Феликс Николаевич, — удивленно, с огнем неприязни проговорил помощник прокурора, — будто знал, где искать.

Николаев встал, отряхнул брюки и отошел в сторону.

Помощник прокурора начал обследовать тайник. Взял носовой платок, раскрыл сейф. Там было пусто. Раскрыл верхний ящик, ощупал стенки изнутри. Ничего. И вдруг замер.

— Внимание! — сказал он. — Там что-то есть. Любовь Карловна,

готовьтесь писать протокол,— и вытащил новую, не согнутую, не мятую пятидесятирублевую купюру.

— Вносите в протокол: на задней стенке верхнего отделения сейфа обнаружена прилипшая денежная купюра достоинством в пятьдесят рублей. Все говорит о том, что она была здесь не одна.— Он назвал номера купюры.

Когда понятые и ошарашенный представитель иванцовского семейства ушли, Николаев задумчиво проговорил, отведя Виртанен к окну:

— Два варианта, Любочка. Иванцов жив, и Надежда, забрав, так сказать, банк, рванула к нему. Тогда мы ее не скоро найдем. Или... Или она уехала к дядьке, больше ей деваться некуда. Она забыла, что я знаю всю ее родню. Еще тогда я думал, что Иванцов жив. Очень хотел найти или его самого, или его след... Я очень хотел помочь уже тогда... Но как же я ошибся в Надежде!..

— Едем сейчас же, это далеко?

— Двести пятьдесят километров. Но не суетись, Любаша... Сейчас нельзя суетиться. Нужно поехать в центр и нам с тобой появиться на людях с самым беззаботным видом.

— Почему? — ее глаза расширились от изумления.— Пока мы будем изображать беззаботность...

— В Турцию Иванцова не уйдет,— улыбнулся Николаев.— Прокурорские закончат это дело без нас. Я скажу им, пусть ищут Иванцову по знакомым в городе, пусть свяжутся с родней ее мужа в Азове. Может быть, она у подруг по карандашной фабрике, где давно работает. А может быть, где-то рядом, у соседей.

— Но где деньги?

— Конечно, в любом случае, где бы она ни была, при ней! Такие люди считают самым удобным местом хранения не сбербанк, а чулок или, извини, бюстгальтер.

Она смутилась, и Феликс понял, что не стоило упоминать интимные дамские принадлежности. И вдруг ему стало беспричинно весело.

Он подошел к помощнику прокурора, быстро переговорил с ним и, вернувшись к Виртанен, сказал:

— В поселок Рыбачий мы отправимся в ночь. Они будут там к полдню,— он кивнул на прокурорских работников,— конечно, если не обнаружат Иванцову в Инске или в Азове. Распоряжение о ее задержании уже имеется, он мне сказал об этом. Нам с тобой тут больше делать нечего.

— Откуда ты знал, где искать тайник?

— Не знал: Ты подсказала. А кроме того, посмотри, как настигается дощатый пол. Даже из-под краски видны шляпки гвоздей. На этих досках никаких следов работы с молотком я не увидел. Только и всего. Люба, оставь свою подозрительность. Убийц ты почти нашла. Что еще...

Она перебила его:

— Еще мне нужно найти человека в вашем УВД, который покрывал убийц, фальсифицируя следствие, мешая мне...— горячо заговорила Виртанен.

— Тише, тише...— настороженно остановил ее Николаев и добавил шепотом,— такого человека в УВД нет.

— Есть! Должен быть!

Николаев только усмехнулся. Ну что, отдать ей Разинскую?

Рассказать про мандаринчики? Объяснить, как решили из дурака Шевченко сделать козла отпущения? Он сначала должен помочь ей завершить дело. И вдруг Николаев подумал, что если убийство Иванцова связано только с его причастностью к банде торговцев наркотиками, то Виртанен не станет заниматься «Цитрусовым» и цитрусами. Она будет анализировать путь наркотиков, а не мандаринов. И тогда его лично следствие не коснется

«Спасительная мысль,— заключил про себя Николаев,— и исключительно подонистая. Понятно — рождена любимой страусиной позой, в которой жил, не замечая, как неудобно держать голову под мышкой... Но все же сейчас я промолчу. Так страшно потерять Любашу».

— О чем ты так тревожно думаешь, Феликс? — спросила его Люба.

Он не ответил, пошел к двери. Она неуверенно оглянулась на работников прокуратуры и пошла за Николаевым.

— Мы весь Инск, все УВД на ноги поднимем, а Иванцову найдем,— успокоительно заверил Виртанен помощник прокурора.— Отдыхайте спокойно, Любовь Карловна. Это же надо, милицейской машине шины проколоть!..

«Быстро, однако, здесь разносятся новости»,— подумала Люба.

Николаев уже сидел в своих «Жигулях».

— Сейчас мы едем в ресторан,— сказал он, улыбаясь.

— Сумасшедший! — усмехнулась Виртанен, устраиваясь на заднем сиденье.

— Кое-кому надо пыль в глаза пустить.

— Кому? О ком ты все время говоришь? Ты уже заявил, что и раньше хотел кому-то помочь... Что в УВД...

— На УВД жизнь не кончается, дорогая моя. Твои ощущения, мои догадки — их к делу не пришьешь. Вот возьмут Иванцову... Или ты хочешь, чтобы тебе опять помешали?

— Ладно, что с тобой, сильным мужчиной, может сделать слабая женщина?! В ресторан, так в ресторан,— нехотя примирилась Люба.— Но мне нужно переодеться. Не могу же я появиться среди вашего бомонда в форменном платье с погонями?

...В гостиничный номер они зашли вместе. Люба, торопясь, распахнула шкаф и отпрянула, пораженная.

— Феликс,— протянула она горько и растерянно,— Феликс, у меня порезали всю одежду...— Она взяла в руки вешалку, с которой свисали разноцветные лоскутья.— Даже мундир...

— Спокойно,— сам не зная почему, сказал Николаев — Это все ерунда. Не плачь, Люба.

А она и не плакала...

«Разинская. Такое могла придумать только она,— решил он.— Пытается напугать. Что же опасного для себя усматривает Разинская в действиях Любы? Ведь Люба идет по другому следу. Знает, что-то произошло в совхозе. Или Люба рассказала мне не все».

Он приоткрыл дверь, вытащил ключ, запер номер изнутри.

— Ну вот, так надежнее... Ты только не горюй. Я с тобой.

Ее огорченные глаза смотрели непонимающе, как у напрасно наказанного ребенка.

Николаев подошел к телефону и решительно снял трубку

— Феликс,— Люба нажала на рычаг,— не вызывай милицию. Давай примем условия их игры.

— Думаешь, высунутся? Не надейся!

Он подошел к раскрытому шкафу, сочувственно, сокрушенно покачал головой и полубонял Любу за плечи. Почувствовал ее тепло. Она прильнула к нему, Феликс отвел ее пушистые волосы и поцеловал в висок. Она стремительно обняла его. И так они стояли...

— Я вчера шла через степь. Долго-долго. Босиком,— прошептала она, жалуясь.— Я звала тебя... Меня подобрали вертолетчики.

Он оторопел.

— А меня так и подмывало поехать туда за тобой. Как хорошо, что мы вместе...

— Хорошо...— отозвалась она, опустив руки, и доверчиво заглянула в его глаза.— Что же мне теперь делать? В чем я пойду в твой ресторан?

Он бодро ответил:

— Платья — ерунда, дело житейское, наживное. Посмотри, хоть купальник цел? Пойдем на пляж.

Она вяло порылась на полке с мелкими вещичками. Купальник не тронули.

— Переодевайся. И мой совет: найди какой-нибудь целлофанчик, сложи туда партбилет, паспорт, служебное удостоверение, командировку,— все документы, что есть при тебе, и возьми с собой. Я не шучу и не перестраховываюсь.

В большой пакет с зелено-оранжевым драконом Люба сунула казенное полотенце и свою сумочку с документами. Из номера они вышли вместе. Когда Люба запирала дверь, Николаев невольно обернулся — ему показалось, в конце коридора к черной лестнице метнулась какая-то фигура. Ясно, что за ними следят. Да, он был прав в своих догадках. Да и как могло быть иначе? Узнать бы, кого Разинская пустила по их следу? Но Любу пугать он не стал. Только крепко взял ее за руку и повел к машине.

Они выехали на дикий пляж. Курортники уже расходились. Темнело. Казалось, на пляже они совсем одни. Спокойное море поделила пополам лунная дорожка.

Они еще раз искупались. Кажется, Люба начала приходить в себя, но Николаев мучительно думал — за что так обошлись с Любой, что произошло в совхозе? И он спросил:

— Как же вышло, что ты ехала с Разинской?

— Она сама вызвалась меня подвезти. Симпатичная женщина. Мило побеседовали дорогой. Я много узнала об Инске, о том, как растут мандарины.

— А что ты ей говорила?

— Ничего!.. Она ни о чем и не спрашивала.

— Странно. Неужели ее не интересовало твое расследование?

— Нет. Да и какое отношение... А вот Гуляеву сегодня будет явно не по себе. Его ждет окончательный допрос Нечитайло, а у нее в руках против него убийственные факты.

Николаева как кипятком ошпарило. Неужели все-таки Гуляев решил убрать Иванцова? Неужели Дмитрий потребовал повысить ставку? Так и повысили бы — хотя бы за его, Николаева, счет. Ведь он от своей доли отказался сразу и категорически. Уж коль придет расплата, думал тогда, не за хищения привлекут. Только за пособничество. Да разве этого мало? Хватит мусолить одно и то же!

Он долго молчал. И вдруг сказал:

— Я тебя полюбил. Всерьез...

Он услышал ее частое, прерывистое дыхание. Приподнялся и низко склонился над ней.

Она вздрогнула и выбросила вперед ладони, защищаясь

Он решил, она испугалась того, что вот-вот могло произойти между ними.

— Ну что ты, что ты,— забормотал он.— Никогда ничего против твоего желания..

— Я просто слишком давно одна.— В ее дрожащем шепоте слышались и сожаление, и просьба о прощении.

— Милая, это же счастье, когда рядом целомудренная женщина. Не нужно бояться меня.

Он чуть отодвинулся, лег рядом. Его губы, когда он заговорил снова, касались ее щек.

Признаюсь я, что двое мы с тобою,
Хотя в любви мы существо одно.
Я не хочу, чтоб мой порок любой
На честь твою ложился как пятно
Пусть нас в любви одна связует нить.
Но в жизни горечь разная у нас.
Она любовь не может изменить,
Но у любви крадет за часом час
Как осужденный, права я лишен
Тебя при всех открыто узнавать,
И ты принять не можешь мой поклон.
Чтоб не легла на честь твою печать.
Ну, что ж, пускай! Я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю!

— О чем ты, книжный человек? — она протянула руку и погладила его по волнистым густым волосам.— Лучше поцелуй меня.

Но он не успел коснуться ее губ. Сверху, со скалы, на них посыпались мелкие камушки. Люба вскрикнула, схватившись за ушибленное плечо.

Николаев услышал тяжелые шаги. Вот так, и здесь их держат под контролем. Сегодня это кстати. Пусть Разинская успокоится. Еще полчаса, и можно ехать.

XXIII

Разморенная морем, купанием, нелегким днем, Люба поначалу придремывала, и Николаев вел машину осторожно, бережно храня минуты краткого покоя. Теперь, когда он объяснился, ему стало легче, и он чувствовал, как дорог ему каждый миг, проведенный рядом с нею. Но двойственность его положения, неопределенность будущего тяготили все больше. И все же он знал, что принадлежит теперь только этой женщине, ей одной — что бы ни случилось дальше, как бы лихо ни пришлось... И даже хорошо, что она не ответила словами любви. Даже хорошо, что она молча приняла его чувство. Не отвергла же, не укорила, не отказалась от него.

Чем ближе они подъезжали к Рыбачьему, тем чаще Люба просыпалась, оглядывая дорогу, спрашивала, скоро ли.

Взошло солнце, и она оживилась, заговорила о тайнике, деньгах, о контрасте облика и образа жизни Иванцовых с тем тайным, что, наверное, составляло главное для них, открывало манящие

перспективы, дарило будущее,— и они не думали, думать не хотели, как оно ненадежно.

— Вот, Любаша, и финал нашим разговорам о вине времени, пространства, человека, судьбы,— подытожил Николаев.— Что надо было Иванцову? Я часто думаю, Люба, отчего происходит перерождение. Готового ответа у меня нет. Но я сужу по некоторым своим однокашникам. Учился с ними в Академии МВД, некоторых неплохо знаю. Многие из них заняли вакансии, открывшиеся после капитальной встряски органов. Руководящие вакансии, заметь! И что же? Представь себе, некоторые из них уже сидят... А ведь они шли служить с чистыми руками, благими намерениями. Так же, наверное, как в свое время все те, чье место они заняли. Что же происходит? Какие люди или обстоятельства толкнули их на скользкую дорожку? Видно, пока мы не найдем и не уберем первопричину, так и будет, как на кардиограмме инфарктника — то вверх острим, то вниз, резко вниз. Но в чем эта первопричина? В морали, экономике, внутренней или кадровой политике? Иногда я думаю, все дело в социальной и экономической незащищенности.

— Что-то новое,— заинтересовалась Виртанен.

— Новое? Разве для тебя новость, что воровали министры, их заместители, секретари обкомов? Не говоря уже о мелкой сошке. Почему они воровали, как думаешь, Люба?

— Я думаю потому, что эти люди оказались непорядочными.

— А я думаю, ими двигал страх перед будущим. Турнут на пенсию, и конец. Был всем, а стал ничем. Значит, надо готовить тылы. Вот и готовили, каждый по возможностям, пытаюсь сохранить свой образ жизни на уровне привычных притязаний.

— Нет, Феликс Николаевич, я с тобой не согласна. Во-первых, вся мировая литература от Гобсека до Скулого рыцаря демонстрирует, что алчные люди, в нашем же случае — чиновные преступники, насытиться не могут, им все мало. Значит, не от нужды они тянут. И вообще, чем выше положение человека, тем щепетильнее он должен относиться к своим потребностям, и к образу жизни. А раз этой щепетильности тоже не обнаружили...— Люба пожалала плечами,— нечестные они люди, вот и все объяснение для перерожденца любой социальной ступени. Мне все равно, министр, завмаг, секретарь обкома или снабженец. Вор, он и есть вор. О чем тут говорить?

— Я, Люба, говорю о причинах, по которым честный человек становится нечестным. Вором никто не родится. Увы, раньше я не задумывался...— добавил он с горечью.

— Что-то я могу тебе объяснить. Дело не в деньгах и не в тылах. Дело в том, что плохо контролируемая власть, даже самая маленькая власть, порождает в ее носителе чувство абсолюта, это даже выше, чем чувство безнаказанности. А если речь идет о большой власти? Вот зачем нам нужна настоящая гласность, то есть жизнь в открытую, когда каждый может показать: мне нечего стыдиться и нечего скрывать.

— Твоя модель слишком идеальна, Любочка.

Николаев задумался. Смотрел на бегущую дорогу. Слова остаются словами... А жизнь? Вот его жизнь — подполковника на полковничьей должности... Что за мрак тогда окутал ее? От безвыходности, в которой, как казалось, очутился? От окружения, из которого, думалось, не вырваться до смерти? Какой бес попутал? Да... Были у беса, даже у бесов, конкретные имена, отчества и фами-

лин. С чего все это началось? С указания бывшего первого, покойного Сергея Михайловича, накрыть стол к празднику под трибуной? Как накрыть? Да просто. Звони на ликеро-водочный, на мяскокомбинат, на рыбозавод... Пусть вынесут деликатесов к праздничку. Деньги? Какие еще деньги? Или ты не начальство? Или мы не начальство? Или ты начальство не чтишь? Или тебя за начальство не держат? Рыба гниет с головы. А человек? С кошелька?..

Они почти не заметили, как подъехали к поселку.

Николаев уверенно повел машину по улицам Рыбачьего. Пастух гнал непроснувшихся коров. Отбившийся от стада теленок долго удивленно смотрел вслед машине.

Скоро они остановились перед добротным домом, поросшим диким виноградом. Вокруг стояла утренняя тишь. Тихо пели птицы.

— Спят тут еще, должно быть, — проговорила Люба, приподнимаясь на цыпочки, чтобы заглянуть в высокое окно.

Николаев постучал в ставню.

— Чего надо? Кто там? — послышался недовольный голос Иванцовой.

— Я, Николаев, — отозвался подполковник.

— Ой! — истерически взвизгнула Надежда.

Николаев и Виртанен услышали ее послешные тяжелые шаги, где-то там, со стороны огорода, резко скрипнула и захлопнулась дверь.

Николаев и Виртанен недоуменно переглянулись.

— Видимо, мы не вовремя, — спокойно заметила Люба.

— Часто бывает, мы не вовремя появляемся, — философским тоном сказал Николаев, имея в виду милицию вообще. — Ну и что? Мы не на чай, однако...

Он поднялся на крыльцо и решительно постучал в дверь.

— Откройте, Надежда Васильевна! — крикнула Виртанен. — Откройте!

Минуты три стояла тишина. Потом из-за двери послышались осторожные шаги.

— Фелкс, — шепотом окликнула Николаева Люба, — слышишь? Она плачет...

— Да, похоже, завыла... То ли будет, когда прокуратура явится. — процедил он сквозь зубы.

— Надежда Васильевна, откройте дверь, или мы пригласим понятых и применим силу! — громко отчеканила Виртанен.

Распахнулось окно. Из-за тяжелой занавеси показалось красное, искаженное гримасой отчаяния лицо Иванцовой. Руки у нее ходили ходуном.

— Пусть он уйдет! Он пусть уйдет! — выпалила она, указывая на Николаева. — Уйдите, добром прошу, косу возьму, топор возьму!.. Приехал, чтобы все на меня свалить? Нет, не выйдете! Уйдите!..

Люба инстинктивно попятилась. Николаев крепко взял ее под локоть.

— Что с вами, Иванцова? Открывайте дверь! Официальный допрос. Или вы предпочитаете, чтобы мы вас сейчас задержали? Препроводите вас в райотдел? Там будете разговаривать.

Женщина хлопнула ставнями, зарыдала в голос.

— Зачем ты с ней так резко? — укоризненно сказала Виртанен. — У вас же были вполне нормальные отношения...

Николаев хмуро промолчал. Ему нечего было ответить. Не мог же он признаться Любе, что теперь, после обыска у Иванцовых, он почти возненавидел Надежду, поняв, что она многое знает и его судьба вдруг так неожиданно оказалась в руках этой хитрой бабы, долго прикидывавшейся жалкой простушкой.

— Почему она не хочет с тобой говорить? — спросила Виртанен.— Что значит «свалить все на нее»?

— Сам не пойму...

Голос Иванцовой зазвучал рядом, глухо, видно, она стояла совсем близко к двери:

— Уйдите, Феликс Николаевич, видеть вас не могу. Всех вас не могу видеть! Ненавижу... Убийцы, подонки...

— У нее истерика, — понимающе сказала Виртанен.— Я попробую сама. Действительно, отойди, Феликс. Иди в машину.

— Ни за что. А если там еще кто-то есть?

— Отойди хотя бы в сторону, чтобы она не видела тебя. Надежда Васильевна, вы меня слышите?

— Да, — глухо донеслось из-за двери.

— Вскрылись некоторые новые обстоятельства. Мне необходимо в интересах следствия уточнить ряд фактов. Подполковник Николаев ушел.

— Какие еще факты?

— Кто такой Махмуд?

Иванцова молчала минуты две, только потом из-за двери донеслось:

— Вы, Любовь Карловна, идите к черной двери. Я выйду к вам.

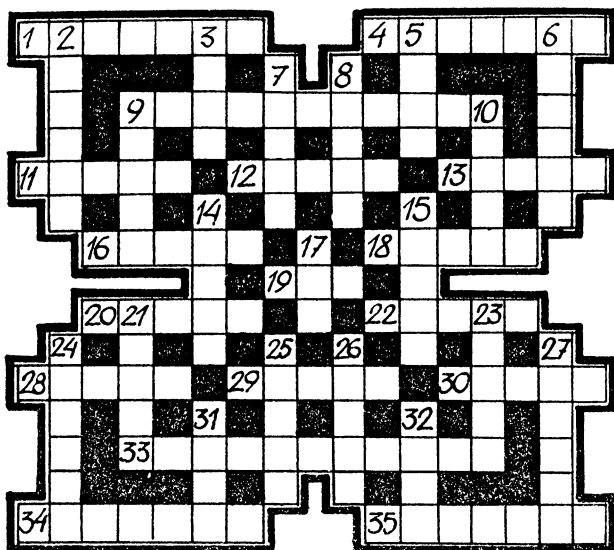
— В доме еще кто-то... — предостерегающе сказал Николаев, когда Люба проходила мимо угла, где он затаился. Она только махнула на него рукой.

Боковым зрением увидела старый, запущенный сад, грядки, цветочные клумбы, пустые ведра, большие оцинкованные лейки, гамак, колодец.

На пороге черного крыльца стоял пустой детский горшок. Любе пришлось перешагнуть через него. Сколоченная из разнокалиберных досок дверь чуть приоткрылась. Виртанен толкнула ее плечом и вошла в душную, уставленную трехлитровыми банками с засахарившимся вареньем сенцы. Потянула носом. Нет, самогонкой не пахло. Она уже подумала, что испуг Иванцовой объясняется тем, что милиция застала ее или кого-то из домашних за этим привычным теперь в деревне занятием. Об обыске она еще не могла знать.

(Окончание следует)

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 1. Советский кинорежиссер, народный артист СССР, постановщик фильмов «Лично известен», «Чрезвычайное поручение». 4. В международном праве выбор гражданства. 9. Специалист по разработке системы специальных приемов и средств собирания, исследования и оценки судебных доказательств. 11. Название агента охранного отделения. 12. Утверждение, требующее доказательства. 13. Крестьянин-общинник в Древней Руси. 16. Преступление, выражающееся в самовольном оставлении места отбывания наказания или меры пресечения в виде заключения под стражу. 18. Государственное имущество, денежные и иные средства. 19. Одна из ступеней многоступенчатой избирательной системы. 20. Должностное лицо, разрешающее дела в суде. 22. Мнение, выраженное голосованием. 28. Государственный строй. 29. Совокупность общеобязательных правил поведения (норм), установленных или санкционированных государством. 30. Денежное взыскание, мера материального воздействия на лиц, виновных в нарушении определенных правил. 33. Русский адвокат, защитник на политических процессах (дело «193-х» и др.). 34. Советский киноактер, народный артист СССР, снимался в фильмах «Суд», «Трактористы» и др. 35. Крайнее проявление чего-либо, излишество (невоздержанность).

По вертикали: 2. Русский шахматист, юрист. Чемпион мира в 1927—1935, 1937—1946 гг. 3. Советский военачальник, командарм 1-го ранга. В 1937 году репрессирован. Реабилитирован посмертно.

5. Корабль или иное имущество, захваченное в морской войне и переходящее по международному праву в собственность захватившего. 6. Ввоз товаров или капиталов в страну из-за границы. 7. Группа бастующих рабочих, патрулирующих в районе забастовки. 8. Тайная террористическая организация, использующая методы шантажа, насилия, убийств. 9. Убеждения, взгляды, основы мировоззрения. 10. Один из главных героев телесериала «Следствие ведут знатоки». 14. Основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью. 15. Нормативный акт, принятый высшим органом государственной власти. 17. Кратковременный рост капиталистической промышленности и торговли. 21. Предмет или обстоятельство, уличающее кого-то в чем-либо. 23. Свод правил, положений, устанавливающий организацию, устройство, порядок деятельности чего-нибудь. 24. Список, перечень, опись. 25. Специалист по юридическим вопросам, юридическим наукам. 26. Денежная сумма или другая имущественная ценность, выдаваемая в счет предстоящих платежей. 27. Соотношение взаимосвязанных показателей какой-нибудь деятельности, процесса. 31. В буржуазном праве безусловный (абсолютный) или условно ограниченный запрет, налагаемый одним органом власти на постановления другого. 32. Союз мужчины и женщины, порождающий взаимные права и обязанности.

Составитель А. БАЛИН

г. ДНЕПРОПЕТРОВСК

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 3 за 1989 год

По горизонтали: 7. Диктатор. 8. Папиниан. 10. Кража. 11. Умысел. 12. Мораль. 15. Адат. 17. Перевод. 18. Закс. 19. Гернет. 20. Деликт. 24. Факт. 25. Задаток. 26. Нрав. 29. Запрос. 30. Пленум. 31. Полак. 33. Дипломат. 34. Гарантия.

По вертикали: 1. «Пирамида». 2. Чартер. 3. Полк. 4. Тара. 5. Диплом. 6. Базилика. 9. Лаптев. 13. Делегат. 14. Полевой. 16. Трест. 18. Закон. 21. Заказник. 22. Кабала. 23. Капустин. 27. Подлог. 28. Случай. 31. План. 32. Край.

Ответы на задачи юридического практикума

Задача 1

Ивченко нашел клад. В соответствии со статьей 148 Гражданского кодекса РСФСР кладом считаются зарытые в земле или скрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен или в силу закона утратил на них право. Клад поступает в собственность государства и должен быть сдан обнаружившим его лицом финансовым органам. В этом случае ему выплачивается вознаграждение в размере 25 процентов стоимости сданных ценностей. Однако если раскопки или поиски таких ценностей входили в круг служебных обязанностей лица, обнаружившего клад (к ним, в частности, относятся и работники археологических экспедиций), вознаграждение не выплачивается.

Задача 2

Ваза разбилась случайно. Риск случайной гибели или порчи продаваемых вещей несет собственник (статья 138 ГК РСФСР). Кого же в данном случае считать собственником вазы? Статья 135 ГК РСФСР предусматривает, что право собственности возникает у приобретателя имущества с момента передачи вещи (если иное не предусмотрено законом или договором). Поскольку вазу Жуков еще не получил, собственником считается магазин, который обязан вернуть Жукову уплаченные им деньги. В свою очередь, магазин может взыскать стоимость вазы с Деевой, если будет установлена ее вина.

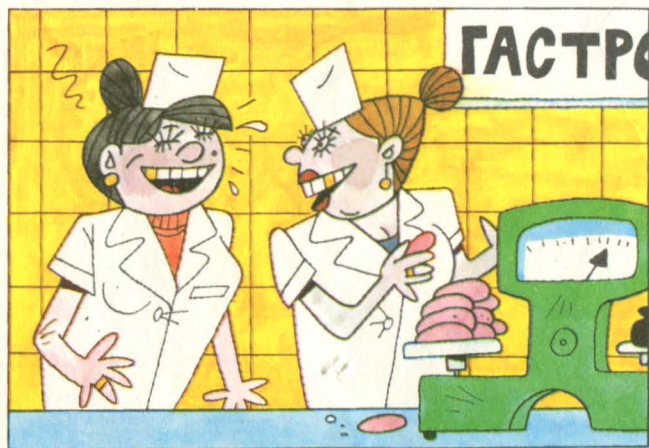
Задача 3

В соответствии со статьей 252 ГК РСФСР продажа товаров в кредит производится по ценам, действующим на день продажи. Последующее изменение цен на проданные товары не влечет за собой перерасчета. Так что Дымов должен выплатить за радиоприемник 100 рублей.

Сдано в набор 25.01.89. Подписано в печать 20.02.89. А 08309.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6.72 Усл. кр.-отт.
7.56. Уч.-изд. л. 9.40. Тираж 10 015 000 экз. (1-й завод: 1 815 000 экз.).
Заказ № 143. Цена 60 коп.

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП
Москва, А-137, улица «Правды», 24.

— Я тебя по привычке чуть не обвесила.

Рис. В. Полухина.

60 коп.
Индекс 71075.

Увлечение живописью, считает Г. Барциц, помогает ему в работе. Встреча с природой восстанавливает душевное равновесие, позволяет избежать профессиональной деформации, которой, к сожалению, подвержены многие работники органов внутренних дел.

Геннадий Шотович относится к своему увлечению очень серьезно. В 1988 году его картины экспонировались на Всесоюзной выставке в Вологде, Ленинграде, Риге, Таллине, Вильнюсе. В этом году намечена персональная выставка в Академии МВД СССР.

